

– А-а-а-а-а, Ленна-а-а-а, что же это! – голосила Рая.

– Ой, мамочки! Елена Тимофеевна, – причитала Кира, прижав ладони ко рту.

– «Скорую», быстро! – заорал Денис. – Она ещё жива! Не стой столбом!

Он рывком открыл форточку, чтобы дать доступ свежему воздуху и опять бросился к Елене Тимофеевне.

Кира, спотыкаясь, выбежала в прихожую, схватила непослушными руками трубку. Набрала 03.

– Женщине плохо! Умирает! Самоубийство! – бессвязно закричала она, глотая слова. Потом кое-как взяла себя в руки и продиктовала адрес.

Наверное, оператора напугали её вопли, а может, «скорая» всегда быстро приезжает в таких случаях, но только меньше чем через десять минут в комнату уже заходили врачи.

Глава 15

Проплакавшись, Эльвира почти спокойно закончила свою историю – нагромождение диких, необъяснимых событий. В декабре началась совершеннейшая свистопляска.

Из Элкиной квартиры пропадали написанные на заказ картины. У старых знакомых оказывались другие имена. Иногда близкие люди вовсе не помнили Элю, удивлялись ей, как Толик. Зато из небытия выплывали личности с совершенно незнакомыми лицами, которые заявляли, что близко знакомы с Элей. Она оказалась в центре чудовищного хоровода, а когда попыталась рассказать обо всём маме, та заплакала и начала умолять дочь сходить к психиатру. Инесса Львовна решила, что у дочери белая горячка. Или какой-то другой алкольный недуг.

Чтобы пережить всё это, Элка периодически уходила в запой. Выныривала из водочных глубин, натыкалась на очередную непонятность, пугалась

до полусмерти и снова проваливалась в хмельной туман.

Самоубийство Лёни едва не погубило её саму. Услышав о его смерти, она внезапно вспомнила, что Лёня звонил ей. Всплыли детали их разговора, и Элка поняла, что с Лёней происходило то же самое. Как она корила себя, ругала последними словами, что не связалась с ним! Но ничего было не изменить.

Тогда Эля стала ходить к Елене Тимофеевне – её тянуло туда со страшной силой. Разговаривая с несчастной матерью, она по крупицам восстанавливала последние Лёнины дни. И постепенно убедилась, что они страдали одним и тем же. Только вот чем? Эльвира решила: это какое-то редкое психическое заболевание. Другого объяснения в голову не приходило. Ну, вот совпало так – один диагноз у двоих. Как рак или грипп, или гастрит.

В конце декабря она попала в больницу с обострившейся язвой. Выписалась перед Рождеством и сказала себе: больше так жить нельзя.

Искать помощи Эля решила в психиатрической лечебнице. На что надеялась? Да на то, что заколют, залечат! И больше она уже ничего не будет чувствовать, не будет бояться. Спокойно умрёт.

– Что же ты не позвонила нам? Неужели даже мысли не промелькнуло, что если это творилось с Лёней, то и с нами тоже могло? – почти закричала Кира.

– Почему же, промелькнуло. Очень хотелось в это верить. Всё-таки страшно было признавать себя чокнутой, – ответила Элка и взглянула на Киру. – Я звонила тебе.

– Что? – прошептала Кира. – Когда?

– Шестого числа. После Рождества я собиралась лечь сюда. А сначала решила позвонить. Никак не могла заставить себя снять трубку. Загадала – если дозвонюсь, всё расскажу. Нет – значит, не судьба.

– Точно, – вспомнила Кира и ударила себя кулаком по колену. – Был

звонок! Я в квартире прибиралась, а потом пошла в душ. Слышала звонок, ну, думаю, не буду вылезать. Кому надо – перезвонит...

– Видишь, как бывает, – грустно улыбнулась Эля. – Да ладно, забудь. Хорошо, хоть сейчас всё выяснилось.

– Так, девочки. Нам надо найти Милю, – подвёл черту Денис. – Тут, похоже, каждая минута на счету.

– Господи, а вдруг она тоже... Как Лёня, – засуетилась Эля, хватая Киру за руку.

– Поехали! – Кира вскочила с диванчика.

– Я с вами. Мне только надо переодеться, вещи забрать, – рванулась Элکا.

– Стоп, стоп, дамы! Давайте-ка не будем дёргаться. К Миле мы съездим с Кирой. Эля, улаживай с выпиской, собирайся. Ты от лекарств не отошла, вон – мотает тебя. Вдруг в дороге станет плохо? И что мы тогда будем делать?

Немного попрепившись, Кира с Элей признали правоту Дениса. Всё-таки вожак стаи. Решили так: Кира и Денис едут к Миле, выясняют, что с ней. А к вечеру заезжают сюда за Элкой. Забирают её с собой. Жить девочки пока будут у Киры – Сашки всё равно нет. Им всем лучше быть друг у друга на виду. Так спокойнее.

Ни один из них не произнёс этого вслух, но расставаться, а тем паче оставаться в одиночестве, было страшно.

До Аракчеевки, пояснил Денис, глядя на карту, не больше сорока минут пути. Плюс ещё сколько-то времени займёт выезд из города. Тут уж никогда заранее не скажешь, как долго придётся ехать. Правда, до часа пик ещё далеко, и есть надежда, что удастся избежать пробок.

Когда они учились в институте, Миля Рахманова была единственная «не казанская» из их пятёрки. Она каждый день моталась на электричке туда и обратно, а потом ещё добиралась от вокзала до института. Если лекция начиналась в половине девятого, то Миля выходила из дому в шесть тридцать. В

это время Кира даже не думала просыпаться.

Самое интересное, за все годы учёбы Миля ни разу не пропустила ни одной лекции или семинара. Она была из всей их компании самая правильная. Что вы хотите, староста группы! Не по необходимости, а по призванию. Уговорить её прогулять было нереально, Милю не останавливали ни морозы, ни дожди, ни болезни. Хотя болела она только один раз за все пять лет. Как сама говорила, деревенская закалка. Не то, что вы, хлюпики городские.

Несмотря на свою правильность, Миля никогда не была занудой или зубрилой. Просто её так воспитали: взялась – делай! Поступила – учись. Нечего филонить. Кстати, училась Миля средне, особыми талантами не блистала, брала трудолюбием и упорством, зато была весёлая, простая и открытая. Совершенно не вредная, Миля никогда не отмечала пропуски и прогулы одноклассников. Без звука давала всем списывать лекции, которые добросовестно записывала в клеёночные тетради своим крупным разборчивым почерком. Милю любили, хотя и посмеивались над её деревенской простотой и неумением одеваться.

Жила Миля вместе с родителями и сестрой, Кира забыла, как её звали. Родители работали в сельской школе: мать преподавала в начальных классах, отец вёл сразу несколько дисциплин – математику, труд и ОБЖ. Сестра была намного старше Мили, работала воспитательницей в детском саду. Вот такая педагогическая семья. Одна Миля, как она сама говаривала со смехом, «отщепенец».

Из пятерых друзей только Миля искренне мечтала работать инженером на каком-нибудь предприятии. Но и ей не удалось.

После четвёртого курса Миля вышла замуж. Самая первая из всех. Её избранником стал местный, аракчеевский, парень, они жили на соседних улицах, встречались со школы. Дамир, так звали мужа, отслужил в армии

(Миля, естественно, прилежно его ждала и каждую неделю писала подробные письма), работал строителем и получал приличные деньги.

После свадьбы молодожёны некоторое время жили с родителями Миля и возводили пристрой с отдельным входом. Родители Дамира обретались в двухэтажном бараке, привести туда жену было невозможно.

Закончив строительство, молодая семья переехала в собственное жильё. Почти сразу же на свет появилась дочка, через три года – вторая. Так и осела Миля дома, ни дня не проработав инженером.

Миля рассказывала, что у них большой кирпичный дом. Белый, это Кира запомнила точно. За все годы учёбы они так ни разу и не были у неё в гостях. Не выбрались. Так что теперь ориентироваться можно было только по названию улицы да по фамилии. Но и этого было немало: в небольших поселениях все друг друга знают. Подскажут.

Улиц в Аракчеевке было всего пять: три вдоль и две поперёк. Средняя продольная и оказалась Пролетарской. Хорошо, хоть это запомнили точно. Въехав на Пролетарскую, Кира с Денисом поначалу решили высматривать белый кирпичный дом с пристроем.

Однако примерно треть домов выглядела подобным образом, и они быстро отказались от этой бесполезной затеи. Поймали на улице пацанёнка с большим квадратным ранцем и зелёным мешком для второй обуви и спросили у него, где искать дом учителей Рахмановых.

С ранцем – значит, школьник. Раз школьник – стало быть, должен знать. Школьник знал. И тут же, без раздумий, указал на нужный дом.

– Ты ничего не путаешь? – усомнился Денис. Дом был и в самом деле белый, кирпичный. Как Миля и рассказывала, большой и добротный, обнесённый полутораметровым зелёным забором. Вот только никакого пристроя не было.

– Нет, – затряс головой мальчонка.

– Ну, спасибо тебе.

– Не за что, – ребёнок побежал дальше, оставив Киру и Дениса в раздумье смотреть на Милин дом.

– Ладно, пойдём, – решил Денис и двинулся вперёд. Кира за ним.

У калитки имелся звонок. Через пару минут дверь дома открылась, и к воротам заспешила женщина средних лет, очень похожая на Милю. Такая же худенькая, маленькая, усыпанная веснушками.

– Здравствуйте, – она выжидательно улыбнулась, глядя на Киру и Дениса.

– Добрый день, – поздоровалась Кира. – Нам бы Милю повидать. Она вам, наверное, о нас рассказывала, мы её институтские друзья. Я Кира, а это Денис.

На лице женщины застыло недоумение, которое быстро сменилось замешательством. Приветливая улыбка погасла, уголки губ поползли вниз, и Милина мать сразу стала казаться старше.

– Кто мне о вас рассказывал? – осторожно спросила она.

– Как кто? Ваша дочь, Миля. Ну, Джамия.

– Мою дочь зовут Дилярой, – холодно ответила женщина.

– Но я имею в виду вашу младшую дочь, – упавшим голосом сказала Кира.

И она, и Денис уже поняли – это очередной «провал».

Дверь дома снова отворилась, рядом с матерью Миля появилась ещё одна женщина – тоже веснушчатая, но гораздо плотнее и крупнее.

– Мам, что такое? Это кто? – спросила она высоким голосом, похожим на Милин.

Может быть, теперь наша Миля – вот эта самая Диляра, подумалось Кире.

– Диля, вот эти люди спрашивают Джамилу, – растерянно сказала мать.

– Что это значит? – строго спросила Диляра и обернулась к матери. – Мама, иди, я сама разберусь.

– Но я ведь...

– Мама, иди, – Диля чуть возвысила голос.

Женщина окинула их взглядом на прощание и молча скрылась в доме.

Диляра дождалась, пока дверь за ней закроется, насупила брови и пошла в наступление:

– Кто вы такие? Что вам нужно?

– Послушайте, Диляра, – вступил в разговор Денис, – мы никому не хотим ничего плохого. Мы ищем девушку, нашу однокурсницу, Джамилю Рахманову. Похоже, мы ошибаемся, и её здесь нет. Так что мы уже уходим. Простите, если чем-то обидели вас и вашу маму.

Его импозантная внешность и мягкий голос с убедительными интонациями, видимо, растопили сердце Диляры. Она немного оттаяла и добавила куда более приветливо:

– Да ладно, какие обиды? Вы, я смотрю, вроде приличные люди. Просто всё так совпало... У мамы, – она оглянулась на дом и заговорила тише, – у мамы действительно была дочь Джамиля. Моя младшая сестра. Она родилась давно, я тогда только в школу пошла. Плохо её помню, сама соплюшка была. Так вот, Джамиля умерла от пневмонии, ей ещё и года не исполнилось. Сами понимаете, мама сейчас расстроилась.

Диляра вдруг стала говорливой. Вываливала на них информацию, не замечая, какое впечатление производят её слова.

– А, ну тогда всё ясно, – Кира нашла в себе силы улыбнуться, – мы поедem. До свидания. Извините нас ещё раз.

– Погодите, – остановила их, спешащих укрыться в машине, Диляра. – А вы точно знаете, что ваша Джамиля именно из Аракчеевки?

– Вообще-то, нет, – промямлил Денис. – Может быть, она живёт в Арске. Или в Азнакаеве. Да, скорее всего, где-то там.

– У нас точно таких нет, – добила их Диляра, доброжелательно улыбнувшись, – даже не ищите, не мучайтесь.

– Спасибо, – хором прокричали Кира и Денис, одаривая Диляру вымученными улыбками.

Им не терпелось сесть в машину и побыстрее убраться из Аракчеевки. Только выехав на трассу, Денис нарушил тяжёлое молчание:

– Да, дела. Ты как, ничего?

– Я-то ничего. А вот Миля... Получается, она умерла младенцем, – потрясённо выговорила Кира.

– То-то её Лёнькина мать вспомнить никак не могла! А иначе как бы она забыла, если мы везде все вместе тогда ходили?! И у Лёньки дома тыщу раз были?

– Точно, – Кира прикрыла глаза и потёрла виски, – и потом, Елена же учительница, а Миля из учительской семьи. Она на этой почве постоянно с Милей общалась. Выделяла её. Слушай, я только что вспомнила: Елена даже их с Лёнькой поженить одно время мечтала!

– А ведь правда, – улыбнулся было воспоминаниям Денис, но улыбка его быстро увяла. – И всё-таки именно Милю-то Елена и не помнит.

– Понятно теперь, почему. Она меньше года прожила.

– Но мы-то помним!

– Мы – да. Для нас Миля абсолютно реальный человек, – задумчиво протянула Кира и замолчала.

Уже вечером, когда они втроём сидели на кухне у Кире, отогревая тело и душу крепким чаем, Денис сказал:

– Получается, нас осталось трое. Миля сгинула, Лёнька повесился. Мы пока живы.

– Именно что пока, – сжала зубы Эля.

Отмытая от больничного запаха, укутанная в Кириный синий махровый халат, она сидела на кухонном диванчике, вытянувшись в струнку. Тихо гудела стиральная машина, переворачивая в барабане Эльвирины вещи. Заезжать домой Элка не стала, прямо из больницы направилась к Кире.

Если честно, она боялась новых стрессов. Мало ли, что её ждёт дома. От прежних-то потрясений не вполне отошла. У Кире ей понравилось – чисто, уютно, тепло, красиво. Продумана

каждая мелочь, и человеку в этом доме легко, приятно, комфортно.

– Короче, обо всём договорились. Завтра с утра приеду и решим, что нам делать. Сегодня всё равно ни до чего не додумаемся. А мне домой надо съездить – Денис поднялся со стула, – хотя и не хочется.

– Боишься? – сочувственно улыбнулась Эльвира.

– Есть маленько.

– Может, поужинаешь?

– Да нет, я же всё-таки домой еду. Жена не даст с голоду помереть.

Денис одевался в прихожей, Кира и Эля стояли рядом.

– Всё, девчонки, пока, я пошёл.

– Пока, Денька, – ответила Кира. – До завтра.

– Пока, – тихим эхом откликнулась Эллка.

«Раньше хохотала бы, хохмила, шуточки отпускала, тормошила нас, – подумал Денис, – а теперь стоит, как тень бесплотная. Станем ли мы прежними? Вообще – останемся? Или исчезнем, как Лёнька с Милей?».

Он тихонько вздохнул и прикрыл за собой дверь.

Глава 17

По дороге к дому Суханова все трое подавленно молчали.

– Голова раскалывается, – пожаловалась Эля.

– У меня тоже тяжёлая, – Кира помассировала пальцами виски. – Не выспалась.

– Куда прёшь, баран! – зло выругался Денис на водителя битой «четырнадцатой», – понапокупают прав...

Утро принесло новые потери. И хотя они уже были готовы к этому, иммунитет не вырабатывался – опять стало страшно до одури.

Кира позвонила на работу – узнать, как дела. В такую рань, в начале восьмого, на месте мог быть только Марик. Он часто приезжал задолго до нача-

ла рабочего дня. Правда, это было до того, как у него появилась невеста, но попробовать стоило. Марик снял трубку после третьего гудка. Как всегда, на вахте.

На робкое приветствие Киры он вежливо поинтересовался, кто она такая, с кем и по какому поводу желает поговорить. Кире показалось, что её с силой ударили в живот – там сразу заныло и перехватило дыхание. И всё же она сумела оправиться и попросить к телефону саму себя. Марик так же вежливо проинформировал её, что в «Косметик-Сити» нет сотрудников с таким именем. Хотя, кажется, он припоминает, что несколько лет назад у них какое-то время работала девушка по имени Кира. Скомканно попрощавшись, она нажала кнопку отбоя.

– На работу звонила? – мрачно спросила Эллка, выходя из ванной. Денис, уже умытый и причёсанный, пил кофе на кухне.

Кира промолчала.

– И что тебе ответили?

– Меня там не знают. Я работала у них несколько лет назад, – замороженным голосом отозвалась Кира.

– А я тоже звонила. Родителям.

– Узнали? – хором спросили Денис и Кира.

– Узнать-то узнали... Мать стала выспрашивать, где я, причитать, зачем сбежала. Я ничего не пойму, откуда сбежала, спрашиваю. Она воет – как, деточка, ты ничего не помнишь? Тебе хуже? Короче, выяснилось, что я после очередного суицида лежала в больнице. Да, да, всё там же. В дурке. Мать принялась упрашивать меня не пить, вроде бы я по пьянке то вешаться, то травиться порываюсь. Я трубку кинула, давай брату звонить. Он тоже голосить начал – знаете же Гарика! Говорю ему: скажи мне только одно. Тогда вернусь в клинику. Зачем я пытаюсь покончить собой? Ну, алкоголичка – это ясно. Но не просто же так! Должна же быть причина! Он помялся, помялся и говорит: у тебя же выкидыш был пять лет назад, а после ты пытаешься беременеть – не

получается. Вот и двинулась на этой почве. От кого, говорю, пытаюсь? Так кто ж тебя знает, говорит. Ты нам не докладываешь. Вот такие дела.

– Господи, – прошептала Кира.

– Что ж, по крайней мере, мой сценарий ясен. Похоже, мне предписано повеситься по пьянке. Бездетная, безмужняя неудачница, алкоголичка и шлюха, – в голосе Эли звенели истерические нотки.

Ещё немного – и её прибиёт окончательно, мелькнуло в голове у Киры. Видимо, Денис тоже это понял, потому что поспешно вскочил со стула и заговорил, старясь отвлечь Элку, а заодно и застывшую Киру:

– Так, дамы, времени в обрез. Все разговоры – потом. Нам через сорок пять минут надо у Суханова быть. Эля, кофе будешь? Кира, ты пила? Ещё налить?

В машине каждый из них ушёл в свои невесёлые мысли.

– Надежда пока есть, – прервал их размышления Денис. – И мы приехали. На выход. Вон наш подъезд.

Владимир Суханов не был похож на чудаковатого профессора из фильма «Назад в будущее», каким его почему-то представляла себе Кира. Скорее уж, на студента. Выглядел он молодо и не солидно. Высокий, почти два метра, сухой, кадыкастый, большеглазый, худой, как весло. Руки-ноги болтались в рукавах и брючинах джинсового костюма, точно карандаши в стакане. Маленькую голову плотно покрывали тёмно-русые, коротко остриженные, слегка волнистые волосы.

Суханов жизнерадостно улыбнулся гостям и жестом пригласил войти.

Квартира Владимира полностью оправдала Кирины ожидания: впечатляющий своими масштабами бардак, горы книг, схем, карт, всюду непонятного назначения приборы и предметы, занимающие все горизонтальные поверхности. Именно так и должна выглядеть обитель увлечённого наукой или какой-то околонушной деятельностью человека.

Рассадив гостей на стульях и креслах, сам хозяин примостился напротив, на краешке стола. Денис вкратце изложил суть дела. Как всё-таки здорово, что он с ними, такой основательный, внушающий доверие, респектабельный! Говорит спокойно, вдумчиво, без излишних подробностей и эмоций.

Однако даже в таком изложении история выглядит дикой и нелепой. Кира старательно кивала в такт Денискиным словам и каждую минуту ждала: Владимир вот-вот решит, что над ним издеваются, рассердится и выставит их из своего дома.

Денис замолчал. Кира и Элка боялись даже дышать. Владимир, казалось, совершенно забыл об их присутствии и о чём-то напряжённо размышлял. Наконец он кивнул, словно соглашаясь с чем-то, и заявил:

– Значит, так, господа. В десять, как я сказал, у меня заседание кафедры. Я сейчас позвоню, скажу, что меня не будет. Мне нужно кое-что уточнить, проверить. Я пока, если честно, не вполне готов к разговору. Давайте поступим следующим образом. Встретимся здесь же... скажем, через два часа. Идёт?

– Идёт, – согласился Денис.

А что ещё оставалось?

– И, кстати, зовите меня Володей. Ни Вову, ни Владимира терпеть не могу. И давайте-ка на «ты».

– То есть, Вла..., извини, Володя, ты нам веришь? Не считаешь, что мы – кучка психов? – осторожно спросил Денис.

– Нет, конечно. Вы кучка людей, оказавшихся в очень ненужном месте в крайне ненужное время – вот как я бы это определил. Надеюсь, скоро смогу сказать больше.

Дождаться второй встречи с Володицей решили дома у Киры. Тупо слонялись по квартире, щёлкали пультом от телевизора. То собирались все вместе, то разбредались каждый в свой угол. То вдруг их охватывала отчаянная надежда, то на смену ей приходило уныние, и тогда они надолго замолкали,

с головой окунаясь в свои страхи. Что-бы чем-то себя занять, Кира решила приготовить поесть: никто из них толком не позавтракал. Она приготовила на скорую руку омлет, Денис порезал хлеб и колбасу, Элка настрогала салат. Перекусив, собрались и поехали.

Володя распахнул дверь сразу, как будто караулил возле порога.

– Привет, проходите, – коротко бросил Суханов. Он был серьёзен, чем-то явно озабочен и собран.

– У тебя какая машина? – обратился он к Денису.

– «Гранд Чероки», – слегка обескураженно ответил тот.

– Отлично. Проходимость что надо. А то там ведь, сами понимаете, неизвестно, что за дорога. Я зимой ни разу не был.

– Погоди, нам что – придётся ехать в Кара-Чокыр? – уточнила Элка.

– Думаю, придётся. Причём сегодня же. Дорогу знаете?

– Разберёмся. К тому же у меня навигатор.

– Отлично, – ещё раз бодро сказал Суханов, – значит, доберётесь. У вас же, наверное, ни спальников нет, ни палатки?

– Нет, – растерянно ответила за всех Кира. – А зачем?

– А затем, что вам придётся ночевать в лесу, – огорошил их Володя. – Кто-нибудь из вас ночевал зимой в палатке?

– Нет, – ответил Денис и спохватился, – хотя это мне не приходилось, а...

– Мне тоже, – быстро проговорила Элка.

Кира покачала головой.

– Я вообще-то так и думал. Но я вам всё подробно объясню, не переживайте. Это не так страшно, как может показаться. Попробуете, может, даже и понравится. Сейчас быстро всё купите. Оденьтесь потеплее. Хорошо бы, конечно, термобельё. Толстый коврик нужен. Спать на холодной земле – это гарантированно всё себе отморозить. Лопаты возьмите. Лыжи. Еды какой-нибудь. Чай, кофе в термосе. Туристскую газовую лампу. Позже список составлю, что вам

понадобится, чтоб ничего не забыть. Костёр надо будет развести. Сумеете?

– Сумеем, наверное, – не слишком уверенно произнесла Кира.

– Володя, но ты же так ничего и не объяснил, – жалобно пискнула Элка, выразив общее мнение, – я ничего не понимаю!

– Да-да, – заторопился Суханов. – Сейчас расскажу, почему вам надо ехать. Что такое аномальные зоны, думаю, примерно представляете?

– Примерно, – подтвердила Кира. Остальные промолчали.

– Эти места с давних пор называют гиблыми. Причины возникновения аномалий могут быть самые разные, точными сведениями наука пока не располагает. Иногда их связывают с падениями метеоритов, иногда – с залежами некоторых видов ископаемых, с геомагнитными полями. Есть мнение, что паранормальные явления возникают на месте разрушенных мечетей, церквей и прочих культовых сооружений, а также разорённых кладбищ. Проявления в различных зонах тоже разные: где-то люди видят блуждающие огни, непонятные свечения, встречают призраков. В некоторых зонах появляются невиданные растения или животные. Учёные ставили эксперименты, выращивали мышей в таких местах. Так вот, зверьки давали потомство с многочисленными отклонениями, опухолями, сильным недобором веса. Мыши даже пожирали своё потомство! Люди тоже чувствуют такие места: у них начинаются необъяснимые головные боли, поднимается температура, они испытывают беспричинный страх, беспокойство, тревогу, тоску. Подсознательно человек старается избежать аномальных зон, обойти стороной. Там не строят домов, не основывают поселений. Пока всё ясно? – прервал лекцию Суханов.

– Ясно. И Кара-Чокыр – как раз такое место.

– Да, одно из таких мест. Сам я был там всего один раз, просто заглянул. Ни я, ни кто-то другой ещё не занимался исследованием аномалий Кара-Чокыра

вплотную. Однако я точно могу вам сказать: неладно там было с давних пор. В пяти-шести километрах от озера есть деревня Кармановка – туда как раз ведёт просёлочная дорога, по которой вы съехали с трассы. Ты её, вероятно, помнишь, Денис?

– Помню.

– Так вот, кроме этой деревни, самой ближней к местечку Кара-Чокыр, название, кстати, переводится с татарского как «Чёрная Яма», есть ещё два поселения, подальше. К сожалению, не помню их названий. И во всех этих деревнях бытует одинаковое поверье. Я сегодня с ребятами-филологами связывался, уточнял. Они изучали местный фольклор. Вкратце суть такова: считается, что возле озера, в роще, на лужайках обитает некое жуткое существо – Бется. С ударением на «я». Название забавное, но в самом существе ничего смешного нет. Встреча с ним губительна для человека. А повстречать его можно исключительно в тёмное время суток. Поэтому местные стараются не оказываться там ближе к вечеру без острой необходимости. Вообще, на всякий случай, туда не заходят. Но уж если случится забрести, то стремятся уйти до наступления темноты.

– И чем он так опасен, этот Бется?
– Кира обхватила себя руками. Ей было зябко. Температура, что ли, поднимается? Не хватало ещё заболеть.

– Мои фольклористы считают, что само название «Бется», скорее всего, происходит от татарского «битсез» – «без лица». По легенде это безликое существо – я хочу сказать, что лицо у него отсутствует в буквальном смысле слова. Так вот, Безликий подкрадывается к заночевавшим на поляне у озера путникам и крадёт у них жизни.

– Жуть какая! – Элку передёрнуло.

– Будто бы он питается человеческими жизнями, примеривает на себя чужие личины, – Суханов потёр пальцем переносицу и продолжил. – После визита Безликого человек просыпается другим. Мается, беснуется, начинает всего бояться, сходит с ума и в конце концов

гибнет. А некоторые и вовсе пропадают после страшной ночной встречи – и про них даже близкие ничего не помнят, не знают. Знакомо, правда?

Никто из троих не нашёл в себе сил даже кивнуть.

У Киры было чувство, что она падает с двадцатого этажа. «Мой сон, – подумала она, – это же тварь из моего кошмара».

– Ребята, конечно, никакого Безликого не существует – это плод народной фантазии, – успокаивающе проговорил Суханов. – Лично я склонен думать, что дело в озере – возможно, в его воде или растительности содержатся какие-то элементы, которые выделяют опасные испарения. Кстати, это озеро не замерзает зимой. Вообще. Может быть, есть и другая причина, это нам ещё предстоит выяснить. Что касается перемен в ваших жизнях, у меня есть кое-какие соображения, если вам интересно.

Все промолчали в знак согласия.

– Так вот, я думаю, всё дело в параллельных вселенных, – оживлённо заговорил Суханов. Похоже, он оседлал своего конька. – Видите ли, в чём дело. Любой человек ежедневно, ежедневно становится перед выбором, принимает решения, так ведь? Ну, допустим, вы могли выйти замуж за Петю, а могли остаться незамужней. Или вовсе стать женой Васи. И это только три варианта развития событий! Человек может поступить в университет, а может пойти в армию или уехать на заработки за границу. Это глобальный выбор, а есть мелкие решения. Поехать на метро или сесть в автобус и попасть в аварию. Съесть просроченный салат и отравиться или остаться голодным и здоровым. То есть существует огромное количество сценариев жизни любого человека. Представьте себе дорогу, на которой постоянно встречаются развилки. Вы можете поехать прямо, налево, направо или вообще повернуть назад. И такой выбор приходится делать практически ежедневно! Так вот, принимая то или иное решение, поступая так,

а не иначе, вы создаёте тем самым новую версию своей жизни и следуете ей. Но есть такая теория, что неиспользованные вами миллионы, мириады вариантов тоже где-то существуют – рядом, параллельно... Мы же говорим иногда: вот если бы я сделал то-то и то-то, тогда всё было бы по-другому. Некоторые учёные полагают, что этот желанный вариант имеется рядом с вами. Как и миллионы других, хороших и плохих... Но оказаться в них невозможно. Вы меня понимаете?

Денис запустил пятерню в волосы и покачал головой:

– Бред какой-то.

– Ну, возможно. Я же говорю, это только версия. И всё-таки.... Мне кажется, вы все с той поездки в Кара-Чокыре каким-то образом начали перемещаться из одного варианта своей судьбы в другой. Шагать по этим параллельным вселенным! Причём каждый раз оказываясь всё ближе к той вариации, которая для вас гибельна. Как будто запустилась какая-то программа самоуничтожения.

Суханов хотел сказать ещё что-то, но вместо этого сделал невразумительный жест и замолчал.

– Да почему мы-то, ёлки-палки? – взорвался Денис. – Мы что, в чём-то согрешили? Мы обыкновенные люди! Кому, чёрт возьми, могли мы в чём-то помешать?

Всё, что копилось долгими неделями, будто разом поднялось со дна его измученной души. Денис матерился, взывал к богу, орал. Кира и Элка сидели, как пришибленные. Суханов словно и не удивился этой дикой вспышке. Терпеливо ждал, когда Грачёв выговорится, не делая попытки остановить поток ругани.

Наконец Денис опустошённо замолчал.

– Как думаешь, можно эту программу как-нибудь отключить? – медленно подбирая слова, спросила Кира.

– А почему она вдруг возникла, эта твоя программа? – неожиданно громко перебила её Элка.

– Она не моя, – укоризненно попра-

вил её Володя. – И я не знаю, что могло её запустить. Если, повторяю, дело вообще в этом! Что тоже под большим вопросом.

– Но наверняка же у тебя есть «кое-какие соображения», – ехидно заметила Элка.

– Есть, – спокойно сказал Суханов, – похоже, что её каким-то образом запустила ваша ночёвка в Кара-Чокыре. Как – не спрашивайте, я не знаю. В некоторых аномальных зонах, в знаменитом Бермудском треугольнике, например, бесследно пропадают люди, самолёты, корабли. Одни так никогда и не находятся, другие потом вдруг объявляются где-то. Известна история об исчезновении пяти кораблей ВМС США в том районе. Был солнечный день, самолёты совершали обычное патрулирование прибрежных районов. За штурвалами были высококвалифицированные пилоты. После нескольких часов полёта ведущий самолёт сообщил командному центру, что они потерялись, компасы не работают и «всё выглядит очень странно». Больше их никто не видел, расследование ВМС США так и не дало вразумительных объяснений событию. Или такой случай. Из порта вышел лайнер и пропал. Его искали – ни слуху, ни духу. Спустя некоторое время он обнаружился в совершенно другом месте, там, где его и быть не могло. Вся команда исчезла, а сам корабль выглядел так, словно плавал по морям лет двадцать, не меньше. Таких случаев не один и не два. Только с 1950 по 1954 годы в Море Дьявола, у восточного побережья Японии, произошло девять случаев исчезновения кораблей! Это всё факты, но факты пока никем научно не объяснённые. Видимо, в определённых местах меняется само понятие времени и места. Мне кажется, уже ясно, что аномалии Кара-Чокыра как раз и заключаются в таких шутках со временем и пространством.

– Володя, не хочу показаться грубой, ты очень интересно рассказыва-

ешь, но как всё это поможет нам выжить? – прямо спросила Кира.

Суханов смутился и замялся.

– Послушайте, вообще-то я вам не сказал ещё одну вещь. Важную.

– Какую именно? – отрывисто спросила Эля.

– По легенде, тем, кто повстречал ночью Безликого, жить остаётся самое большее – полгода. Вы помните, когда там ночевали? В ночь на первое августа, так ведь?

– Точно, – ошеломлённо пробормотала Кира. – Миля тогда говорила, что надо успеть съездить до второго августа. Она у нас кладезь народной мудрости. До Ильина дня, говорит, надо как следует накупаться, а то после уже нельзя будет: вода зацветёт. И русалка на дно утащит.

– Лёнька ещё смеялся, что если русалка симпатичная, то он, пожалуй, не против, – добавила Элка.

– Но это значит, что полгода истекают первого февраля. Ребята, это же уже завтра! Сегодня тридцать первое! – Кира подскочила, как ужаленная.

– Я не хочу вас пугать, но вы сами видите – многое совпадает. Возможно, это всё чушь. Но вполне может случиться так, что послезавтра... что-то произойдёт. И вы все... – Суханов смеялся, не договорил. Засунул руку в карман, вытащил клетчатый платок, повертел, покомкал его и засунул обратно.

– Хорошо, а с чего ты взял, что нам надо туда ехать? Чем это поможет, если мы уже обречены? – Денис говорил немного смущённо. Ему было неловко от своей недавней вспышки.

– Я пока могу полагаться всё на те же местные предания, – с несчастным видом сказал Суханов. – Больше никаких источников всё равно нет. Как правило, такого рода поверья складываются в результате многочисленных народных наблюдений, имеют реальную основу, хотя и завуалированную, метафорическую.

Кира даже дышать перестала от волнения.

– В легенде говорится, что мож-

но попытаться заставить это чудовище снять заклятие. Для этого жертвам Безликого надо рискнуть. Отправиться на озеро, пока не прошло полгода, и переночевать там. Нужно обязательно заснуть – Бетсю нельзя видеть ни в коем случае! И Безликий может, если пожелает, вернуть жизнь одному из них. Или всем, кто решился прийти. Или никому.

Все поражённо молчали, стараясь не смотреть друг на друга.

– Но я бы не советовал вам воспринимать всё так буквально, – заметил Володя, видя их реакцию. – Не надо думать, что ночью какая-то жуткая тварь появится рядом с вами. Возможно, просто существует некая гипотетическая возможность обратить вспять последствия вашего летнего... визита. Ещё раз повторяю: гипотетическая! Воспринимайте поездку как попытку всё исправить. Вы сегодня съездите туда, заночуете. Хуже не будет, правда? А я вечером и ночью ещё посоветуюсь с людьми, подумаю, что можно предпринять, идёт?

– А у нас что, есть выбор? – криво усмехнулся Денис.

– Хуже не будет. Это ты верно подметил, – согласилась Элка.

– Нет, если не хотите...

– Хватит нас уговаривать, Володь, – проговорила Кира, рывком поднимаясь со стула, – всё равно пока рассчитывать больше не на что. А это хоть какой-то выход.

Володя чётко перечислил всё, что необходимо купить для ночёвки в лесу. Денис скрупулёзно записал в блокнот. Обговорив ещё раз детали, друзья прощались с Володей, который изо всех сил делал вид, что им предстоит всего лишь необычная загородная поездка.

Они стояли возле машины. Суханов спустился их проводить. В последний путь, пронеслось в голове у Киры.

– Идущие на смерть приветствуют тебя, – мрачно пошутил Денис в унисон Кириным мыслям, пожимая Володе руку на прощание.

Суханов покраснел и быстро отдернул руку.

— Ну, зачем ты так! — мягко укорил он Дениса. — Всё будет хорошо, вот увидите.

— Хотелось бы увидеть, — суховато бросила Кира.

Она смотрела на Володю отстранённо, как смертельно больной человек — на здорового. Они теперь были по разные стороны бытия. Их цели и перспективы кардинально отличались. Суханова интересовало многое — карьера, научные исследования, женщины, зарплата, футбол. А с ними всё было предельно просто. Они хотели только одного — выжить.

Глава 18

Странное это было место, Кара-Чокыр. Удивительно, что в прошлый приезд никто из нас этого не заметил, думалось Кире. Здесь как-то всё... стыло. Неподвижно. Даже дышит тяжело. Воздух густой и вязкий, как туман, но его нет.

Разве бывает такое полное безветрие? Такая тишь? Как будто не на берегу озера сидишь, а в студёной комнате. Ветер не обдувает лицо, не швыряет в тебя мелкими колющими снежинками. Холодные крупинки медленно, сонно, ровно по вертикали опускаются на землю.

И само озеро... Тёмно-серое пятно посреди белой равнины. Как Володя и рассказывал, оно не замерзало зимой, не покрывалось льдом. От воды тянуло холодом и сыростью. Так и кажется, что там, в неприятной глубине, что-то застало и ждёт своего часа.

Темнело стремительно, и скоро вокруг была уже самая настоящая, непроглядная ночь. Ни огонька, ни искорки. Костёр мужественно шкворчал и потрескивал, но, как ни старался, не мог рассеять окружающий мрак.

Темнота навалилась на Кара-Чокыр, как плотное одеяло. Придавленные её

мощью, трое людей на берегу лесного озера растерянно притихли. Они сидели возле костра, инстинктивно прижимаясь друг к другу в поисках защиты и поддержки.

Сколько бы человек ни хорохорился, ни воображал себя царём природы, он пасует перед её очевидной мощью, оказавшись с нею лицом к лицу. Особенно в темноте, которая дезориентирует, подавляет, размывает грани, делает привычные вещи необычными и даже пугающими.

Дневная суета хоть ненадолго избавляла от страхов и сомнений. Позволяла забыться. Теперь же, присев, чтобы отдохнуть и поужинать, все трое чувствовали, как их начинает пробирать дрожь. Костёр плюс тёплая одежда согревали на славу. Холод шёл изнутри, студил душу. Им почти одновременно пришла в голову мысль: а ведь запросто может случиться так, что это последний вечер в жизни!

Денис потёр ладони, встал, массируя затёкшую поясницу, и нарочито бодрым голосом предложил:

— Ну, дамы, как насчёт по сто грамм? А то мы что-то совсем приуныли.

Суханов предупреждал: не пить ни в коем случае! Это только поначалу от водки тепло и весело. Потом будет только хуже: и холодней, и тоскливей (а то мы не знаем, — ухмыльнулась тогда Элка). Потом, правда, Володя смягчил свой запрет, разрешил по «чуть-чуть». Понял, что «на сухую», с ясной головой, этой ночью им, скорей всего, не одолеть.

Денис, заручившись согласием, вытащил бутылку водки. Это был весь их запас спиртного. Большого позволять себе нельзя. В самом деле, напиться — не выход. Это уж только так, немного страх разогнать. А часам к десяти можно и спать лечь. Всего-то пару часов продержаться, рассудил Денис и разлил огненную воду по маленьким пластиковым рюмочкам.

— Что-то я таких раньше не видела, — заметила Кира.

— До чего дошёл прогресс — всё для удобства. Даже походные рюмки.

Водка горячим шаром прокатилась по горлу. В желудке мгновенно стало жарко. Кира сунула в рот маринованный огурец.

– Хорошо пошла! – крикнул Денис.

– Мягкая, – подтвердила Элка.

– Знатоки, тоже мне, – беззлобно подколола Кира.

– Сидим, как нормальные люди, – заметил Деня, – только гитары не хватает.

– Ага, только её и не хватает, – усмехнулась Элка. – А то б спели сейчас!

Её заметно повело. Кира читала, что только новичков и законченных алкоголиков развозит с одной рюмки. Новичком Эля явно не была. Сердце сжалось от сочувствия к подруге. Почему так сложилась её жизнь? Красивая, добрая, одарённая, почему она несчастлива?

Словно отвечая на её безмолвный вопрос, Элка вдруг сказала:

– А хотите, секрет свой вам расскажу? Нам же сейчас всё можно, любые неприличные откровенности. До утра можем и не дожить.

– Ты что, поверила, что к нам явится Бется? – Денис хотел, чтобы в его вопросе прозвучала ирония, но голос подвёл своего хозяина и дрогнул.

– А ты – нет?

Денис попытался снисходительно улыбнуться, но улыбка вышла на полразмера меньше и скобочичилась в углу рта.

– Не верю, что здесь водится какой-то там монстр! – запальчиво заявил он.

– После всего, что с нами случилось, лично я готова верить во что угодно, – негромко заметила Кира.

– Нет, я не спорю, с этим местом что-то не так. Но Володя же сам сказал, всему есть научное объяснение. Никакой мистики. Никакого Безликого. Просто физика.

– Даже если и так, это всё равно за пределом моего понимания, – Кира откусила кусок колбасы и принялась медленно пережёвывать. – По мне, так, что

какие-то там поля, что Безликий – однофигиственно.

– А вы подумайте, сколько людей, может быть, пропадает из-за таких мест! Сотни, тысячи... и никто потом не вспоминает о них. Как будто их просто стёрли, – уставившись в огонь, прошептала Эля. В её широко раскрытых глазах плясало отражение рваных прядей пламени.

От этих слов мороз пробрал по коже. Гусь прошёл по моей могиле, вспомнила Кира старую поговорку.

– Давайте-ка ещё выпьем, – помодала она головой, отгоняя страх.

Денис послушно наполнил рюмки. Элка одним махом опрокинула в себя содержимое и даже не поморщилась. Кира тоже сделала большой глоток и торопливо запила водку остывшим чаем из пластикового стаканчика. Отдышалась. Нельзя запивать, вредно! А с другой стороны, может, это последнее застолье в жизни. Разве не глупо беречь здоровье, если всё равно завтра на кладбище?

«Нет, определённо надо заканчивать с такими мыслями», – подумала Кира и решительно потрянула головой. Хватит киснуть!

– Ты обещала нам какой-то секрет.

– Обещала – расскажу, – медленно выговорила Элка.

Она немного помолчала, опустив голову, потом повернулась, пристально глянула Денису в глаза и указала на него театральным жестом.

– Вот она, моя тайна!

– Что? – удивился он.

– Да то, что я любила тебя все пять лет, пока мы учились. По-настоящему. Так сильно, как только умела.

– Ты... его любила? – Кира никак не ожидала услышать что-то подобное. Понятия «Элка» и «тайна» были несовместимы. Миля грубовато, но верно говаривала про подругу: вода в заднице не держится. Про неё все всегда всё знали. Они четверо были убеждены, что Эля у них как на ладони. А тут вдруг выясняется!

Kella-2012

Денис обескураженно молчал. Потом выдавил:

— Я ничего не знал.

— Да успокойся ты, сейчас уже всё в прошлом. Перегорело. Переболело. А тогда... Чего я только не делала. Однажды даже чуть замуж не вышла, чтобы разом разругать всё. За Радика Суворова, может, помните?

Кира нахмурилась и промолчала. Радика и связанную с ним некрасивую историю она помнила. Тихий, очень

симпатичный мальчик, учился в Питере, в какой-то военной академии. Любил Элку до сумасшествия. Письма из Петербурга писал каждый день, а когда на каникулы приезжал, ходил за ней по пятам, заваливал цветами и подарками. В итоге она согласилась выйти за него. Радик прямо светился от счастья. Дату назначили, в августе, кажется. Приглашения разослали. Она даже платье купила. Шикарное, цвета шампанского, Кира видела. А потом раз — и переду-

мала. Никто даже не удивился особо: Элка, что с неё взять! Семь, нет, даже восемь пятниц на неделе. А бедный Радик с разбитым сердцем уехал зализывать раны, и больше они его никогда не видели.

— Знаете, почему я свадьбу отменила? — продолжила Элка, глядя на Дениса. — Да потому что возомнила, что у тебя ко мне тоже что-то есть. Помнишь, мы с тобой на практику в какой-то колхоз в начале лета ездили? На несколько дней? Миля у себя её проходила, Лёнька на кафедре что-то мудрил, Кира болела. Мы несколько дней вместе были, бок о бок.

— Помню, — хрипло ответил Денис.

На самом деле воспоминания были довольно смутные. Лето, жара, автобус, который, натужно рыча, полз по пыльной дороге. Смех, шуточки, вечера у костра, купание в мелкой речонке. Ничего особенного.

— Я себе бог весть что навоображала. Мне казалось, дело сдвинулось с мёртвой точки. Ты и смотреть на меня стал по-особому, и говорить. Приехала домой — летаю, порхаю. А тут Радик звонит, про свадьбу заливается. Мне одновременно тошно и радостно. Потом спохватилась — мама дорогая! Задержка! Да не пугайся ты, ничего у нас с тобой не было, — успокоила она побледневшего Дениса.

У того на лице были написаны все его страхи: было дело, пили на природе... Так кто знает, вдруг чего-то поутру не помнил?!

— Ребёнок был от Радика. Это-то и было для меня самым ужасным. Я же надеялась на роман с тобой! Беременность от другого сюда не вписывалась. Я возненавидела этого ребёнка и его отца. Радику сразу сказала: не люблю, противен, убирайся. Прогнала, обидела и даже не задумалась. А он меня так любил, как никто не любил ни до него, ни после. Нельзя предавать любовь, я после где-то прочитала, что это страшный грех. Вышла бы за него, родила, может, и не сидела бы тут, с вами, — в голосе Эли звучала острая тоска.

— А ребёнок? — робко выговорила Кира.

— Ребёнок... Второй мой грех, — Элкино лицо прорезали морщины, она прикусила губу и судорожно вздохнула.

— Может, хватит? Зря я спросила...

— Нет уж, исповедоваться — так до конца. Никому этого не рассказывала. Ребёнка я сама убила.

— Аборт? — понимающе спросила Кира, которая сама всю жизнь казнилась и мучилась из-за ошибки (греха) своей юности.

— Хуже, — отрубила Элка. Вскинула голову и с лихорадочным сухим блеском в глазах продолжила:

— Я боялась делать аборт и сама его убивала. Три дня подряд.

Денис и Кира, вытаращив глаза, слушали.

— Хотела, чтобы выкидыш случился. Ноги парила в горчице, пока они чуть не сварились. Напилась какой-то дряни и в ванне горячей лежала. Потом гири Гарика тягала, по лестнице носилась. Таблетки какие-то глотала. Помню... — Элка запнулась, но договорила, — бью себя кулаком в живот и ору: «Умри, сволочь, сдохни!». Червяком мерзким называла. Ребёночка своего... В бога не верила, но молилась — убей эту тварь, пусть уберётся из меня. Вот что я творила. Правильно, что бог меня потом наказал. Даже мало. Детей не дал больше. Разве таким, как я, можно?! — голос её сорвался. — Если бы вы только знали, как я потом хотела родить! Каждая задержка — и я надеюсь, как сумасшедшая: неужели?! А как увижу, что опять ничего не получилось, опять я пустая — скорлупа одна... Хоть в окно прыгай. Такая тоска нападает, что...

Элка спрятала лицо в ладони и даже не зарыдала — завывала. Ей было так больно, что эта боль физически ощущалась Кирой и Денисом.

У Киры закололо сердце, задрожали руки. Она вспомнила, как Элка вчера рассказывала про «провалы», которые произошли с ней за эти полгода. Самым страшным потрясением была внезапно исчезнувшая долгожданная беремен-

ность. Даже представить невозможно, что пережила тогда несчастная Эля! Ещё вчера была вне себя от радости, что наконец-то ей даровано счастье стать матерью, а утром встала – никакого ребёнка нет и в помине! Только теперь Кире открылась вся глубина Элкиного горя. Подруга заглянула в такую бездну, которая способна свести с ума. Убить.

– Три дня прошли – бесполезно, выкидыша нет. – Элка кое-как сумела взять себя в руки и договорить. – А ночью проснулась – больно. Живот прямо разрывает. Смотрю – кровь. Родители в Нижнем были. Гарик перепугался, ничего не поймёт, мечется. «Скорую» вызвал, меня увезли. Выскоблили. И всё. А потом лето кончилось, и пошло как раньше, – она жалко улыбнулась, – Эля и Денис – лучшие друзья. Ты нам все уши прожужжал про москвичку, с которой в Сочи познакомился и закрутил. Чуть не женился. Правда, что-то у вас не сложилось: видать, замёрзла южная любовь под северным солнцем. Ты с какой-то Верочкой, помню, встречаться начал. Денис же у нас горячий мачо – никогда один не скучал. А я всех твоих «Верочек» до сих пор помню. Ну, мне тоже пришлось... найти кого-то. Чтоб никто ничего не заметил... Короче, зря мечтала.

Она замолчала. Выдохлась. Кира обняла её за плечи, прижала к себе. Та плакала, не скрываясь.

– Прости меня, – выговорил Денис, – пожалуйста, прости, если сможешь.

– Да что ты, – слабо махнула рукой Эля. – Не в тебе дело. Я тебя никогда не винила, честно. Даже не обижалась. Моя бессмертная любовь постепенно сошла на нет. Засохла без полива, извини за банальность. Любовь пропала, а грехи остались.

– Я виноват... – начал было Денис.

– Нет, нет, сказала же! – горячо проговорила она. – Это всё я, мой дурной характер. Была бы сильной, мудрой, понимала бы, что ничего у нас не может быть. И надо радоваться тому, что да-

ровано. Ну, не хотела жить с Радиком, и не жила бы. Ребёнок-то чем был виноват? Он просто хотел появиться на свет. А я ему не позволила... И всё, хватит об этом. Поговорили.

Элка быстро приподнялась, потянулась за бутылкой. Привычным движением плеснула по рюмкам.

– Выпьем за помин души малыша не рождённого. Она ведь уже была у него? Душа-то? И моей души заодно.

– Перестань, Эля, – мучительно выкрикнул Денис. – Зачем рвать себя на части?! Думаешь, ты одна грешила? Да в каждом есть такое, что волосы дыбом встанут. Что, не так?

– Так, – согласилась Кира.

– Если на то пошло, давай и мы с Кирой тоже... исповедаемся. Самое время. Может, нам и вправду немного осталось.

Кира была не готова к этому неожиданному повороту. Но в голосе Дениса звучало такое отчаяние, а Элкин рассказ настолько перевернул всё в её душе, что она вдруг решила, – а почему нет?

– Только тогда уж я начну, – заявила Кира и без всякого перехода, чтобы не передумать, рубанула:

– Хочу вам признаться в двух вещах. Во-первых, на мне тот же грех, что и на Элке. Аборт. Сделала на первом курсе. Влюбилась в парня, тоже Сашу, и... А теперь, скорее всего, именно из-за аборта у нас с моим Сашей никак не получается ребёнок. Я почти уверена в этом. А Саша ничего про это не знает. Вот такая я стерва.

Кира быстро проговорила это и перевела дух.

– Ты тогда на аборт у меня просила, да? – полуутвердительно, полувопросительно сказала Элка, нетвёрдо выговаривая слова.

– Да. Не к кому было обратиться. Родители ни за что бы не поняли, просто не представляю себе их реакцию. Такое бы началось! Сейчас мне кажется, могла бы сказать сестре, Ирине, но тогда... В общем, не решилась. О том, чтобы оставить ребёнка, даже не

думала. Зато сейчас точно знаю, что надо было рожать. Может, это был мой единственный шанс стать матерью? А я от него отказалась, дура малодушная.

Кира тяжело вздохнула, хотела на этом закончить, но всё же решила договорить.

— Я высчитала примерно, когда малыш должен был родиться. Получилось, приблизительно десятого августа. Вот уже двенадцать лет в этот день всегда прихожу на кладбище, покупаю большой букет и кладу на могилу одной девочки. Той девочке, Машеньке, было восемь, когда она умерла. Там эпитафия есть: «Ты так любила жизнь, дочка. Прости, что я не сумела победить смерть». Машенькина мама боролась за свою дочь.

— Выходит, я не только своего ребёнка погубила, но и твоему помогла умереть? — с надрывом произнесла Элка. Лицо её некрасиво сморщилось, губы задрожали, на глаза набежали слёзы.

Кира едва заметно сдвинула брови — это уже отдавало истерикой. Или мелодрамой. А скорее всего, как говорила подруга Гелька, «водка плачет». Элка успела выпить ещё, не дожидаясь, чтобы к ней присоединились Кира и Денис. Причём наливала уже в не рюмку, а в стакан.

— Не говори глупостей, Эля. Мне даже комментировать эту чушь не хочется. Ты помогла подруге, дала в долг. Это был добрый поступок, и я тебе за него благодарна, — прохладно ответила Кира. — И, пожалуйста, давайте закроем тему.

— Ты сказала, что должна рассказать про две вещи, — осторожно напомнил Денис.

Кира подумала, что он, наверное, только рад будет поговорить о другом. Всё-таки Денис мужчина, и женские страхи, связанные с деторождением, во многом ему непонятны. К тому же он отец, а значит, не испытывает неутолённой жажды продолжить род.

— Да, есть ещё кое-что... Только

это... — Кира запнулась, — этого не было. Это просто мой сон.

— Сон? — удивился Денис.

— Я видела во сне Безликого. Даже не так. Я вижу его во сне с детства. И не понимаю, что это означает. Не знаю, надо ли вам сейчас об этом говорить, но...

Волнуясь и сбиваясь, Кира подробно пересказала друзьям свой давний кошмар.

Во сне она снова школьница, сидит за письменным столом в своей комнате и делает уроки. Алгебру. Самый нелюбимый предмет, выкручивающий мозги.

Дома больше никого нет. Свет горит только здесь, в детской — включена настольная лампа. Во всей квартире — темнота. Сначала всё идёт как обычно: маленькая Кира сидит, считает, что-то записывает в тетрадку.

Вдруг ей слышится неясный шум в соседней комнате. Непонятные звуки — то ли голоса, то ли шаги, то ли шорохи. Кире становится страшно. Она осторожно поворачивает голову и замечает, что комната изменилась. Обычно здесь всегда аккуратно: Киру с детства не нужно было заставлять прибираться, она сама терпеть не могла, когда вещи разбросаны, всюду пыль и грязь. Не выносила беспорядка, не могла в нём существовать. Хаос проникал в её мысли, разъедал их, мешал жить. И Кира всегда боролась с ним даже в мелочах.

А теперь в комнате именно то, чего она так не любит: яркое покрывало смято и сброшено с кровати, скомканная одежда бесформенной грудой лежит на стуле, на полу какие-то книги, бумаги, игрушки. Всё сдвинуто, убрано с привычных мест, да вдобавок покрыто серой душной пылью. Кира встаёт со стула, изумлённо оглядывая это безобразие. Шум в соседней комнате усиливается.

Она спешит к выходу. Ей нужно добраться до прихожей и включить свет, чтобы осветить заодно и гостиную. Тогда станет видно, что (кто?) производит там шум. Зайти сразу в тёмную комнату,

где нечто вдруг зажило своей странной жизнью и производит неведомые звуки, Кира не решается.

Она идёт быстро, стараясь унять сбившееся дыхание. Выскакивает в прихожую, нащупывает выключатель (вот-вот чья-то влажная, холодная, скользкая рука накроет мою руку!) и включает светильник.

Большая прихожая тут же озаряется уютным желтоватым светом. Кира поворачивает голову и видит, что кто-то стоит на балконе их шестого этажа и пытается открыть дверь. Толкается, скребётся, нетерпеливо постукивая пальцами по стеклу.

Кира, как замороженная, смотрит на высокую тёмную фигуру.

«Он не сможет открыть, — пытается она успокоить саму себя, — там же задвижка».

И в эту минуту дверь открывается. Легко и беззвучно. Просто поддаётся и приглашающе распахивается. Предательница! Незванный гость тихо шагает в комнату. Осторожно отводит в сторону лёгкую тюлевую занавеску и движется, беззвучно скользит вперёд.

Кира пытается кричать, но горло перехватило, и ей не удаётся издать ни звука. «Бежать! Надо открыть дверь и бежать», — вспыхивает в мозгу спасительная мысль, но Кира продолжает стоять на месте, беспомощно глядя на приближающуюся фигуру. Разглядеть, кто это, она не может — освещение слишком слабое.

Между тем неясный силуэт приближается. Когда он оказывается уже на середине гостиной, Кира снова обретает способность двигаться. Она разворачивается лицом к входной двери, пробует трясущимися от страха руками открыть замок и выбраться наружу. Сердце колотится как сумасшедшее. Возвращается голос, и Кира тоненько подвывает от ужаса. Как это всегда бывает во сне, движения её замедленны, ключ не желает поворачиваться, выскальзывает из пальцев. Кира судорожно тормозит замок, а шаги приближаются. Наконец ей удаётся отпереть дверь. Она стонет

от облегчения и уже собирается выскочить в коридор, когда на её плечо опускается рука.

Поняв, что выйти не удастся, маленькая Кира медленно оборачивается, чтобы взглянуть на таинственного посетителя. А разглядев, кто это, принимается истошно вопить. У преследующего её человека нет лица. Просто белое гладкое пространство. Вцепившись взглядом в этот мертвенный ужас, Кира каждый раз просыпается.

— Ну и ну, подруга. Поседеешь тут с перепугу, — поёжился Денис. Покачал головой и задумчиво добавил:

— Это не просто кошмар. Тем более, если снится много раз. Он должен что-то означать. Только убей бог, не понимаю, что.

— Может, тебя предупреждали? — предположила разом протрезвевшая Элка.

— Скорее, пугали, — вставил Денис.

— Не знаю. Но когда Володя заговорил про Безликого, я сразу вспомнила этот сон. — Кира бледно улыбнулась. — Ладно, со мной вроде всё. Денька, твоя очередь выворачиваться наизнанку. Давай, вытаскивай свой скелет.

Денис попытался было улыбнуться ей в ответ и не смог.

Глава 19

Рассказ у Дениса получился длинный. Кира и Эля слушали, не перебивая. Один раз Кира украдкой посмотрела, который час. Половина девятого. По меркам Кара-Чокыра — глубокая ночь. «Чёрная ночь в Чёрной яме», — подумала она, на мгновение отвлекаясь от повествования Дениса.

История, которую он рассказывал сейчас подругам юности, начиналась вполне обычно. По нашему времени, рядовая ситуация, ничего особенного — проблемы с бизнесом, долги, кредиты...

Было это шесть лет назад, «Грач» только-только набирал обороты, и Де-

нису срочно требовались средства на развитие фирмы. Очень хотелось начать, наконец, серьёзно зарабатывать. Вылезти из копеечных прибылей, которые целиком, без остатка уходили на налоги, аренду, рекламу, расходники, квартплату, кредиты, еду-одежду.

Но деньги требовали денег, без вложений не обойтись было. Поскольку на шее у Дениса уже висели несколько займов, в том числе на новенькую иномарку, да вдобавок ещё ипотека, в банк идти не имело смысла – не дадут. Денис пребывал в растерянности и не знал, что делать.

Помог случай, как ему тогда казалось, счастливый. Деньги под весьма скромный процент одолжил школьный приятель, Дима Красильников. Десять лет за одной партой, общие воспоминания, детские радости, влюблённости... Тут как раз подросла очередная встреча одноклассников, выпили, разговорились, и Димка обещал помочь старому другу.

Красильников был человеком более чем обеспеченным. Солидный капитал, доставшийся от родителей, сумел сохранить и многократно приумножить. Сумма, которая требовалась Денису, для Димки была неощутимой, и он легко расстался с ней, не оговорив толком сроков возврата.

А через полгода так же легко и непринуждённо потребовал вернуть. Всё сразу. С процентами за прошедшие месяцы.

Но отдавать было нечего. Денис вложил деньги в бизнес, как и планировал. Дело закрутилось, пошло отлично, прямо на удивление. Вытащить средства из оборота сейчас было равносильно полному краху. К тому же и не хватит, придётся продавать новое помещение и технику. А это уже уход в такой минус, из которого не выбраться. Точнее, выбраться, может, и можно, вопрос – как скоро. А надо ведь ещё семью кормить и банкам кредиты выплачивать.

Денис принялся уговаривать Красильникова подождать ещё полгода. Просил, объяснял, убеждал. Горячился,

кричал, увещевал. Плакал, унижался, умолял. Ничего не помогало. Красильников был непреклонен.

Грачёв дошёл до ручки. Хуже всего было то, что он не мог понять причин происходящего. Зачем Димке это нужно? Ясно ведь, что острой необходимости в деньгах у Красильникова нет. Спустя какое-то время пришло понимание, и стало совсем тяжело.

Осознал Денис, что его страдания доставляют Димке извращённое удовольствие. Требование немедленно вернуть деньги могло означать только одно: Красильников издевается, глумится. Нарочно мучает. Но за что?! Изначально задумал уничтожить бывшего однокашника? Отомстить за какие-то детские обиды? Но если так, пиши пропало. Чем сильнее будут Денисовы муки, тем Красильникову приятнее...

Видно было, что откровения даются Денису с трудом. Он говорил через силу, рваными, обрубленными фразами. Запинался, часто сглатывал, надолго замолкал, сбивался, чуть не в кровь кусал губы. Не облегчал душу, а наказывал себя. Пару раз Кира порывалась прервать его, уговорить прекратить: невыносимо было смотреть на эти терзания. Но Денис жестом останавливал её и упрямо продолжал.

– Как-то проезжал возле церкви. Уже всё, миновал, но на перекрёстке зачем-то развернулся – и обратно. Не знаю, что на меня нашло. Я вообще-то неверующий. Был... До этого в последний раз в церковь с матерью ходил, мальчишкой ещё. Перед тем, как в институт поступить. Ну, захожу... Внутри как-то сумрачно. Служба закончилась, народу нет. Только две старухи. Одна пол метёт подальше, возле алтаря, а другая в церковной лавке, слева от входа, свечи в ящичке перебирает. Вам, говорит, что-то нужно? Может, записочку желаете подать? Свечи купить? И меня вдруг словно толкнуло что-то. Изнутри. Сам не помню, с чего это взял. Бесы, наверное, нашептали. Давайте говорю, шесть свечек. Которые толще, подороже. И записку буду писать. Заказную? – спрашивает. Да, говорю.

Заказную. За упокой. Рядом на столике ручку взял, листок. Там сверху пропечатано: «О упокоении». Видать, чтобы не путали, – Денис странно усмехнулся. – Ну, и написал. Одно только имя написал – Дмитрий. Отдаю старушке. Она у меня записочку приняла. Завтра, говорит, батюшка помянет в молитве усопшего раба Божьего Дмитрия. Он кто вам будет? Отец? На вас, мол, прямо лица нет. И смотрит так участливо, жалостливо. А я говорю, нет, не отец. Друг это мой. Близкий друг. Она давай охать и ахать: молодой, наверное! Надо же, горе какое! Ещё что-то говорила – я уж не слышал. Взял свечки, отошёл. И все шесть понёс туда, куда за упокой положено ставить. Понимаете? За живого человека поставил, как за покойника!

Денис снова замолчал. Прикрыл ладонью глаза. Эля с Кирой молча ждали продолжения. Снег прекратился, и сразу стало холоднее. Кира придвинулась ближе к костру.

– Ну, вышел из этой церкви, в другую поехал. В голове пустота, даже не думается ни о чём. Как будто под диктовку всё... Шесть церквей объехал, везде то же самое. Свечки, записки. И страшно самому от себя, и злость такая на Димку, жуть просто. Три дня вот так по церквям ездил. А в перерывах Димку уламывал. Деньги, говорю, ищу, подожди. Он, сука, улыбается, как деревенский дурачок, а я... Сам не помню, как тогда жил. Утром 13 февраля, я эту дату на всю жизнь запомнил, поехал к Димке домой. Хотел сказать, что через неделю точно деньги отдам, пусть не сомневается. Один знакомый собрался фирму мою выкупить. А меня исполнительным директором там оставить. Зарплату хорошую предлагал. Бизнеса, конечно, я бы лишился, но это лучше, чем совсем без штанов остаться. Приехал к Димке. Дом новый, элитный, а консьержки в подъезде нет. Короче, никто меня не видел.

Кира ахнула, прижала руки к лицу. Элка закусила губу и во все глаза смотрела на Дениса. Он не замечал их реакции, неотрывно глядя на пляшущие языки огня.

– Позвонил. Никто не открывает. Ручку подёргал – не заперто. Зашёл. Зову Димку. Не отвечает. А я точно знаю, что он дома должен быть. Мы созванивались за час до этого. Всю квартиру обошёл – пусто. Слышно только, что в ванной вода льётся. Я дверь толкнул, она открылась. У Димки ванная – как большая комната в Лёнькиной квартире... Смотрю – он возле душевой кабины. Лежит голый, глаза вытаращенные, губы синие. Потом про него некролог в «Бизнес-экспрессе» напечатали: молодой процветающий бизнесмен, бла-бла-бла... Никогда не жаловался на здоровье, ушёл в расцвете. Инфаркт молодеет.

– Господи, ну, слава богу, а я уж подумала, – выдохнула Элка.

– Боялись, что я его прикончил? – ухмыльнулся Денис. Ухмылка вышла жуткая. Щёки его ввалились, губы вытянулись в узкую белую полоску. Лицо стало похоже на череп. Глаза воспалённо блестели.

Как же он жил с этим, подумалось Кире. Для неё самой такой поступок был за гранью добра и зла. Она не знала, до каких глубин отчаяния ей нужно было бы дойти, чтобы сотворить подобную дикость. Но осуждать Дениса она не смела. Не ей было судить.

– Нет, я Димку не убивал. Но ведь всё равно, что убил! Вы понимаете? Мысленно я убил его много раз! Если бы был уверен, что меня не поймут, не посадят, пристрелил бы собственными руками. Просто духу не хватило сделать это самому – вот и поручал... не знаю, кому. Короче, Красильников умер, и проблемы мои решились. Я вызвал «скорую», а перед этим зашёл к нему в комнату, взял свою расписку. Знал, где она хранится. Запомнил, пока ходил с прошениями. Нет расписки – нет долга. Вот так-то. Я честно готов был отдать ему долг плюс проценты. Но он умер, и я не вернул ему ни копейки. Получилось, что он сделал мне царский подарок. Димка был одинокий, ни жены, ни детей. Всё имущество унаследовала двоюродная сестра. Кажется, воспитательница не то из Нижнекамска, не то из Набережных

Челнов. Так ошалела от свалившегося богатства, что, думаю, даже найди она расписку, не стала бы связываться. Хотя, кто знает. Денег, говорят, много не бывает. Но расписки не было. И я был свободен. Вот такая история, девочки.

Обсудить её они не успели. Едва Денис договорил, Эля вскочила и, вытянув руку в сторону озера, пролепетала:

– Ребята, смотрите, что это?!

Кира и Денис резко обернулись и застыли. Посередине озера от воды поднималось зеленоватое свечение. Мареву дрожало и колебалось, медленно расплываясь в стороны, словно чернила по промокашке.

– Что это? – беспомощно повторила Элкин вопрос Кира.

– Кажется, началось, – прошептал Денис, – что бы это ни было, оно началось.

– Когда эта штука успела появиться? – страдальчески воскликнула Эля.

– Понятия не имею, я в ту сторону не смотрела.

Денис молча пожал плечами.

– Мамачки, что же нам теперь делать? – Элка стремительно теряла над собой контроль.

– Так, мне кажется, нам пора баиньки. Кто знает, что будет, когда это доберётся до берега? Сейчас, только Суханову позвоню. Я ему обещал рассказывать, если увидим что-то необычное.

Денис достал телефон, недоумённо повертел его в руках.

– Нет сети? – быстро спросила Кира.

– Вообще ничего нет. Даже не включается. Проверьте-ка свои трубки.

Результат был тот же, все три телефона пусто чернели экранами.

– Пожалуйста, идёте спать. Мне страшно, – простонала Элка.

Денис достал небольшую картонную коробочку.

– Аптекарь сказала, максимум по две штуки. К тому же алкоголь усиливает действие. С непривычки и одной должно хватить, но чтоб уж наверняка...

Он выдавил на ладонь две выпуклые белые пилюли и отдал блистер

стоявшей рядом Кире. Потом очередь дошла до Элки. Она схватила сразу три штуки. Тонкие пальцы подрагивали, и она едва не выронила таблетки.

– Элечка, может, не надо так много, – попыталась остановить подругу Кира. Но та только отмахнулась.

– Мне в больнице такое вливали... Это как слону дробина. Не хочу оставаться тут единственным неспящим. Наедине чёрт знает с чем.

– Когда подействует? – спросила Кира Дениса, поняв, что отговаривать Элю бесполезно.

– Девушка сказала, минут через десять – пятнадцать.

– У кого-нибудь есть часы?

Эля отрицательно покачала головой.

– У меня. – Денис вскинул руку к глазам и тут же разочарованно опустил. – Они встали. Остановились на без двадцати девять.

– Наверное, как раз тогда и появилось это, – заметила Кира. – Я смотрела время на телефоне, когда ты рассказывал. Была половина девятого. Прошло примерно полчаса.

– Значит, сейчас примерно девять.

– Господи, да какая разница, сколько времени? – взорвалась Эля и выкрикнула, ломая руки, – что вы тянете? Вам же сказали: нужно спать!

– Конечно, мы просто...

– Как хотите, я иду в палатку!

Она едва ли не бегом ринулась прочь от костра.

Призрачное мерцание ширилось и расплзалось, приближаясь к кромке берега. Кира, как зачарованная, смотрела на него.

– И правда, идите, Кир. Располагайтесь, я сейчас тоже подойду.

– Костёр не гасить?

– Он уже почти прогорел, я давно не добавлял дров, – неуверенно сказал Денис. По правде говоря, он понятия не имел, нужно ли тушить костёр на ночь.

– По-моему, лучше всё-таки залить водой.

– Хорошо, залью, – согласился Денис. – А ты иди, иди.

Кира быстро побросала в пакет мусор – бутылку, пластиковые тарелки с остатками еды, стаканчики – и направилась к палатке. Внутри бестолково суежилась, поспешно устраивалась на ночлег перепуганная Эля. Как белка в своём дупле.

От лампы шло тепло. Девушки сняли верхнюю одежду, собираясь ложиться. Кира заколебалась: может, стоит снять толстый свитер и спать в одной водолазке? Но потом передумала. Жар костей не ломит.

Пока Кира размышляла, Еленька уже успела забраться в спальник. Она притихла и только молча дрожала.

– Денис, – тихонько позвала Кира.

Он не отвечал. Кира на четвереньках подползла к входу, осторожно высунула голову из палатки и беззвучно ахнула. Зеленоватое сияние дрожало теперь у самого берега, в нескольких метрах от палатки. Денис залил костёр водой, и темнота вокруг стала густой и непроглядной.

Однако ближе к воде было почти светло от странного свечения. И в этом тумане явственно виднелись человеческие фигуры. Белые и более плотные, чем зелёная дымка. Фигуры – Кира насчитала четыре штуки – двигались.

Она почувствовала, как у неё по телу побежали мурашки и похолодело в желудке.

Фигуры (призраки? привидения?) резвились в воде. Они купались. Одна из них медленно и робко заходила в воду. Две других плескались чуть дальше. Ещё одна скользила к берегу. Видно было, как двигались молочно-белые руки и ноги. Внезапно в зелёной мгле возникла ещё одна белёсая тень и с разбегу нырнула вниз головой.

– Господи! – выдохнула Кира.

Денис стоял на коленях возле входа в палатку и вздрогнул от неожиданности.

– Ты тоже это видишь?

Она кивнула, но потом сообразила, что он не видит её кивка, и прошептала:

– Вижу. Хватит торчать там, иди в палатку. – Кира чувствовала, что ещё чуть-чуть, и она завизжит от ужаса.

– Ты хоть понимаешь, кто это? – не слушая её, спросил Денис.

Кира догадалась, но не смела говорить. Было страшно. Невозможно. Такого не могло быть, и всё!

– Это же мы, да? – ломким голосом сказал Денис. – Мы сами – летом! Узнаешь? Кира!

– Да, – отозвалась она, не в силах оторваться от сюрреалистического зрелища. Никогда в жизни не видела ничего подобного. И предпочла бы не видеть.

Внезапно Кира вскрикнула от боли – Денис судорожно вцепился ей в руку. Синяк точно будет. Грачёв тяжело дышал, с хрипом и свистом выгоняя воздух из лёгких. Кира обеспокоено посмотрела на него. Надо бы позвать Элку, пусть поможет уложить Дениса спать.

Кира снова заглянула в палатку и увидела, что подруга уже ничем не сможет ей помочь. Она безмятежно спала, свернувшись в спальнике, как моллюск в раковине. Действенные оказались пилули, не подвели. Погрузили Элечку в счастливое забытье, и сейчас она далеко отсюда. Счастливица.

Свет газовой лампы освещал палатку, и этот островок тёплого, нормального мира в чёрной топи окружающего мрака казался хрупким и зыбким, почти нереальным.

Мы все здесь умрём, внезапно поняла Кира. Обречены и умрём. Нам не выбраться из этого проклятого места.

Она сделала глубокий вдох и часто-часто поморгала, чтобы не расплакаться. Медленно отвернулась и снова глянула на озеро. Денис, всё так же сидя на снегу, неотрывно смотрел на воду. В призрачном зеленоватом свете его лицо выглядело чужим и постаревшим. Он зачем-то снял шапку и судорожно сжимал её в руках. «Дурак, холодина такая!», – подумала Кира. Она потянулась к Денису и тихонько дотронулась до его щеки, потом до

ладони. Так и есть – ледяной весь, как снеговик.

Денис никак не отреагировал на прикосновения. Только странно хрюкнул, будто поперхнулся чем-то. Кира поняла, что он плачет. Так, всё, надо срочно его отвлечь, отвести в палатку, уложить спать. Иначе парень тронется умом.

– Денька, – твёрдо сказала Кира, пытаюсь придать голосу спокойствие и уверенность, – всё, пора спать. Элечка наша уже всю подушку давит. Пойдём! Замёрзнешь тут к чертям собачьим!

– Кира! Как ты не понимаешь, – он резко повернул голову, шейные позвонки хрустнули. – Всё бесполезно! Мы – уже покойники. Это гиблое место забрало наши жизни, наши души – вон они, разуй глаза и посмотри!

Денис перешел с шёпота на крик. Оттолкнул от себя Киру и вскочил на ноги. Она тоже поднялась и встала рядом с ним.

– Мы уже давно здесь, с самого лета. Я только сейчас это понял! Мы так и не вернулись домой, разве до тебя не доходит? Всё время были здесь! Отсюда уехали обратно в город только наши оболочки, а наши жизни были вырваны из тел! – Голос его набирал обороты, поднимался всё выше, ввинчивался Кире в уши. – Мы погибали, дохли, как мухи, один за другим. Лёнька, Элка, Миля, ты, я – блуждали в этих вселенных, про которые плёл Суханов!

– Перестань вопить! Успокойся!

– Скоро все успокоимся! – проорал Денис ещё громче и отшвырнул свою шапку. – Вспомни сказку про Безликого! Люди, которые здесь ночевали, больше не были прежними! А почему?! Да потому, что они покойники! У них какое-то время ещё оставались тела, но не было душ. Живые мертвецы! Он забрал их жизни! Наши жизни!

– Хорошо, пусть так! – Кира не держала и тоже закричала в ответ. – Но у нас есть шанс! Мы ещё можем спастись!

– Чушь! Мы уже умерли, нас нет,

про нас никто и не помнит. Что толку барахтаться?

– Есть толк! – иступлённо заговорила Кира. – Да что с тобой?!

Она шагнула вперёд и вцепилась Денису в куртку, глядя на него снизу вверх.

– Ты же никогда не был таким! Я хочу жить! Я люблю Сашку и рожу ему сына! И дочку! Я не собираюсь умирать только потому, что однажды меня принесло в какую-то чёртову дыру! И тебе, и Элке тоже есть ради чего пытаться выжить! Мы уже через столько прошли и не сдались! Да что ты... – голос её сорвался, Кира захлебнулась словами и закашлялась.

– «Есть ради чего жить», – передразнил её Денис. – Кому – нам?! Да мы же убийцы!

– Замолчи!

– Убийцы, – упрямо повторил Денис, – поэтому и сюда попали! И Лёнька с Милей тоже кого-нибудь прикончили, – с маниакальной убеждённостью проговорил Грачёв.

– Что ты несёшь, придурок! Да каждая вторая женщина делала аборт. – Кира говорила быстро, не замечая, что трясёт Дениса за плечи. – Я не оправдываю этого, но... Мы живые люди. Пусть ошибались, любой может ошибиться. Но ведь раскаивались! Если Бог есть, Он это видит, и позволит искупить грехи.

– Тебе хочется так думать! Только это неправда. А правда в том, что мы умрём. Это расплата! Иди в палатку, спи, если сможешь. А я останусь и посмотрю. Может, даже искупаюсь!

Денис визгливо, по-бабьи захохотал, глубже погружаясь в подступающее безумие. Кира размахнулась и ударила его по щеке. Удар вышел сильным, Денис качнулся и непонимающе уставился на Киру.

– Извини, – охрипшим от крика голосом проговорила она. – У тебя началась истерика. Нужно было как-то остановить.

Грачёв молчал, но взгляд его стал более осмысленным. И растерянным.

– Ты не убийца. Что бы сейчас тут не говорил. Да, это был плохой поступок. – Кира секунду подумала и добавила: – Отвратительный. Но ты сам себя целых шесть лет за него наказывал. И если выберешься отсюда, то сумеешь искупить грех. Придумаешь, как. Пойдём, Денис.

Она потянула Грачёва за собой, но он не двигался с места.

– Ты и Элка, вы и вправду достойны того, чтобы вернуться и жить дальше. А я... Был человек, да весь вышел. – Денис потерянно замолчал.

Зелёное свечение уже почти достигло берега. Ещё чуть-чуть, и оно окутает палатку. У них почти не оставалось времени. Кира была уверена: если они окажутся в центре мертвенного сияния и при этом будут бодрствовать, то всё для них на этом свете кончится.

– Ты не убийца, – ещё раз повторила Кира, из последних сил стараясь не сорваться, – но станешь им, если не пойдёшь со мной. Я ни за что тебя здесь не брошу. Застрянешь тут, отнимешь последний шанс не только у себя, но и у меня.

– Кира... – он запнулся и не договорил.

– Всё, идём. – Кира взяла Дениса за руку, чуть повыше локтя, развернула его в сторону палатки и мягко подтолкнула. – Лезь давай.

Денис подчинился, не делая больше попытки воспротивиться. Кира протиснулась вслед за ним в палатку и в последний раз оглянулась на озеро. Купальщики всё так же беззвучно резвились в дрожащей болотной дымке. Кира решительным жестом закрыла выход из палатки. Отрезала себя и Элю с Денисом от внешнего мира.

Элка спала всё в той же позе. Ресницы чуть заметно подрагивали. «Наверное, сон снится», – не без зависти подумала Кира. Сумеет ли она, как Эля, сбежать от всего этого?

Денис сидел и ждал дальнейших указаний. «Сдулся» – выплыло откуда-то из глубин сознания грубое хлёсткое словечко. Кира одёрнула себя, не успев

додумать. Денис просто оказался менее выносливым. И значит, нужно о нём позаботиться.

– Денечка, снимай куртку. Обувь тоже. Здесь жарко, – она говорила мягким, успокаивающим тоном. – Где у тебя таблетки?

– Вот. – Он послушно протянул ей пачку.

– Выпьем-ка ещё по две штучки. А то пока что-то не берёт.

Кира выдавила из блистера пилюли, похожие на маленькие глянцевые пуговицы.

– Держи.

Денис покорно взял лекарство.

– Сможешь проглотить? Без воды?

Он ничего не ответил. Молча засунул белые кругляши в рот и разгрыз, морщась от залившей рот горечи.

Кира не стала жевать таблетки, просто проглотила. Ничего, проскочили, не застряли. Быстрее бы подействовали, что ли.

– Ну, теперь давай ложиться. Пора баиньки.

Денис улёгся с краю, оставив место посередине Кире.

Она выключила свет, тараща глаза во внезапно обрушившуюся на них тень. Как ни старалась Кира, она никак не могла разглядеть очертаний знакомых предметов. Мрак был полным и непроницаемым. В самом деле, хоть глаз выколи. Кругом так темно, что и зрячий, и слепой находились бы в равном положении.

Кира завозилась, устраиваясь поудобнее. Она заставляла себя не думать о том, что творится за тонкими стенами палатки. Вообще ни о чём не думать.

Доза лекарства всё же была убойной, и вскоре Кира почувствовала, как тяжелеют веки, по всему телу разливается тёплая волна, приходит спокойствие. Она задышала ровнее.

– Тебе страшно? – раздался слева от неё голос Дениса.

Ну, вот, опять двадцать пять. Кира почувствовала, насколько сильно устала. Неужели он не понимает, как важно

сейчас уснуть? «Не буду отвечать, он подумает, что я сплю и замолчит».

– Ты боишься больше никогда не проснуться? – упорствовал Денис. Он говорил тихо, заторможенно, постепенно уплывая в сон.

– Да, Денис. Даже очень. Но верю, что Бог нам поможет, – терпеливо, как маленькому ребёнку, ответила ему Кира.

– А я просто боюсь, – со вздохом прошелестел он. – Хотел бы верить и молиться, но не могу. Не умею.

– Ты выберешься отсюда и научишься. И я научусь. Может, это наш путь к вере. У каждого он свой. Спи, Денис. Спокойной ночи, – прошептала Кира, но Денис её уже не услышал.

Волшебные таблетки сделали своё дело. Кира осталась одна.

Она согнула ноги в коленях, обхватила себя руками, сжавшись в комочек. Плотнее сомкнула веки и снова попыталась уснуть. Это почти удалось, как вдруг ей что-то послышалось. Против воли Кира сосредоточилась и прислушалась.

Шум доносился со стороны озера. С трудом соображая из-за подступившего наконец-то сонного морока, Кира поняла – это голоса. Она определённо слышала крики! Кто-то вопил, но не от боли. И не от страха. Это были радост-

ные, торжествующие, довольные возгласы. А ещё смех. И разговоры.

Звуки нарастали. Еле различимые вначале, теперь они были слышны отчётливо и звонко, разносились над озером переливающимся на все лады эхом. Иногда из общего гула голосов вырывались отчётливые фразы.

– Идите сюда! Вода тёплая, – смеялся от удовольствия и звал женский голос. Хорошо, даже слишком хорошо знакомый.

Можно было подумать, что сейчас лето, и в озере купаются люди. Брызгаются, хохочут, плещутся, радостно погружаясь в гостеприимные воды.

Не будь в её крови четырёх таблеток сильного препарата, Кира сейчас обмирала бы от тоскливого, вязкого ужаса. Но лекарственный дурман милосердно избавил её от страха. Она больше не боялась, хотя точно знала, чьи голоса призрачно витают над зимним озером.

Белёсые фигуры теперь не только двигались, но и звучали. Гиблое место Кара-Чокыр набирало силу с каждой минутой. Её мёртвая подруга Миля звала друзей купаться. И этот призыв будет звучать здесь вечно.

Последнее, что слышала Кира, прежде чем раствориться в небытии, был её собственный голос, звенящий в ночи.

Рис. Людмилы Пельгасовой

Тёмная лошадка ВЫХОДИТ НА СВЕТ

интервью вместо послесловия

47

Андрей Казанский. Алла, поздравляю с первой публикацией!

Алла Глебова. Спасибо.

А.К. И какие ощущения?

А.Г. Ощущения, скажу тебе, просто фантастические!

А.К. Ты настоящая тёмная лошадка. Никто знать не знал прозаика Аллу Глебову... И вот – на тебе! Как гриб средь Красной площади – новый романист. Вообще-то в мире чем занимаешься? Кто ты по образованию, воспитанию и вообще?

А.Г. Образования у меня два: окончила филологический факультет педуниверситета и юридический факультет Института экономики, управления и права. Оба с отличием. Учителем я некоторое время поработала, в юриспруденцию судьба меня так и не привела. Сейчас понимаю – к счастью! Десять лет назад пришла в журналистику, причём как-то случайно, можно сказать, играючи, да так там и осталась. Член Союза журналистов... Работала в пресс-службе, была корреспондентом и редактором в разных изданиях. Например, в журнале «Татарстан», в газете «Известия Татарстана». Только подписывалась по-разному – «Альбиной Нурисламовой», «Аллой Глебовой», «Алексеем Платниковым»... Работать тогда приходилось чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки. Да и, если уж говорить откровенно, не умею делать ничего поверхностно, болею за дело, которым занимаюсь и стараюсь выкладываться по полной. Чтобы не пришлось краснеть... перед собой в первую очередь. Так что, всю сознательную жизнь человек я пишу-щий. Правда, привыкла находиться по другую сторону диктофона и сама задавать вопросы.

А.К. Сейчас интерес к журналистике поубавился?

А.Г. Наверное, у каждой профессии свой потолок. Или, точнее, предел устремлений. Достигаешь того, к чему стремился, и появляется некая усталость, теряется интерес. Не зря, наверное, говорят, что каждые десять лет нужно менять вид или сферу деятельности. По моим собственным меркам, я вполне состоялась как журналист и намерена двигаться дальше.

А.К. Дальше – это значит писать прозу?

А.Г. Ну, вообще-то, рассказы я и раньше писала. В стол. А сейчас вот осела дома в отпуске по уходу за ребёнком, и закончилась эта вечная гонка со сдачей номеров, редактированием чужих текстов, написанием статей «срочно в номер»... И все задумки, которые копились в голове, стали выливаться на бумагу. Но прежде чем стать писателем, нужно, я думаю, быть читателем. И как научилась читать в пять лет, как стала глотать книги, что называется, запоем, так и не могу остановиться до сих пор. Мои родители (отец инженером и орнитологом был, мама – библиотекарем) собрали дома прекрасную библиотеку. Книги стояли на полках сверху донизу в два ряда и занимали три больших шкафа. Я воспитывалась на хо-

рошей литературе. Из особых предпочтений – Гоголь, Чехов, Ремарк, Мозм, Блок, Цветаева, Зощенко, Есенин, Маркес. Современную, так называемую массовую литературу, тоже читаю – там попадаются весьма качественные вещи. Например, у Стивена Кинга, Роберта Маккаммона, Питера Джеймса, Натальи Нестеровой, Александры Марининой, Бориса Акунина. Я согласна с мнением, что не бывает высоких и низких жанров, бывают хорошие и плохие книги. Яркий пример – «Унесённые ветром». Что это – увлекательное «что-то про любовь», каким-то чудом написанное скромной домохозяйкой, или исторический роман-эпопея с прекрасно выписанными героями и грамотно выстроенным захватывающим сюжетом?

А.К. Объясни мне, как можно наработать столько материала – романы, повести, рассказы – и нигде не засветиться?! Обычно начинающие авторы настрочат пару рассказов и сразу запускают их веером в десяток изданий.

А.Г. Естественно, подобно любому нормальному автору, я тоже мечтала увидеть свои работы опубликованными, но не хватало смелости. Нужно ли это кому-нибудь, кроме меня? Интересно ли? Наверное, так и мучилась бы сомнениями, если бы не рискнула дать почитать пару глав из романа Рустему Шакирову. Одно время мы работали вместе в журнале «Татарстан» (он и сейчас там) и сохранили дружеские отношения. Рустем заинтересовался моим текстом и показал его Ахату Мушинскому, который, оказывается, днём с огнём высматривает среди пишущей братии интересных поэтов и прозаиков. Вот главы из «Потерянных» чудесным образом и оказались в альманахе. Напрасно говорят, что «Поле чудес» бывает только в сказках и телевизоре.

А.К. Если честно, я диву даюсь, каким образом ты умудряешься заниматься литературным творчеством, когда у тебя семейно-бытовых забот выше головы – муж, маленькие дети... У тебя же их двое?

А.Г. Да, мальчик и... мальчик, как сказал Новосельцев из «Служебного романа». Но, между прочим, я считаю, что вот в этих-то заботах, по большому счёту, и кроется смысл жизни. Семью, близких людей не сможет заменить ни карьера, ни какой бы то ни было профессиональный успех. Просто каждый начинает понимать это в разные периоды жизни. И иногда слишком поздно. Многие успешные, известные люди, не имевшие семьи и детей, пожертвовавшие личной жизнью ради карьеры, с годами всё с большим сожалением говорят об этих невосполнимых утратах.

А.К. И всё-таки женщине совмещать семью с карьерой непросто. А уж с писательством...

А.Г. Конечно, вам, мужчинам, куда проще: бытовуха творить не мешает. Скучную рутину принимает на свои хрупкие плечи подруга гения. А нам, женщинам, если мы не рублёвские жёны, конечно, приходится писать как бы между делом, в свободное от работы, дома, семьи время. Я, например, обдумываю сюжетные перипетии, пока еду по делам, готовлю, глажу, гуляю с ребёнком, делаю уборку. Вот такая проза жизни. А потом, когда выдаётся свободная минутка, отчаянная домохозяйка бросается к компьютеру и записывает. Бывает, что время удаётся найти только ночью. Хорошо, что я не соня: если надо, могу всего три-пять часов в сутки спать и ничего, мне хватает.

А.К. Всё-таки писательский труд требует уединения...

А.Г. Что поделаешь, с уединением у меня туго. Но моя муза – дама закалённая, ко всему привычная, поблажки получает редко. Ей приходится навещать меня в военно-полевых условиях. Других создать ей не могу. А если серьёзно, то, когда «поймаю волну», просто отключаюсь от внешнего мира, мне уж не важно: чьи-то разговоры, телевизор, непоседливые дети... Редакторская работа в еженедельной газете закалила: пишешь статью, вносишь правки в материалы журналистов, согласовываешь тексты, а кругом гомон, разговоры, телефоны трещат...

А.К. Отношение мужа к твоему увлечению литературой? Не ревнует к писательству?

А.Г. Нет, воспринимает как должное. Смирился. Привык. У кого-то жена бухгалтер, у кого-то – продавец, а моему вот такая досталась, что поделаешь. Похоже, это судьба: у него даже день рождения 19 мая, в День татарстанской печати. Муж меня в отрыве от компьютера и не представляет себе, должно быть. Я же всю жизнь что-то писала, будь то статья, рассказ или теперь вот роман.

А.К. Кому в первую очередь даёшь прочитать написанное?

А.Г. Были бы живы родители, показывала бы сначала им. Мне очень повезло: мама и папа всегда поддерживали меня и были не просто родными людьми, но и настоящими друзьями. Но сейчас их уже нет рядом со мной... То, что пишу, показываю в первую очередь своей тёте и ближайшей подруге. Это мои строгие критики – начитанные, умные, внимательные, объективные. Я им полностью доверяю и точно знаю: если что не так, скажут обязательно. Врать, щадя мои чувства, не станут. Кстати, из-за моего первого романа мы с подругой впервые в жизни чуть не поссорились.

А.К. Это каким же образом?

А.Г. Как только я закончила последнюю главу и внесла некоторые правки, отслала ей по электронной почте. Так она в этот же день звонит мне на мобильный в три часа ночи! Я перепугалась, подумала, случилось что-то. А она кричит на меня, говорит, как жить-то дальше? А вдруг всё то, о чём ты написала, может на самом деле случится с кем-то из нас?! И под конец своих причитаний заявила: «А за Пашу ты у меня ответишь!» Паша – это герой из ряда настоящих мужчин, который пытался спасти главную героиню романа «Наследница», попавшую в бесовский круг. И которого я безжалостно «убила».

А.К. Откуда такое буйство сюжетов? Ведь и вправду, дух захватывает от неожиданных поворотов и ситуаций! Из жизни черпаешь или беспардонно фантазируешь?

А.Г. И то, и другое. И потом, не забывай: я много лет работала пишущим журналистом. А это значит: бесконечные встречи, новые знакомства, интересные типажи... Приходилось встречать и Каупервудов, и Онегиных, и Башмачкиных, и Плюшкиных... Да и сама жизнь – это один бесконечный роман. Успевай только наблюдать и переносить на бумагу! У меня есть особая тетрадка, куда я записываю любопытные, услышанные где-то истории, портреты различных людей, удачные, на мой взгляд, фразы, пришедшие на ум фантазии и даже сны. Потом многое из этого перерабатываю и использую. А ещё у меня всегда сильное воображение. Когда мне было года три, я выдумала себе друга – Волка. Родители были в шоке: я с ним разговаривала, кормила, ухаживала за ним. Однажды в ужасе закричала маме, которая присела рядом со мной на диван: «Осторожно, ты что, не видишь – здесь же мой Волк сидит!» Мама спросила: а ты, мол, что же – видишь его?! Получив утвердительный ответ, перепугалась окончательно, и они с папой решили, что пора показать ребёнка специалисту. Врач, дай бог ему здоровья, успокоил родителей. Сказал, что всё с девочкой в порядке, просто у неё чересчур развито воображение. Может быть, художником станет или музыкантом.

А.К. Или поэтом. Скажи, а стихи ты писала?

А.Г. В юности – а как же?! Но лет с двадцати – как отрезало. У меня со стихами связан неприятный случай. Мама показала мои опусы журналисту одной газеты, тому понравилось, и он обещал дать их почитать известному писателю, не буду называть имени. Так вот, забрал добрый человек мои вирши – и ни ответа, ни привета. А месяца через два мама – она, как я уже говорила, была библиотекарем – просматривала периодику и увидела два моих стихотворения в одной из региональных газет. Только вот подписаны они были почему-то чужим именем.

А.К. Что тут скажешь... Печальный опыт тоже опыт. Он полезен прежде всего для прозаика. Когда я читал твои рассказы и романы (правда, пока в рукописях), мне показалось странным, что рассказы у тебя написаны в реалистической манере, а романы – с мистическим уклоном. Ты поднимаешь в романах темы бесовщины, демонизма, пишешь о параллельных мирах. Увлекаешься фантастикой?

А.Г. Это ведь смотря что считать мистикой и фантастикой. Сама-то я думаю, что у меня романы вполне реалистичные. Если, конечно, считать реализмом то, что может случиться с человеком в жизни. Да, с героями происходят странные вещи, они оказываются в центре невероятных событий. Но кто сказал, что этого не может случиться с каждым? Как говорит героиня моего романа «Наследница», человек не видит воздуха, но это не означает, что его не существует! Меня потрясли слова одного теолога. Он написал, что самое большое достижение Сатаны в наши дни – это то, что он заставил нас забыть о своём существовании. Мы не верим в него и не пытаемся противостоять ему, потому что стоит ли бороться с тем, чего нет? А он спокойно делает своё дело...

То, о чём я пишу в романах, научно пока не доказано. Но, однако, и не опровергнуто. Более того, есть многочисленные свидетельства, что всевозможные необъяснимые вещи время от времени случаются с самыми обычными людьми. И, наконец, кто знает, какой мир реальнее: тот, в котором мы живём сейчас, или параллельный, потусторонний, запредельный? В своих рукописях я хочу сказать: нужно ценить саму жизнь и жить так, чтобы тёмные силы не проникли в душу, не нарушили мир и гармонию. Пафосно звучит: нравственный выбор... но если вдуматься, мы оказываемся перед таким выбором ежедневно, попадая в ситуации, когда требуется принять решение. И от каждого шага, каждого поступка, порою даже слова может зависеть судьба. Не только личная, но и окружающих тебя людей.

А.К. Как бы ты сама определила, в чём сильная сторона твоего творчества? И чего в нём не хватает?

А.Г. Самой такие вещи крайне трудно выявить! Читателям виднее, они и похвалят, и покритикуют. Трудно пытаться взглянуть на свои книги отстранённо... Лучше скажу, какими мне хотелось бы их видеть. Я не претендую на создание высокоинтеллектуальной прозы, доступной и понятной лишь избранным. Считаю, что пишу для широкой аудитории. Всегда мечтала создавать захватывающие романы, которые не вгонят читателя в спячку, взбудоражат сознание, заставят размышлять и сопереживать. Пусть бы «цепляли» мёртвой хваткой, чтобы человеку хотелось читать и читать, не откладывая книгу. Не знаю, удалось ли мне это. Пишу я быстро, как говорится, на одном дыхании. И в этой скорости, наверное, кроется моя слабая сторона: часто не хватает детализации, более тщательной обрисовки своих героев, ситуаций, ещё по-настоящему не проснулся во мне мой внутренний редактор...

А.К. По-моему, ты наговариваешь на себя. Знаешь, чем отличается писатель-прозаик от балерины?

А.Г. Нет.

А.К. Балерина к 35-ти годам заканчивает свою карьеру, а прозаик только начинает. Так что, ты в самом начале творческого пути. И пусть он у тебя будет долгим и плодотворным.

А.Г. Спасибо, Андрей!

*Расспрашивал
Андрей Казанский*

СТИХИ
разных лет

Николай Беляев

51

На последней прямой

*
* *

Здравствуй, радость моя усталая,
стариковская, неоглядная!
Наши годы – мелькнули стаями
перелётными, листопадными...
Где они – за которым облаком
что трубили – не так и важно.
Посидим за кухонным столиком,
помолчим... Умирать не страшно.
Что-то сделано всё же хорошее,
что-то выросло из желанного,
в новый век заглянули, пожили,
наглотались его туманами...

Николай Беляев родился (1937) в Ярославле. В 1947 году переехал в Казань. Окончил геофак Казанского университета. Поэт, переводчик. Работал в редакции газеты «Комсомолец Татарии». Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М.Горького. Автор многих сборников поэзии, а также объёмистой книги «Поэма Солнца» (2012), посвящённой казанскому художнику А. Аникеёнку. Активно переводил на русский язык произведения татарских поэтов – Х.Такташа, С. Хакима, И. Юзеева, Ш. Галиева и др. Лауреат литературной премии им. Г. Державина. Долгое время жил и работал в с. Ворша Владимирской области. В этом году вернулся в Казань

* * *

На последней прямой
не щадят ни коней, ни моторов.
На последней прямой –
гонят, всё выжимая из них.
На последней прямой –
не до праздных глухих разговоров.
Бормочи, не стесняйся,
из глубин твоих рвущийся стих!

* * *

В душу запавшие с детской поры,
(ввек не найти живописней и краше!) –
волжские кручи, холмы и бугры,
это былинное зрелище наше.
Этот – до Каспия – дивный простор,
рощи и пажити, и деревеньки,
эхо Урала, предчувствие гор,
память Орды, Пугачёва и Стеньки.
Нам не уйти от тебя никуда,
вечно звучит твоя музыка в сердце –
золото, синь-голубая вода,
небо, в которое не наглядеться!

* * *

Снег выпал, как всегда – прекрасный
и чистый снег.
И над землёй сияет месяц ясный,
льёт ровный свет.
И что-то явно деется с душою –
молчит, светясь.
Ей снова по плечу – большое,
что держит нас
на этом сине-белом свете:
твори, пророчь!
На неразгаданной планете,
летающей в ночь.

* * *

Ах, молодость! – не сдуру ли? – полез
на стену, на скалу береговую,
без снаряженья, без страховки, без
верёвок, крючьев... Понял, чем рискую, –
когда до верха – метра три, а вниз –
и глянуть страшно – берег, осыпь, камни...
и под ногами – узенький карниз,
а вверх – крошится сланец под руками...
Завис, завис, дурак, над Ангарой!
На том карнизе – стой, зови подмогу...
Вжимаюсь в стенку: «Что же ты, герой?
Допрыгался? Куда поставишь ногу?»
Но ищут пальцы и глаза – возможный путь,
шиш – кварцевый с кулак – надёжен вроде,
и трещина – расширь её чуть-чуть –
опорой станет, и сосновый корень
повыше – в трещине – поможет одолеть
и уцелеть, и выбраться...
Спасенье –
в одном рывке.
А дальше – можно петь
и любоваться Ангарой осенней!
Рывок, и – выдержали кварц и корешок –
я наверху, в траве лицом горячим...
Не торжествую – был от смерти на вершок.
Мне повезло... Случайно, не иначе...
Сочувственно насмешлив лик Удачи...
Тяжёл и тёмн глаз её укор.
Я – знаю, чую на себе его с тех пор.

* * *

Евгению Евтушенко

Поэт в столице больше, чем поэт.
Поэт в провинции – талантлив или нет –
он что-то вроде местного придурка,
не выше пешки шахматной фигурка.
И сколько к небу взор не возноси –
так было, есть и будет на Руси.
Но – живы, свищут в роще соловьи:
«Пой, не скрывайся, милый, не таи!»

* * *

Невидимы, под козырьком крыльца,
сидим мы за полночь, от родины отца,
от Костромы, в недалеком далеке,
он, чуть поодаль — на одной доске
крылечка нашего сидит...
Нам хорошо.
Мы чувствуем: меж нами — тьма и сырость,
меж нами время навсегда остановилось,
и нет его, как будто, да и что
мы называли временем когда-то?
Лишь воздух, холодящий поры щёк,
и звёздной бездны яма...
Маловато
мы говорили с ним...
А он мне дал
так много — мне вовек не отдариться.
Я многого не понял, не узнал,
и чувствую себя теперь тупицей,
бездельником, плохим учеником...
Он смотрит — сбоку, вопрошающе, сурово,
а у меня застряло в горле слово,
и по щеке слеза бежит тайком...
— Прости, отец! За всё меня прости!
— Чего уж там... Всё позади. Сиди...

* * *

Не старость, нет.
А всё же первый снег
сверкает, чист, стеклянно-сух, бесстрастен.
Ещё вчера его слепой набег,
его кружение я назвал бы счастьем.
А ныне я стою, задумчив, тих,
смотрю на снег — подарок рваной тучи...
Я старше стал. На этот снег. На стих —
вчерашний, холодно-наивный и блестящий.

* * *

Почти две тысячи моих стихотворений —
итог скорее грустный, чем весёлый.
Почти две тысячи ударов головой,
несчётное число ударов сердца —
о стены каменные и стальные двери,
о стены, разделяющие нас:
— Услышьте, спорьте или — улыбнитесь!
Я не для вечности — для вас дышал, творил.

* * *

И – мимо, мимо весны,
мимо лета, мимо осени, мимо
самих себя и мимо своей эпохи...
В Курземе, не добежав до моря,
валуны навсегда увязли.
Кажется – только мимо Земли
не удалось никому промчаться.
Велта Калтыня
То ли юность окликнула,
то ли опыт труда и лишений,
бесконечных обманов,
с которыми каждый знаком,
но похож я сегодня на камень,
валун обомшелый,
в чистом поле лежащий,
заброшенный к нам ледником.
Под развесистой клюквой
чужих философских суждений,
я лежу, под покровом мечтаний,
метаний слепых,
в переливах тональностей
вешнего света и тени,
в отраженьях на плёночке волжской,
и где-то в пространствах иных.
Светит солнце, и суша опять разрастается,
травы сорные сыплют на раны свои семена.
Вьюга к вальсу зовёт,
кувыркается, чуть издевается:
– Что один-то? Ведь полночь
глуха и, как прежде, – темна...
Голубые и синие, рыжие мамонты вымерли.
Не приходят бока почесать об меня уже тысячи лет.
Бородатый геолог один меня знает по имени,
да ещё прозорливая Велта,
хороший латышский поэт...
Это время распада, разлада,
оборванных связей,
нищеты и разбоя,
и поиска новых путей,
перекройки миров,
столкновений Европы и Азий,
под припляс хороводный
язычески-тёмных страстей.
Я под небом лежу, постигая вселенскую Тайну.
Тайну Света и Тьмы
в паутине межзвёздных лучей.
Притяжение душ в этом мире
совсем не случайно
и подвластно Любви
и Природе, всеобщей, ничьей...

* * *

Я – клоун зеленомордый,
пастой зубной раскрашенный,
я улыбаюсь грустно,
в руке – апельсин всегдашний –
как солнышко всем сияет,
весь мир собой освещает!
Я не ем апельсинов.
Я раздаю их детям:
– Живите честно, красиво,
как следует жить на свете.
Не так, как мы умудрились –
веселей, бесшабашней!
Сияйте, не торопитесь
и помните: жить – не страшно!

* * *

– Живой ковер, трепещущий, дрожащий...
По две-три бабочки на каждом кирпиче
стены, прогретой солнцем заходящим.
– Наверно – к холодам...
– О чём ты?
– О мечте
спрессованной,
о том, что жизнь даётся
всего лишь раз...
на день или на два...
Такое редко видеть удаётся...
О, как трепещут бабочек крыла!
– Ты жив ещё? И я ещё жива!

* * *

Там, за далью времени и места,
обживая пустыри разлук,
ты ещё жива, моя невеста,
как и я, сбежавший твой супруг...
Мы друг друга помним-то не очень.
Даже воздух, да и век – другой.
И не ты мои закроешь очи
старческой бестрепетной рукой.
Были мы наивны и жестоки
в нашей первой, глупенькой любви.
Пусть тебя утешат эти строки.
Если что-то значат соловьи.

* * *

Не сразу – музыку услышать удаётся,
не пробуй взять её с разбега, с кондачка...
Как в зажигалке – и в тебе огонь зажёжется
не с третьего, так с пятого щелчка.

* * *

*Светлой памяти литературоведа,
доцента МГУ Вячеслава Воздвиженского*

Нехорошее время
ожиданья, что сбудется Лето,
а сбывается Осень,
ветра, холода и дожди.
И сбывается то,
что не может быть песней воспето, –
умирают друзья,
неформальные наши вожди.
Обмирает душа.
Вымирает моё поколение,
тех, кто верил в Россию,
в её обустройство всерьёз.
Но, похоже, и нам
суждены лишь подвалы забвенья,
да могилы в тени
пожелтевших плакучих берёз.
«Артиллерия бьёт по своим...»
И, конечно, не мимо.
Возвращаемся прахом,
обрывками памятных строк.
Эхом. Болью и горечью.
Рваными клочьями дыма
над осенними хлябями
горестных русских дорог.
Страшный суд не страшит.
Всем известны давно приговоры.
Разве милость господня
чего-то кому-то скостит.
Мы уходим,
бросая на землю последние взоры.
Вслед нам ветер ненастья
печально-прощально свистит.

Рис.
Анвар
Сайфутдинова

Чуть более года назад вышла в свет книга Туфана Миннуллина «Незаконченный монолог» (жизнь в рассказах и мыслях вслух).

Она имела колоссальный успех. Не в смысле широты охвата (тираж-то был небольшой), а в смысле глубины воздействия.

Кому посчастливилось прочесть эту книгу, тот словно бы испил ключевой воды из нетронутого, чистого родника. Не успела книга перейти из одних благодарных рук в другие, как её автор неожиданно покинул нас с нашими земными проблемами. Что ж, монолог и в самом деле, получается незаконченным, а точнее, навсегда оконченным?

Смеем заверить – нет. Стоит открыть книгу, и голос Туфана-ага самым живым образом начинает звучать и рассказывать нам о любви, верности, долге, чести, совести, стыде...

Это всегда так бывает, когда за перо берётся большой писатель, выдающаяся личность, олицетворяющая лучшие черты своего народа.

Прочтите хотя бы эту подборку рассказов, и вы убедитесь в этом.

рассказы и мысли вслух

59

То, что предопределено свыше

– Ты, Туфан, можешь говорить что хочешь, но судьба человека в момент его рождения уже предопределена. Не знаю, кто там это решает, но то, что всё уже решено – это несомненно. Ведь даже в песне об этом поётся:

**Гуси дикие кричат
Над туманной рекой Белой;
Что нам суждено, друзья,
Уж известно в день рожденья...**

Вот возьмём, к примеру, мою жизнь. Не помню, сколько мне тогда было, но первую свою встречу с соседской девчонкой – она была младше меня – помню хорошо. Я гордо стоял возле своих ворот, засунув руки в карманы штанишек, когда она подошла ко мне. Подошла и начала рассматривать меня во все глаза.

Я сказал ей: «Иди от наших ворот!», а она ни с места... Тогда я толкнул её, и она упала, начала реветь. Помню, что из дома вышла моя мама и сильно меня отругала: «Зачем её обижаешь, она же наша соседка».

Прошло какое-то время, я пошёл в первый класс, и в первый же день ко мне прицепили эту девчонку: «Идите вместе, потом вместе вернётесь».

Но я слушать их не стал и, как только мы завернули за угол, бросил девчонку и побежал. Однако она отставать не захотела – побежала рядом. Разозлившись на то, что она не отстаёт, я прямо

на ходу сбил её с ног. На этот раз она не стала плакать. А быстро поднялась и догнала меня. Я хотел было дать ей подножку и снова свалить её с ног, но споткнулся и упал сам. Чуть не расплакался даже. А эта девчонка давай меня поднимать! Я прямо взбесился. Вскочил и как дам ей сумкой по башке! Думал, что теперь-то она разревётся, но куда там – она так и осталась стоять на дороге с удивлённым видом.

Чего только я не выделял, чтобы отвести от себя эту девчонку. Дразнил при мальчишках обидными прозвищами.

Щёлкал по лбу, дёргал за волосы. А она продолжала ходить за мной по пятам. Во время войны, когда наша мама заболела, она приходила к нам мыть пол и варить еду. Я запрещал ей: «Не ходи к нам», но она продолжала приходить. Однажды я взял и поколотил её, но она снова пришла. После того как мама меня отругала, я её больше не трогал, но доброго слова она от меня никогда не слышала. Но самое неприятное во всем этом было то, что наши матери при встрече называли друг друга в шутку «сватьями». Её мать издевалась надо мною, называя меня «зятьком», а моя мать гладила девчонку по голове, приговаривая: «Ах, наша невестушка пожаловала». Кончилось тем, что мальчишки начали называть меня

этим противным прозвищем – «зятёк». Так что я всерьёз решил отомстить соседке.

Однажды мы все вместе купались в озере, девочка подплыла ко мне, и я её утопил. Утопил, а сам выбрался на берег. Смотрю – а она уже на другом берегу – натягивает на себя платье, сшитое из грубой крашеной бязи.

В сорок восьмом году, окончив седьмой класс, я уехал в Казань и поступил на учёбу в ремесленное училище. Хотелось, конечно, продолжить учёбу в школе, но жизнь в деревне была очень трудной, да и отец не вернулся с фронта. Её отец, кстати, тоже не вернулся.

И вот накануне моего отъезда встречает она меня на улице и говорит: «Нурхамат, приходи вечером к роднику». В то время она уже не ходила за мной по пятам, а, наоборот, старалась держаться от меня подальше. В те годы мы, видимо, рано взрослели, потому что в четырнадцать лет уже провожали девушек. Кажется, даже целовались. Впрочем, сказать «целовались» будет не совсем верно, мы лишь могли украдкой поцеловать девушку в щёчку. Я тогда ходил с девушкой по имени Диляфруз. Поначалу соседская девчонка упорно стояла каждый вечер у своих ворот и ждала, пока я провожу Диляфруз до её дома. Я возвращался, заходил в свои ворота, и тогда соседка уходила домой. Потом она перестала показываться, и даже в школе, по-моему, старалась лишний раз не попадаться мне на глаза. Но, как бы она меня ни избегала, я постоянно чувствовал рядом с собой её присутствие. Словно стоит рядом и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

...Сначала я и не собирался идти к ручью, но потом как-то само собой получилось, что я там оказался.

– Значит, уезжаешь? – спросила она.

– Да, уезжаю, – ответил я.

– Пиши мне, ладно?..

– И ты позвала меня сюда, чтобы сказать это? – рассмеялся я. А она вдруг расплакалась. Плачет и плачет,

и никакие мои призывы остановиться не слышит. Тогда я взял и ушёл. Хотя и молод был, но уже догадывался, почему она плачет. Но что я мог поделаться – сердце моё молчало.

Уехав в Казань, я, конечно, не стал писать ей никаких писем. Впрочем, я и Диляфруз своей не писал. Казань оказалась гораздо интереснее деревни. Где там найдёшь время письма писать? Я и домой-то писал редко. Но эта, соседка моя, взяла у мамы адрес и начала сама слать мне письма. Каждые два дня я получал от неё письмо. Сейчас вот думаю и понимаю: те письма были похожи на письма взрослой девушки. Они были о любви. О том, как она меня любит. Я читал эти письма вслух своим друзьям – уже взрослым парням, и мы громко ржали. Между собой мы окрестили её «чокнутой». Когда ребята передавали мне её письма, говорили: «Тебе письмо от твоей чокнутой».

Приезжая иногда в деревню, я говорил ей: «Не пиши мне». Она отмалчивалась. Но стоило мне вернуться в Казань, как следом за мной сразу прибывало письмо. Она писала мне долго. Со временем письма стали приходить реже, но всё же приходили. Я уже завершил учёбу, начал работать. Нескольким раз у меня менялся адрес, но она каждый раз узнавала его и снова присылала письма.

Письма перестали приходить только после того, как я женился. Кто знает, может, она и продолжала бы их писать, но как-то раз, приехав с женой в деревню, я зашёл к ним и прямо попросил её об этом.

Когда я вошёл, она была в доме одна. Моё появление её не удивило и не обрадовало. Она сидела на кровати и смотрела на меня. Даже не поздоровалась в ответ.

– Наверно, ты знаешь, что я женился? – сказал я, но она молчала. – Ты теперь уже взрослый человек, понимаешь всё, так что перестань писать мне письма, – сказал я, но она молчала.

– Я не люблю тебя, знай – не люблю, не сходи с ума! Выходи за кого-

нибудь замуж, разве мало парней вроде меня?! – сказал я, но она молчала.

Только когда я, попрощавшись, пошёл к двери, она вдруг сказала:

– Нурхамат, я всё равно буду ждать тебя.

Я посмотрел в её глаза и – испугался. Вы, писатели, наверно, можете объяснить это словами, но я не смогу. У неё были... какие-то странные глаза. Не как у живого человека. Такие глаза рисуют на русских иконах. Вроде они похожи на настоящие, и в то же время они тревожно-страшные, кажется, что они даже знают, о чём ты думаешь...

Так вот... Писем она больше не писала. Я даже начал забывать о ней. Мы с женой прожили уже около двух лет, когда однажды к нам зашёл один мой знакомый, с которым мы когда-то вме-

сте учились в ремесленном. Мы были уже довольно на взводе, когда знакомый вдруг вспомнил о той «чокнутой», которая когда-то писала мне письма.

А жена будто только этого и ждала. С нею с этого момента прямо что-то начало происходить. Стоило нам чуть повздорить, как сразу же каждый раз всплывало имя той девушки. Чего только жена не выдумывала. Сначала я старался всё перевести в шутку, но вскоре было уже не до шуток. Мы начали ругаться всерьёз. И вот что интересно – каждый раз во время скандалов с женой на память мне стала приходить та девушка. И начинало казаться, что если бы я женился на ней, то всё было бы не так, и мы были бы счастливы...

Скандалы в конечном счёте привели к разводу. Жена, прихватив детей,

ушла к родителям – она была казанской. Я остался в общежитии.

Пожив некоторое время один, я пошёл к жене, поклонился ей в ножки, и мы ещё полгода прожили вместе, но потом снова разбежались. То, что разбилось, склеить оказалось невозможно.

Мама очень переживала из-за этого, но что поделаешь. А однажды предложила:

– Может, женишься снова?.. – и назвала имя той девушки-соседки, – ведь она, кажется, тебя любила. Она и сейчас никуда не ходит, ни с кем не общается. Я слышала, к ней сватался один парень из соседней деревни, так она даже разговаривать с ним не стала...

Я, кстати, ещё до того, как мама говорила о ней, подумал о том же. Но, сколько бы я ни думал, душа не лежала к ней, хоть убей!

Во второй раз я женился, когда мне было уже тридцать пять лет. На женщине с ребёнком. Так уж получилось. На работе сказали: если женишься, дадим квартиру, если нет – придётся ждать, ну, мы и расписались с одной женщиной, с которой вместе работали. До этого я к ней иногда заходил. Она жила в общежитии со своей трёхлетней дочкой. Поженились. Дали нам двухкомнатную квартиру. Начали мы жить.

Женщина оказалась работающей. Да и мне одиночество порядком надоело. Жили мы неплохо. Родилась дочка. Но... уж если не заладится жизнь... Жена почему-то не любила младшую дочь. Когда ребёнок немного подрос, это стало особенно заметно. Подойдёт девочка к матери, а та её отталкивает. А сама так и крутится вокруг своей старшей дочери. И нахваливает её. Я однажды сказал ей:

– Ты почему нашу дочь отталкиваешь от себя?

А она даже скрывать не стала:

– Она мне почему-то чужая.

Я был в замешательстве. Пытался уговорить её. Но она так и не смогла полюбить девочку.

Дочка тоже, видимо, чувствовала,

что мать её не любит, и всё больше тянулась ко мне. И стали мы жить под одной крышей как две семьи. Она – со своей дочерью, я – со своей.

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но вопрос внезапно разрешился из-за болезни моей матери. Я привёз её в Казань. Мама сопротивлялась, но пришлось её привезти, потому что жить одна она уже не могла.

После приезда матери прошло дня три-четыре. И однажды жена со своей дочерью не вернулись домой. Никакого скандала не было, она была очень спокойной женщиной. Интересно то, что я не стал её искать, а дочка о ней даже не вспомнила. На заводе я заглянул в цех, где работала жена, и мне сказали, что она уволилась, немало удивившись тому, что я об этом не знаю.

Вот такие дела... Мать прожила недолго. Похоронил я её в деревне. Когда хоронил, очень помогли соседи. Маму обмывала мать той самой девушки. Сама она из дома так и не вышла... Я подумал, что она, видимо, наконец-то забыла обо мне.

После похорон матери жена всё равно не нашлась. Я пытался искать, но мне сказали, что в Казани её нет. Начали мы жить с дочкой вдвоем. Через год я получил из Тюмени письмо: жена писала, что нам надо развестись. Надо так надо, я ничего выяснять не стал. Обменялись письмами, сделали всё необходимое и разорвали отношения. Всё очень спокойно и тихо. Одно удивительно: она на нашу дочь даже не посмотрела – то ли она есть, то ли нет её. Я, кстати, у врачей хочу об этом спросить: отчего так бывает? Ведь это её собственная дочь!

Мне тогда было уже 46 лет. Я работал, дочка училась, дел хватало. Смотреть по сторонам времени не было. А дочку я любил без памяти. К старшей дочери ходил иногда, она уже была большая, со мной общаться не очень хотела. А её мать так замуж и не вышла.

Я предлагал ей: «Может, попробуем снова жить вместе?» Но она отказа-

лась. Причину объяснять не стала, просто сказала: «Нет».

Так мы и жили потихоньку, пока однажды к нам в дом не заявила наша соседка из деревни – мать той девушки.

– Еле тебя нашла, Нурхамет,– сказала она.– У меня большое горе: дочь болеет, врачи сказали, что ей недолго осталось. Она и сама это знает. Хочет тебя повидать перед смертью. Ради бога, приезжай...

Поехали мы с дочкой. Зашли к ним в дом. Лежит она на кровати. Осталось от неё – кожа да кости, да ещё глаза...

Подожёл я к ней.

– Приехал? – спрашивает она.

– Приехал,– отвечаю.– Как себя чувствуешь?

– Сам видишь, спасибо, что приехал,– говорит она и просит мать увести мою дочку.

Когда они вышли, она и говорит мне:

– Сядь рядом со мной, Нурхамет.

Я сел.

– Я ждала тебя,– говорит она.– Я на тебя не обижаюсь и зла не держу. Жаль только, что и ты не смог счастливым стать... Прощай. Только прошу, исполни одну мою просьбу: если не брезгуешь, погладь меня по волосам.

Тут сердце моё защемило, на глаза слёзы навернулись. Я положил руку на ее уже начинающие сесть волосы. Погладил и... почувствовал, что не могу отвести руку. Словно всё моё тело, душу пронизал какой-то ток. Сам плачу, сам глажу её по волосам и твержу:

– Нет, нет, ты не умрёшь, не умрёшь...

Мне вдруг стало страшно. Показалось, что если она умрёт, то весь мир рухнет. И такой близкой она мне вдруг стала. Словно я всю жизнь искал её по всему миру и теперь, наконец, нашёл. Некоторое время она смотрела на меня спокойным взглядом, а потом закрыла глаза. Я выбежал на улицу, позвал её мать.

Мать вбежала, наклонилась над дочерью... и сказала:

– Кажется, она заснула.

Мы переночевали у них: в одной комнате – она с матерью, в другой устроились мы с дочерью. Дочка всё спрашивала меня, кто эти люди, что это за женщина...

И я рассказал ей, как сказку, историю нашей любви. В этой сказке выходило, что и она, и я – несчастные влюблённые, которые никак не могли соединиться. Дочка слушала меня с удивлением, потому что никогда раньше не видела меня в таком состоянии.

На следующий день нам пора было уезжать, но я решил остаться, потому что не мог уехать. Мы прожили у них одну неделю, потом вторую... Жили, пока она не начала выздоравливать.

А вот это уже можно было назвать чудом: к удивлению врачей, она выздоровела. Когда мы уезжали в Казань, она вышла к воротам проводить нас и поблагодарила.

Вернувшись в Казань, я через некоторое время вдруг обнаружил, что не могу найти себе места. Я всё время думал о ней, видел её в снах. Словно мне семнадцать лет, и я впервые влюбился. Хотя... ведь это и в самом деле было впервые! Разве я был хотя бы раз влюблён? Ведь нет!

В конце концов, посоветовавшись с дочкой, я поехал в деревню. Сказал соседке о причине своего приезда. Дочери её в тот момент дома не было.

– Даже не знаю, что сказать,– ответила соседка,– она ведь странная. Поговори с ней сам, вы же не чужие друг другу...

А мне даже не пришлось ничего говорить.

– Я тебя ждала,– сказала она.

Вот такой театральный поворот произошёл в наших судьбах.

С тех пор вот и живём. Уже десять лет вместе. Можешь не верить – дело твоё, но оказалось, что до этого я и не жил вовсе. Впрочем, это уже другая история...

1988

Рис. Людмилы Пельгасовой

Добрый молодцам урок...

Вступление

Захотелось вдруг написать «великий труд». Объяснить людям, особенно молодым ребятам, как жить.

Разумеется, и без моих советов человеческое общество жило и будет жить. Пройдя жизненный путь, я понял: никто не нуждается ни в чьих советах. И всё же, даже зная это, мы старательно раздаём советы, настоятельно учим жить.

Однако эти свои советы я решил дать не потому, что считаю других глупее и тупее себя, а, наоборот, предлагаю их как советы умным от более глупого, каковым себе представляюсь. Потому что умный человек не станет демонстрировать то, что у него внутри. Потому-то он и кажется умным. Я же собираюсь рассказать всё, что знаю сам. Разумеется, внутри у человека есть бесчисленное множество всего, и не всё можно выставлять на всеобщее обозрение.

Данное «великое произведение» не претендует на какую-то новизну. И до меня много и мудрецов, и невежд написали горы книг, давая разные советы. Но человеческое общество продолжает глупеть. Если и я внесу свою лепту, то будущее станет ещё более глупым. Итак, начнём.

1. Как казаться умным?

Многие знают, что для того, чтобы казаться умным, надо меньше говорить, а ещё лучше – молчать. Я сам сделал немало глупостей из-за того, что не принимал во внимание эту истину.

Скажем, сижу я в зале и слушаю, как кто-нибудь с трибуны говорит бестолковые или лживые слова, я не выдерживаю, вскакиваю и начинаю возмущаться. Некоторые после этого начинают на меня коситься. Видимо, думают: вроде выглядит неглупым, а болтает

невесть что. А умные сидят тихо и всему, что трибуны говорят, внимают с готовностью.

Поэтому, если ты невыдержанный и легковозбудимый, и у тебя не хватает терпения слушать глупые выступления, старайся на собраниях, совещаниях, сессиях, заседаниях устроиться рядом с человеком ещё более буйным, чем ты сам. И если что-то в речи говорящего с трибуны вызывает у тебя раздражение, ты тихонько высказывай своё несогласие тому дураку, что сидит рядом с тобой. Тогда он непременно вскочит с места и повторит сказанные тобой слова перед всеми и... сделает большую глупость. А ты, разумеется, останешься умным.

Если тебе сверху прикажут выступить на каком-нибудь собрании, ради бога, не говори того, что думаешь. Знаешь, сколько мудрецов жило до тебя? А ведь многие из них записали свои умные мысли. Ты просто старательно повторяй их. Обмолвись, например: «Так говорил ещё Мустай Карим...» Или заметь между прочим: «По словам Максима Горького...» Раньше для украшения речи было очень удобно цитировать бессмертные слова Ленина. Достаточно было сказать: «Великий Ленин нам завещал...» и прочитать какой-нибудь отрывок из его трудов, чтобы подкрепить какую угодно чушь, которую ты сказал. И даже если приведённые слова Ленина оказывались и не столь мудрыми, никто не возражал. Пусть только попробовал бы возразить! А ещё можно было, упомянув «так сказал Ленин», сказать свои слова. Потому что ни один секретарь райкома или обкома не читал трудов Ленина. Однако предупреждаю: используя высказывания современных политиков, будь осторожен. Потому что они очень часто меняются, а тебе ещё надо жить. Если тот, кто пришел на смену сошедшему со сцены политику, запомнит твои слова, тебе придётся не сладко.

Если ты попал в какую-нибудь незнакомую, хотя и маленькую, компанию, постарайся больше молчать. Если же надумаешь включиться в беседу, понаблюдай: если здесь есть какой-нибудь чиновник, который «умнее» тебя, полезнее будет поддакивать ему. Если же тебе захочется непременно высказаться, призови на помощь себе опять-таки известных всем личностей. Начни с высказываний вроде: «Когда мы с Чингизом Айтматовым сидели в одной компании...» или: «Когда мы встречали в Казани Юрия Гагарина...», либо: «Будучи в гостях в турецком султанате...», тем самым намекая на свои близкие отношения с великими мира сего. Можно рассказать какой-нибудь анекдот от Расула Гамзатова и насмешить публику. Например, такой. На одном банкете Расул Гамзатов сказал тост: «Давайте поднимем эти бокалы за женщин. Потому что женщины – как рыбы, либо они плывут к нам, либо от нас». И тут с места вскочила какая-то старуха и возмутилась: «Безобразие! Почему ты оскорбляешь нас, сравнивая с рыбой?!» В ответ Расул Гамзатов сказал: «Уважаемая! Я ведь имел в виду не воблу, а свежую рыбу».

После этого рассказа все станут громко смеяться. Однако помни: любой анекдот, рассказанный более чем сто раз, начинает раздражать. Если у тебя плохая память, то записывай в ежедневник, кому что рассказывал, старайся не повторяться. Рассказывая анекдот, оглянись по сторонам. Как бы твой невинный анекдот не ткнул кого-нибудь в больное место. Взять хотя бы анекдот Расула Гамзатова. Рассказывая его, оглянись вокруг и посмотри: не сидит ли рядом какая-нибудь старушенция? Если сидит, то не рассказывай. Старухи бывают злыми, они цацкаться не будут и вполне могут назвать тебя дураком.

Кстати, о старухах... Умение внушить женщинам, что ты умный, – это особое искусство. Женщина – исключительно чуткое создание. И умного

от глупца отличит быстро. Чтобы не опозориться перед женщиной и даже, может быть, привлечь её внимание, нужно очень постараться. Поскольку это требует особого исследования, я здесь останавливаться на этом не стану, а, скорее всего, посвящу ему отдельную главу.

Суметь предстать перед начальством умным человеком тоже дело непростое, этому будет посвящена особая глава.

А вот если вы хотите знать, как прослыть в своей собственной семье умным мужем, умным отцом, умным дедом, то дам несколько советов. Первый – старайся угодить жене. Если, скажем, твою жену зовут Шамсия, то не забывай при ней время от времени говорить: «Вот и Шамсия так считает». Если вы – писатель, то замечания типа «Шамсия тоже прочитала и похвалила» будут способствовать тому, что дома вас всегда будут считать за умного человека. Разумеется, про себя ваша жена может считать вас глупцом, но перед другими будет всегда хвалить.

Не вздумайте поучать своих детей – это совершенно бесполезное занятие. Для детей родители лишь бестолковые бараны. Пусть детки живут по-своему. Когда они вырастут и сами станут родителями, они поймут, что они теперь тоже бараны. Не забывайте постоянно давать детям деньги, только при этом условии вы будете считаться умным отцом.

В последние годы мы начали активно общаться с зарубежными странами. Раньше за границей не знали, кто мы такие, теперь хотят узнать. Будь бдителен.

Пусть у них не создается мнение, что татары, живущие на территории бывшего Советского Союза, – тупицы. Что для этого надо сделать? Не крутись сверх меры перед каждым иностранцем, не говорящим по-татарски. Не изображай из себя всезнайку, не называй без нужды имена мировых классиков, не рассчитывай получить подарок, но и сам не закидывай его дарами. Иностранец,

так же как и ты, любит брать, но не любит давать. Если он почувствует, что ты рассчитываешь на подарок, то будет считать тебя глупцом, а если получит от тебя самого много подарков, то будет смеяться над тобой, мол, вот дурак! Но, не подлизываясь к иностранцам, всё же старайся с ними общаться. Пусть наши увидят, что иностранцы считают тебя за человека, пусть они подумают: да, умного человека и из-за границы видят. Когда разговариваешь с иностранцем, улучи момент и опорочь своего товарища. Скажи, что раньше он был коммунистом, служил коммунистической власти. Тогда иностранцы начнут ещё более сторониться твоего товарища, и ты останешься для них единственным и дорогим. Не забудь дать понять иностранцам, что тебя во времена коммунистического режима очень обижали. Не сомневайся – они, хоть и иностранцы, а тоже люди, проверять истинность твоих слов не станут. Ложь всегда была ходовым товаром, в условиях рыночных отношений – тем более.

Чтобы казаться умным, усвой несколько десятков иностранных слов. Сегодня в моде турецкие слова. Если обратишься к какому-нибудь молодому человеку с приставкой «бей», то твой авторитет вырастет вдвое. Не только молодые, старики тоже млеют от этого слова. Если меня, например, называют «Турфан-бей», я прямо вырастаю в собственных глазах, а тот, кто так меня назвал, растёт вместе со мной.

Самое сложное в жизни – казаться умным перед самим собой. Потому что каждый день видишь, кто ты есть на самом деле. Чем больше стараешься запрячь свою глупость и тупость, тем явственнее они выступают наружу. Что бы ты ни делал, пытайся избавиться от своей глупости, всё тщетно. Она – как борода. Каждое утро ты сбрываешь её заграничным лезвием, но к вечеру она, будь неладна, вновь пробивается. Одно утешение: было бы намного ужаснее, если бы у тебя, мужика, не росла борода.

Итак, если ты хочешь казаться

умным самому себе, то самое разумное – признаться в том, что ты – глупец. Не забывай твердить себе: на свете нет другого такого дурака, как я, более тупого и невежественного человека, чем я, и более чокнутого, чем я... Но, говоря это, соблюдай меру. Иначе заболеешь болезнью под названием «комплекс неполноценности». Называя себя тупым, помни, что другие тоже глупцы те ещё...

Наверно, есть масса других способов выглядеть умнее, чем ты есть. И я, вероятно, упомянул лишь малую часть. Но это уже не вина моя, а скорее беда. Видимо, я лишь в этой степени понимаю мир и жизнь.

Заканчивая эту главу, дам последний совет: когда будешь смеяться, рот слишком широко не раскрывай – а то все увидят, что зубов мудрости у тебя нет.

2. Обхождение с вышестоящими

Каждый считает себя пупом земли. В сущности, эта мысль верная. Если ты сам себя будешь считать мусором, другие просто сметут тебя со своего пути. Самая ошибочная и вредная мысль на земле – считать, что все люди равны. Не знаю, как на других планетах, но на Земле не может быть абсолютного равенства. Вот, скажем, одна корова даёт много молока, а другая мало. И чем ты её ни корми – бесполезно. У неё просто такая порода. Но не спешите проклинать эту корову – зато у неё много мяса, и мясо это жирное и вкусное.

Среди людей тоже невозможно равенство. Для равенства необходимо, чтобы каждый человек был совершенным во всех отношениях. Однако Всевышний, то ли к счастью, то ли к несчастью, не создал людей такими. Чемпион республики борец Рашит Самигуллин запросто поднимает и бросает противника наземь, а я не то что другого, но даже себя поднять не могу. Рост писателя Рината Мухаммадиева

два метра, а поэт Мударриса Агямова – примерно метр шестьдесят. Известный хирург Ренат Акчурин делает царским особам операцию на сердце, а я не могу вытащить даже занозу из пальца. Минтимер Шаймиев – президент, а я только депутат. Впрочем, кто-то не может стать и депутатом. Даже если очень захочет. Потому что равенства нет в самой природе. Дедушка Маркс хотел было всех сравнять, да не получилось. Дедушка Ленин, увлёкшись его учением, совершил революцию с целью сделать людей равными, дедушка Хрущёв с той же целью обещал построить коммунизм за двадцать лет... В результате всех этих начинаний верхи поднялись ещё выше, а низы спустились ниже некуда.

Значит, в мире равенства нет. Но жить как-то надо. Верхи хотят жить хорошо, но и низы хотят жить по-человечески.

Мой долг – помочь низам. Поднять их за уши наверх. Разумеется, моя помощь – это мои советы. Думаю, что в данном случае я имею некоторое право давать советы. Потому что считаю себя представителем того класса, который стоит примерно посередине. Я немного знаю привычки и нрав верхов, и в то же время пуповиной своей пока ещё связан с низами.

Если ты хочешь карабкаться наверх, никогда не завидуй чёрной завистью тем, кто стоит выше тебя. В этом нет никакого смысла. Чего я добьюсь, завидуя Рашиту Самигуллину? Ну, допустим, какими-то коварными путями мне удастся исключить Рашита Самигуллину из списка борцов. И что дальше?.. Я же все равно не смогу никого повалить сам. Поэтому что я делаю? Я аплодирую Рашиту Самигуллину. И ему приятно, и мне. Я знаю, что никогда не стану президентом. Ну не дал мне Всевышний такой мощи, что поделаешь. Я по характеру не лидер. Я даже самим собой управляю с трудом. И именно потому, что не могу собой руководить, частенько сворачиваю в сторону. А президент умеет ходить посередине. Ска-

жем, чего я добьюсь, если начну ему завидовать?.. Конечно, я могу кричать на каждом углу, мол, президент такой, президент сякой, могу во время выборов вычеркнуть его фамилию из бюллетеня. И на этом всё! Из меня не получится ни премьер-министра, ни председателя Госсовета. Я даже их заместителями быть не смогу. Впрочем, заместителем быть я и не хочу. Мне это слово не нравится. Как будто речь идёт о коварном человеке, который стремится «замести» своего начальника или работает из-за «мести»...

А ещё я не завидую министрам. Они, хоть и пребывают как бы в верхнем эшелоне, но очень похожи на жертвенных баранов, которые живут в ожидании дня, когда их «зарезут».

Итак, значит, договорились? Зависть бесполезна. Верхи есть не только среди тех, кто руководит нами, но и среди тех, кем руководят. Например, талантливые люди творческих профессий. Здесь зависть также бессмысленна. Чтобы достичь уровня талантливого артиста или писателя, композитора или художника, учёного или инженера, надо родиться в той же степени талантливым, как и они. Ну, не могу я стать Тукаем! И даже если я буду писать лучше Тукая, меня Тукаем никогда не назовут.

**Не назовут меня хаджи,
Даже если я совершу хадж...**

– поётся в одной песне. Так что и меня, даже если спою так же талантливо, как Ильгам Шакиров, никто не назовёт Ильгамом. Значит, что остаётся делать?.. Забыть об остальных и подумать о своём собственном имени. Разумеется, есть разные способы прославить своё имя. Можно прославиться, совершив какое-нибудь неслыханное злодеяние. Это уж, брат, решать тебе. Если хочешь снискать славу, вырезав своё имя на сиденье трамвая, то можно и так...

Постой, я, кажется, стал слишком серьёзным. Видимо, на меня произвели удручающее впечатление попытки некоторых наших не лишённых таланта писателей «переплюнуть» признан-

ных мастеров слова, в результате чего они так и остались писателями средней руки, не создавшими ничего оригинального... Ведь моя цель – научить секретам, как правильно строить отношения с вышестоящим начальством, чтобы жить комфортнее и неуклонно карабкаться вверх по лестнице. Это своеобразная попытка уберечь молодых людей от непоправимых ошибок, которые они могут совершить из-за того, что не умеют угодить начальству.

Угодить начальству совершенно не значит постоянно подлизываться к нему. Начальники, хотя и умело используют подхалимов, обычно их не любят и за людей не считают. Да и у самих подхалимов самый ненавистный враг – тот, кто заставляет их подлизываться. Уметь ладить – это совсем другое. В этом случае ты и начальство не раздражаешь, поскольку не лезешь ему в глаза, как мошка, и самолюбие твоё не особо страдает.

Запомни: если будешь слишком стараться и крутиться перед начальством, чтобы оно тебя «увидело», оно тебя не увидит. Потому что у начальства глаз особый – оно умеет смотреть и не видеть. Скажем, какой-нибудь большой чиновник смотрит прямо на тебя. Ты про себя уже радуешься, ликуешь, мол, наконец-то начальство меня заметило. Как бы не так! Начальство обычно, глядя на тебя, думает о другом. Самое сложное дело в мире – привлечь к себе внимание высокопоставленного лица. Для этого нужно особое мастерство. В этом деле у женщин есть свои приёмы, но я сейчас пишу не для них. Я хочу, чтобы преуспели наши юноши.

Чтобы удостоиться внимания начальства, надо на собрании, где он присутствует, сделать хорошее выступление. В речи должна содержаться очень серьёзная критика. Не бойся, размахивай мечом направо и налево. Знай: в первый раз молодому человеку можно говорить что угодно. Вот тогда-то чиновник, дремавший под сладкие речи выступавших до тебя товарищей, проснётся и прислушается к твоим сло-

вам. Спросит о тебе у сидящего рядом заместителя: «Кто это?» Заместитель объяснит ему, кто ты есть. «Ага, – скажет чиновник про себя, – этого петуха надо будет или зарезать, или оставить для продолжения рода». После этого тебя начнут испытывать. Скажем, предложат выступить ещё на каком-нибудь совещании. На этот раз советую не петушиться. Замахиваться – замахивайся, но... осторожно. Позитива в твоём выступлении должно быть больше, чем негатива. В этом случае начальство начнёт считать тебя перспективным кадром и отвечать на твоё приветствие при встрече. Но ты всё равно не старайся попадаться часто ему на глаза. Потому что, если часто, то начальство решит, что ты собираешься что-то просить, и постарается поскорее от тебя избавиться. Потому что самый ненавистный для начальства человек – это человек просящий. Поэтому не вздумай что-нибудь кланяться, а если вздумаешь просить, то только совета, а это добро без сожаления дают все и в любом количестве.

Конечно, если очень припрёт, то к начальству можно обратиться и с просьбой. Но только, ради бога, проси с умом. Начальство не любит, когда просят с требовательными интонациями и не любит, когда просят униженно. Самое главное – уметь благодарить, получив желаемое. Этому искусству ты поучись у своего ребёнка. С каким мастерством дети выпрашивают у родителей нужную вещь! А достигнув желаемого, хитрый и умный ребенок так выражает свои чувства, что ему хочется всё время давать.

Не следует пропадать надолго из поля зрения начальства, не желая мозолить ему глаза. У начальства есть и другие «дети» кроме тебя, поэтому он может ненароком забыть о тебе. Разными способами напоминай ему о своём существовании, соверши какой-нибудь мужской поступок, который бы ему понравился. Но только не вздумай самому об этом говорить. Пусть доложат другие. В окружении самого чиновника

всегда бывают люди, которые не особо к нему расположены. Узнай, кто они. С такими не надо дружить и не стоит быть даже в приятельских отношениях.

Раис Беляев, секретарь обкома по идеологии, однажды впал в немилость вышестоящего начальства. В результате ему, без вины виноватому, на пленуме обкома вклеили «строгий выговор с занесением в личное дело». Все сидевшие в зале члены обкома, кроме меня, подняли руки «за», я один проголосовал против. После этого объявили перерыв. Выйдя в фойе, я вдруг обнаружил, что ко мне никто не приближается. Даже те, кто раньше непременно подходил ко мне: «А, Туфан Абдуллович!..», сейчас обходили меня стороной, делая вид, что не заметили. И правильно сделали. Ведь они знали, что будет, когда начальству доложат об их дружеской беседе с Миннуллиным, который сделал такую непростительную глупость.

А я тогда, и правда, сделал глупость. Не желая идти против совести, я попытался спасти утопающего. Из-за своей неопытности вздумал защищать истину. Ладно ещё, тот человек, который невзлюбил Раиса Беляева, пожалел меня. Указать такому непуганому петушку, как Туфан Миннуллин, где его шесток, для него было дело – проще некуда. (Это, кстати, значит, что иногда можно поступать по совести. Вообще, жизнь по совести – это замечательная вещь, но она слишком дорого обходится обладателю этой совести.)

Если тебя заметят и повысят на одну ступень, не старайся сразу перепрыгнуть две. Это очень опасный трюк. Потому что не ты один желаешь перепрыгнуть.

Допустим, ты постепенно рос и добрался до ближайшего окружения начальства, стал его заместителем. Здесь уже требуется особое, исключительное мастерство, чтобы не скатиться вниз. Секреты этого мастерства не знаю даже я. Слышал, как кто-то говорил: быть заместителем – это всё равно что зимой сидеть около костра. Если приблизишь-

ся – обожжёшься, отодвинешься – замёрзнешь.

Наверно, так оно и есть. Очевидно, надо уметь сохранять дистанцию между собой и начальством. Если ты считаешь всю жизнь, до самой пенсии, просидеть заместителем под тёплым крылышком своего начальника, то старайся, чтобы он тоже сидел в своём кресле долго. Все успешные дела, которые ты делаешь, показывай как достижение своего начальника, а ошибки начальства умей брать на себя. Тогда твой начальник, если он умный человек, не забудет твоего благородства. Если же он этого не поймёт, ему же плохо – его рано или поздно скинут. А ты останешься на своем месте. Поверь мне, я знаю заместителей, которые пережили по четыре-пять начальников.

Если же ты, недовольный своим замещением, претендуешь на место своего шефа, будь готов к жестокой борьбе. Тебе следует найти способ либо повысить своего шефа на ещё более высокую должность, либо избавиться от него. Незаметно для других давай ему подножки. Улыбайся, глядя ему в глаза, а сам режь его исподтишка тупым ножом. Каждый раз, когда начальство будет кричать от боли, ты улыбайся, и пусть он думает, что это не ты, а другие его режут.

Особое искусство – если повезёт, сидеть с начальством за одним пиршественным столом. Только не вздумай напиваться! Не выпей лишнего, глядя на то, как пьёт начальство. Им частенько наливают воду. Даже если начальник начнёт угощать, мол, давай пей – ты пей с умом. Если всё-таки опьянеешь, не пытайся лезть к начальнику с поцелуями – для тебя это будет конец. А вот если сможешь напоить начальство, сам оставшись трезвым, у тебя есть будущее. Если захмелевшее начальство рассказывает анекдот, надо смеяться, – даже если ты накануне похоронил родную мать, всё равно смейся.

Секретов того, как с верхами строить правильные отношения, спокойно жить и делать карьеру, много, поэтому

не ограничивайся только тем, что написал я, а читай и других тоже. А моё последнее слово по этому вопросу таково: лежа на спине, не плюй вверх, иначе плевок упадёт тебе на лицо. Это не только моё мнение. Это истина, которая испытывается и доказывается на протяжении веков.

3. Отношение к низам

Согласно логике, если ты поднялся выше, значит, кто-то остался внизу. И чем выше ты поднимаешься, тем больше становится тех, кто внизу.

Не вздумай решить, что ты теперь избранный, и не спеши презирать тех, кто остался внизу, не тычь ногами им в морду. Во-первых, как я уже сказал, их много, а значит, всех перепинать всё равно не сможешь, во-вторых, среди тех, кому ты там заехал в рыло, может оказаться тот, кто, так же как и ты, прочитает мои записки и усвоит секреты продвижения наверх, а значит, однажды он может, совсем незаметно для тебя, обогнать тебя в своём движении наверх! В-третьих, так называемая судьба вполне может низвергнуть тебя вниз, к тем, от кого ты так высокомерно открещивался. А это, наверно, и есть самый опасный ухаб жизни.

Когда-то в радиокомитете работал один компанейский парень. Мы тогда были молодыми, часто собирались вместе, общались. Порывшись в закоулках карманов, собирали в кучу всё, что там находилось, и весело проматывали эти «богатства». Шутки друг над другом были постоянными. Никто не обижался. Над тем парнем смеялись чаще, потому что хоть и был он чуть старше нас, но шутки понимал и сам начинал хохотать раньше других.

И вот однажды этого нашего знакомого взяли инструктором в обком партии – и не куда-нибудь, а в отдел культуры, который был призван наставлять уму-разуму именно нас. Как-то, отправившись в обком на очередное совещание назидательного характера,

я натолкнулся на него в коридоре и, не скрывая радости (ведь это же наш человек!), протянул ему руку:

– Как дела?! Поздравляю! Ты уж тут давай, постарайся, нас в обиду не давай, защищай нас!..

Он нехотя протянул мне в ответ руку, затем завёл в свой кабинет и провёл инструктаж:

– Вы, Тифан Абдуллович, прекрасно знаете, какие люди сидят в этом здании. Не надо так фамильярничать. Не забывайте, кто я и где работаю. Будем говорить исключительно на официальном языке, договорились?.. – сказал он.

Я застыл в недоумении. Сначала подумал, что он шутит. Но потом до меня дошло, что шуткой здесь и не пахнет. И тогда я сказал:

– Ну что же, ладно. Я к вам больше не приду. Вы мне, по правде говоря, ни на грош не нужны.

От этих слов он аж подскочил:

– Не забывайте, где вы находитесь! Не придёте – значит, вызовем. Можете идти, – сказал он и чуть ли не вытолкнул меня из кабинета.

Об этой сцене я рассказал друзьям, чем изрядно позабавил их. Но в реальности ситуация уже вышла за пределы шутки, и наш высокопоставленный дружок по-настоящему отдалился от нас, при встречах старательно делая вид, что незнаком с нами. Однако мы виду не подавали и охотно перешли на предложенный нам официальный тон общения.

Но в один прекрасный день обком вернул нашего парня обратно в радиокомитет. Видимо, он не сумел оправдать доверия верхов.

Ещё не зная, что он выставлен из обкома, я встретился с ним случайно на улице. Хотел было пройти мимо, словно не заметил его, но он сам подошёл ко мне с распростёртыми объятиями. Он и разговаривал, как прежде, и смеялся, как прежде. Но я уже не мог быть с ним таким, как раньше. И эта дистанция между нами впоследствии, по прошествии лет, не стала меньше.

Судьба столкнула нас лицом к лицу в больнице, в палате реанимации. У него был инфаркт, у меня – воспаление лёгких. И именно там мы поговорили с ним и объяснились. Вспомнили ту историю с его недолгим пребыванием в обкоме.

– Мне тогда сразу сказали, что я должен изменить характер отношений с прежними знакомыми и друзьями и перейти с ними на официальную форму общения. И я, глупец, стараясь точно выполнить их рекомендацию, растерял всех своих друзей, – сказал он мне. – Я забыл старую мудрую пословицу: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться».

Сегодня того парня уже нет на свете, но урок, преподанный ему жизнью, всё ещё не забывается.

Значит, поднимаясь наверх, всё время оглядывайся назад. Особенно опасайся лягать ногами молодых. У них есть плохая привычка неожиданно делать карьеру. Какой-нибудь пацан сегодня бегаёт вокруг стола высокопоставленного чиновника, принося полные бутылки и унося пустые, но вдруг смотришь – через пару лет он уже сам начальник. Пока он бутылки таскал, его и не слышно было, а если и слышно, то так, писк какой-нибудь, а сейчас он вдруг заговорил басом. Поэтому на тех, кто крутится возле стола начальства, смотри с доброжелательной улыбкой. Поинтересуйся невзначай, как дела, в баньке позволь ему потереть тебе спинку, иногда можно даже пропустить с ним рюмочку-другую.

Будь осторожнее и с теми старыми львами, которые когда-то высоко сидели, а теперь находятся на заслуженном отдыхе. Не забудь: лев, даже дряхлый, с одной овцой всегда справится. Кадры, которые он вырастил, сейчас как раз в силе. Если старый лев при них вздумает хотя бы раз произнести твоё имя с презрением, жди беды. Ты лучше сделай так: называй старого льва ветераном и пой ему дифирамбы, а на всяких собраниях и совещаниях – пусть даже терпеть его не можешь – найди ему

местечко возле себя. Старые ветераны обыкновенно радуются даже пустякам, но зато и обидеться могут тоже из-за пустяка. Предупреждаю ещё раз: затаивший обиду ветеран – существо гораздо более опасное, чем собака, у которой отняли кость. В его арсенале – масса различных способов, чтобы перегрызть тебе горло... Запомни: каштаны удобно доставать из огня рукой ветерана, а ещё ему можно отдать на съедение тех мальков, которые кишат вокруг, претендуя на твоё кресло, – этот способ избавления от конкурентов весьма успешен и результативен.

Некоторые поднимаются наверх своими силами, очень трудно, преодолевая отчаянное сопротивление обстоятельств. Да, хоть и очень редко, но такие находятся. Сильные, талантливые личности обычно под ноги не смотрят, а лезут и лезут вверх, пока не сорвутся. Им мой совет таков: прекрасно, парни, продолжайте в том же духе! Но всё равно не рвите отношений с теми, кто остался внизу. И если тех, кто хотел бы подтянуть вас вверх, практически нет, то желающих столкнуть вниз предостаточно. И когда вы полетите вниз, к прежним друзьям и товарищам, будет хорошо, если среди них найдётся кто-нибудь, кто подстелет сено или, в крайнем случае, солому.

Многие из вас знают: бывают те, кого поднимают вверх, всеми силами подталкивая их снизу. Как это там поётся?..

**Влез на месяц, влез на месяц,
Влез на месяц наш пастух;
Я бы тоже влез на месяц,
Если б кто-то подтолкнул.**

Когда есть кому подтолкнуть – это хорошо. Но плохо, что те, кто тебя толкает, после твоего возвышения остаются внизу. Остаются и начинают периодически напоминать тебе, кому именно ты обязан своим взлётом. Две-три просьбы их ты всё-таки выслушай и, если это в твоих силах, помоги. Однако если подобные обращения станут частыми, ищи способ избавиться от просителя,

отваживай его от себя и прекращай отношения. Хвост – орган обязательный для животных, но человеку он мешает. Не забывай, что человек был создан без хвоста.

Если же тебя возвысила какая-то «мохнатая рука» (как, кстати, это будет по-татарски?), а после твоего возвышения его самого понизили в должности, ты постарайся скорее забыть его. Если уж его понизили, то во второй раз он вряд ли поднимется. Посмотри на историю, разве в России когда-нибудь свергнутый царь восходил на престол во второй раз? Нет! Поэтому разжалованный чиновник – это всё равно что муха навозная: если будешь возиться рядом с ним, того и гляди перепачкаешься в экскрементах.

И ещё на крайне важную вещь я хочу обратить твоё внимание, мой молодой друг. В мире, особенно в стране, в которой живем мы, в среде «низов» не перечесть тех, кто становится рабом по собственному желанию и даже получает от этого удовольствие. Впрочем, рабов немало и среди «верхов». Ведь ты и сам чей-то раб. Как известно, для раба самый ярый враг – не хозяин, а другой раб, старающийся выбраться из этой низости. А потому он приложит все силы для того, чтобы стащить этого карабкающегося вверх раба обратно и оставить его таким же презренным рабом, как и он сам.

Поэтому не жалея рабов. Если ему нравится быть рабом – пусть будет. Ты дави его даже больше, чем хозяева. Рабы – это племя людей, находящихся удовольствие от того, что их угнетают. Не забывай, что в мире существует такое понятие, как мазохизм. Не вздумай лишать рабов удовольствия от их мазохизма. Упаси тебя господь от глупости пытаться сделать людей из рабов, которые сами себя не уважают. Истина гласит: овцу держат только для того, чтобы стричь с неё шерсть и есть её мясо.

Не общайся также с теми, кто пьянствует. Мечтать о том, чтобы вернуть их к трезвой жизни – пустое дело. Они уже

ниже всех низких, на дне жизни. Если же хочешь сделать доброе дело – дай им на сто грамм, и они с благодарностью будут целовать тебе ноги, а на следующих выборах отдадут за тебя свои голоса.

Ну как? Понял теперь, как надо держать себя с нижестоящими? Желая успехов. А, нет, погоди... Не торопись. У меня остались ещё два-три слова. Среди нижестоящих есть категории людей, в которых ты нуждаешься. Первая – это личные шофёры. Они, несмотря на то, что просто тебя возят, самые нужные люди. Потому что знают о тебе даже больше, чем твоя жена или ты сам. Что ты говоришь, с кем общаешься, что пьёшь, с кем обнимаешься, о чём думаешь, что собираешься делать, твоих друзей и врагов, какие у тебя родинки и где они расположены, сколько сантиметров составляют твои достоинства – всё это знают только твой личный шофёр и органы ФСБ.

Ну, а раз так, то отношения со своим шофером выстраивай с умом. Не кричи на него, не унижай. И даже если за столом ему места не найдётся, пусть никто не забывает, что у тебя есть шофер. Шофёров часто не меняй, куда бы тебя ни перемещали, своего шофёра не оставляй. Для нижестоящих даже твой шофёр должен стоять высоко.

Некоторые чиновники-татары берут себе в шофёры представителей других национальностей, не знающих по-татарски. Мол, такой шофёр не понимает, о чём говорит начальство, и при нём можно говорить на какие угодно секретные темы. Ах, как они ошибаются! Нет такого языка, который бы не понимали личные шофёры. Не забывайте этого. А вот у очень умных и хитрых шофёров уши обыкновенно не слышат – это факт.

И последний совет: никогда и ни у кого из нижестоящих не спрашивай: «Как дела?» Он тут же начнёт что-нибудь себе выпрашивать.

4. Роль женщин

Если сравнить эту жизнь с шахматной доской, то игроки на ней, без сомнения, женщины. А мужчины – всего лишь шахматные фигуры. И не надо иронизировать, мол, скажет же этот Миннуллин... То, что я сказал, совсем не новость. Эта истина известна давно. И каждый мужчина испытал её на своей шкуре. И если я написал: «Роль женщин в продвижении мужчин наверх», то только для того, чтобы ещё раз напомнить вам то, что вы и без меня знаете. Просто у нас есть плохая привычка забывать то, что мы когда-то знали.

А ведь наши прадеды (а может, наши прабабушки) уже давно придумали поговорку: «Мужчину возвышает женщина, и она же превращает его в ничтожество». Мы забываем эту старую истину и продолжаем смотреть на женщину исключительно как на объект для наших объятий. Или иногда, в любовной горячке, сравниваем женщину с божеством. Однако и объятия, и любовь – вещи весьма незначительные. Обжимания да поцелуи никогда дефицитом не были. Для этого ни ума особого не надо, ни ещё чего... То же самое с любовью. Что такое любовь? Это просто мёд, намазанный на корку хлеба. Ты быстро слизываешь весь мёд, остаётся один хлеб, и всю свою жизнь ты грызёшь эту корочку хлеба.

А вот те, кто смотрит на женщину как на ступеньку, ведущую наверх, всегда выигрывают. Говоря научным языком, женщина в этом мире – точка опоры. Один учёный когда-то даже сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар».

Ладно, выяснили, что такое женщина. Теперь посмотрим на себя. Кто ты есть? Чьим сыном ты явился в этот мир?

Если ты сын высокопоставленного человека, то тебе мои советы и не очень-то понадобятся. Во-первых, тебе суетиться не придётся, потому что о тебе позаботится женщина, называемая

моя матерью. Для того чтобы устроить тебя так же высоко, как взлетел твой папаша, мать ему все уши прожужжит. Во-вторых, ты всё равно не сможешь прочитать того, что я тут написал. Потому что татарин, который вознёсся высоко, своего ребёнка татарскому языку не учит. В девяносто девяти процентах татарских семей, стоящих на вершине власти, воспитание зиждется на презрении к татарскому языку. Но если ты, будучи вышеозначенным ребёнком, всё-таки умеешь читать и писать по-татарски, тебе мой совет: не вздумай влюбляться и путаться с дочерью низкостоящего татарина. В случае если всё-таки спутаешься – ни за что не женись. Всё равно твоя мать житья вам не даст. Неужели ты думаешь, что она настолько сумасшедшая, чтобы собирать вокруг себя всякую голытьбу и родниться с кем попало?.. Если уж ей удалось сделать ферзя из такой пешки, как твой отец, то тебя она в любом случае не даст «съесть» какой-то там длинноволосой пешке.

Так... Теперь спустимся чуть ниже и начнём раздавать советы юношам-татарам, которые рождены в этом социальном слое. Если ты, брат, хочешь вскарабкаться наверх, то держись подальше от таких же беспородных, как и ты, девушек. С ними не стоит играть даже в глубоком детстве. А то можешь привыкнуть, привычка перерастёт в любовь, разум помутится... Тогда уж подняться выше будет очень сложно. Не перечисляя других трудностей, назову единственную: одни только хлопоты о квартире займут две трети вашей жизни.

Так что старайся с детства дружить с дочкой какого-нибудь высокопоставленного человека. Разумеется, мать девочки постарается не допустить ваших совместных игр, но ты будь упорным, не сдавайся. Когда придёт время жениться, женись только на дочери того, кто выше тебя. Не приведи господь трепаться тебе о какой-то там любви. Любовь – сладкий плод лишь для низших слоёв.

Те, кто сидит наверху, постараются избежать твоего брака с их дочерью. Не дрейфь. Вскружи девушке голову. Обычно дочки таких людей любят экзотику. Они растут в обнимку с собачками да кошками. Именно поэтому ты тоже кажешься им интересным. К тому же такие девушки бывают упрямыми, к словам домашних не прислушиваются, а стараются делать обратное тому, что им говорят. Если она татарка, то тебе, разумеется, придётся туго. Потому что такие на парней-татар обычно смотрят с презрением. Их так воспитали. Поэтому ты свои национальные черты на показ специально не выставляй.

Самое лучшее – постарайся вскружить голову русской девушке. Впрочем, для этого особо напрягаться не придется. Если девушка почувствует, что ты на что-то способен, она сама тебя схватит. Особенно среди евреев не бывает неустроенных людей. Они и тебя за уши вытянут да возвысят. Разумеется, в этом случае тебе придётся отказаться от своей национальности. Дети тоже не будут тебе принадлежать. Но это уже мелочи. Зато ты будешь наверху. Зато ты станешь крупным чиновником или академиком. Ну, а уж если ты женишься на какой-нибудь американке, то вообще станешь бог знает кем.

Только помни одно: если ты женишься не на татарке, то все домашние дела лягут на твои плечи. Будь готов к тому, что тебе придётся стирать и гладить трусы своей супруги. Если не будешь стирать сам, то тебе придётся относить их на стирку своей матери. Она тоже должна знать наперёд. Пусть не рассчитывает приходить стирать к вам. Твоя жена её в дом не пустит.

Вопрос с женитьбой мы вроде бы решили. Но дело на этом не заканчивается. Потому что женщины в нашей жизни участвуют в разных ипостасях, и они всегда рядом с нами.

Женщины – как воздух, которым мы дышим. Повернёшься направо – они, повернёшься налево – снова женщины. Они везде: и впереди, и сзади.

Скажем, тебе нужно наладить от-

ношения с каким-нибудь чиновником наверху, получить его благословение и подняться на ступень выше. Ты не сможешь это сделать без женщины. Женщина либо в образе длинноногого ангела сидит секретаршей у двери того дяди, с которым тебе надо познакомиться, либо она как любовница лежит в его объятиях, а может, в качестве жены сидит дома. Не принимать их во внимание нельзя.

Секретарше старайся понравиться. Но, ради бога, не надо отбивать её у того дяди – пропадёшь. И любовницу его не тронь. Даже если любовница сама начнёт к тебе клеиться, не торопись протягивать к ней руку. Иначе пропадёте на пару с любовницей. Будь терпелив, выжди. Эта любовница все равно когда-нибудь достанется тебе.

Как у всякого правила бывает исключение, так и в вопросе с любовницей есть исключение. Некоторые дядечки сидят на своем посту исключительно благодаря любовнице. В таких случаях тебе следует рискнуть. Любовница скинет дядечку вниз и поднимет тебя. Разумеется, для этого непременно нужно, чтобы любовница безумно в тебя влюбилась.

Что касается любовниц вообще, в этом вопросе будь осмотрителен. Если плавать не умеешь, в реку, а в море особенно, не суйся, лучше плещись в ванне. Некоторые глупцы, глядя на других, хватаются за первый попавшийся женский подол и очень скоро оказываются под этим самым подолом. Их там и не отыщешь потом. А если кто и отыщет, то только милиция или прокурор. Территория под женским подолом – это бескрайние джунгли, заходить туда без компаса категорически запрещено.

Увлечись любовницей, мы совсем забыли о секретарше. Некоторые сатирики считают, что секретарша непременно является любовницей начальника. Да простят меня сатирики, но я с этим не могу согласиться. Умный, хитрый мужик на такое свинство ни за что не пойдёт, он умеет сохранять дистанцию. Зачем нужно держать любовницу воз-

ле двери своего кабинета? Удобнее и безопаснее иметь её подальше. Однако секретарша в любом случае принадлежит своему хозяину. Она нужна ему, чтобы тешить душу, радовать глаз и ещё потому, что она точно, правильно и охотно выполняет данные ей поручения. Повторяю: не трогай секретаршу. Но... постарайся ей понравиться. Дай ей надежду. Пусть она поможет тебе открыть двойные двери в кабинет хозяина. Потому что если секретарь ляжет поперёк двери шефа, туда даже лев не пройдёт. Страшны не хозяева дома, а цепной пёс возле ворот. Спросишь, как понравиться секретарше? А это ты уж сам придумай, иначе для чего тебе голова дана?

Что касается жён тех чиновников, от которых зависит твоё повышение, то это, как говорится, отдельная статья. Многие драматурги изображают их на сцене как ветреных, придурковатых бабёнок – любителейниц золотых украшений и норковых шуб, но эти умники заблуждаются. (Кстати скажем, что точно так же драматурги заблуждаются, представляя богачей набитыми дураками. Ну, скажите, разве может дурак разбогатеть, а?) А вы, молодые люди, помните: у каждого высокопоставленного чиновника жена умнее его самого.

Я об этом уже говорил, однако вынужден повторить ещё раз. Потому что многие молодые люди, желавшие сделать карьеру, потерпели неудачу из-за пренебрежения к этой истине. Уважайте жён высоких чиновников! Уважайте их от чистого сердца – за их ум, и уважайте их из хитрости – потому что они вам нужны. Если жена, приласкавшись, захочет о чём-то попросить мужа, то она сделает это в такой форме и в такой момент, что ни один муж не сможет отказать. Так что постарайтесь понравиться жёнам начальников настолько, чтобы они могли шепнуть мужу словечко о вас. Только делайте это не исподтишка – женщины это сразу чувствуют. Делайте с умом. Если будете действовать с умом и привлечёте к себе внимание жены начальника, этого достаточно.

Не перестарайтесь: ваши комплименты ей будут приятны, но женщины сразу понимают, с какой целью они сказаны. Знайте: льстецов любят только мужчины, а женщина мужчину-льстеца ненавидит больше всего на свете.

Короче говоря, сделай так, чтобы жена вышестоящего начальства увидела, что ты и в самом деле на что-то способен. Только не ошибись, рассчитывая на то, что она развратная женщина, иначе получишь урок на всю жизнь. Подобные женщины с такими сопляками, как ты, путаться не станут. Ты понял?

Этот раздел я заканчиваю, так и не договорив всего, что хотел, о роли женщины. Во-первых, перечислить всё невозможно. Если все мужчины мира соберутся и станут писать день и ночь, то и тогда они не смогут написать даже четверти этого романа о женщине. Во-вторых, из того, что знаю и видел, я о многом не пишу специально. Мне ведь тоже ещё жить на этом свете, господа, и хотя наверх подниматься я не собираюсь, но и вниз спускаться желания тоже нет. А ведь стоит рассердить женщину, она это проделает очень даже легко...

Зная, что учить женщин и даже просто давать им совет – дело бесполезное и бессмысленное, всё же хочу сказать два-три слова замужним дамам.

Если вы хотите, чтобы ваш муж получил повышение и, поднявшись, не свалился оттуда вниз, вы должны знать следующее: умная женщина, помогая мужу карабкаться наверх, всегда держится в тени. Она не высказывает вперёд, желая показать себя, и не подрывает авторитет мужа. Напротив, всё, что сделала сама, она представляет как достижения своего мужа. А глупая женщина, возвышая себя, опускает мужа, и в результате сама катится вниз. Величие и счастье замужней женщины состоит в том, чтобы найти своё место рядом с мужем. Женщина, которая заявляет: «Я и сама талантливая личность» и опускает и так невысокий авторитет мужа ещё ниже, никогда не станет счастливой и уважаемой дамой.

5. Семья, родственники

Эх, если бы ещё в тот момент, когда ты самозабвенно стремишься наверх, за твои полы судорожно не цеплялись семья и низкосортные родственники. Именно из-за них огромное количество карьеристов не могут достичь желанной цели.

Тебе, например, нужна бутылка коньяка, чтобы угостить нужного человека, а жена этого не понимает. «Дети разуты, раздеты, – говорит она, – а ты только и знаешь, что пьёшь». Ты возражаешь ей: «Пойми ты, овца несчастная, коньяк этот нужен для того, чтобы угостить такого-то...» А она талдычит своё: «Сойдёт ему и водка, нечего коньяк таскать». Ты начинаешь уже кричать: «Тупица, корова! Он водку не пьёт, а пьёт только коньяк. Он тебе не алкаш какой-нибудь вроде твоего братца...»

И начинается после этого сплошное свинство, где уж там о карьере думать. Поэтому деньги для подобных целей держи отдельно. Если жена начнёт приставать, мол, денег мало приносишь, отвечай ей: «Я ведь не занимаю высокий пост». И – слово за слово – сделай из жены компаньона. Может, она даже сама начнёт тебе деньги выдавать. Но ты, смотри, не трать эти деньги на гулянки чёрт знает с кем. Жена догадается.

Есть ещё один способ получить повышение с помощью жены. Она должна понравиться тому человеку, который может тебя повысить. Но тут ты уж сам решаешь: за свою должность ты можешь заплатить любимой женой. Самое худшее – можешь остаться и без жены, и без должности. Так что советую сначала встать перед женой на колени и умолять её, чтобы она играла, да не заигрывалась. Но, ради бога, не приказывай ей и не ревнуй. Если будешь ревновать, то вместо трона сядешь в другое место. Короче говоря, жене не мешай, она сама лучше тебя знает, что надо делать.

У того, кто хочет подняться с низов в верхний эшелон, есть два мешающих

ему человека: один называется мать, другой – отец.

Некоторые из них доверяют вредной татарской поговорке «Муллой не станешь, если даже будешь учиться, как не станешь вороной, научившись клевать» и стараются сделать из тебя такого же недотёпу, как они сами. Не поддавайся им. Даже если ты не сможешь стать муллой, диплом всё равно нужен. Научившись клевать, не станешь вороной, зато можно стать орлом. Это смотря как клевать и кого клевать. Если станешь клевать падаль, то на скалу, разумеется, сесть не сможешь.

Некоторые родители очень хотят вывести сына в люди, устроить его на какое-нибудь хорошее место. Но, что поделаешь, одного желанья тут мало. Они даже отучают своего ребёнка от родного языка и пытаются тем самым понравиться вышестоящим, но тщетно. И вот уже их сыночек, забыв свой язык, говорит только по-русски, и вот, как им кажется, он уже почти стал человеком, и вдруг – попадает в тюрьму. Оказывается, что его русский годился только на то, чтобы грабить людей или насиловать девушек.

Поэтому к советам подобных родителей ты особо не прислушивайся. Отвечай: «Ладно» – и поступай по-своему. Но перед другими их не позорь. И вообще старайся перед чужими родителями своих не упоминать. А если уж невзначай заговоришь о них, придумай им хорошую биографию.

В период развитого социализма было полезно упомянуть, что твои родители – из бедняков. Если не веришь, спроси у своего деда. Он тебе расскажет. Например, что у Сталина отец был бедным сапожником, у Ленина – бедным учителем. Тех, у кого отец был богачом или кулаком, расстреливали. Сегодня же богачи и кулаки в моде. И если даже твой дед был голью перекатной и последним нищим, рассказывай всем, что он был богачом, держал мельницу, и магазин его славился на всю округу. И тогда окружающие станут думать: ну, раз его предки были

такими, то и внук, наверно, парень не промах.

Сделав карьеру, никогда не сажай своих родителей во главе стола во время приёма гостей. Пусть они прилично оденутся и только на минутку мелькнут перед высокими гостями, а потом исчезнут.

И пусть твой папаша не вздумает, махнув рюмочку-другую на кухне, выходить к гостям. Каждое сказанное им слово будет для тебя приговором. Отцы, чьи дети прыгнули «из грязи в князи», обычно бывают хвастунами. На свете нет ничего смехотворнее, чем хвастливый мужик.

Совет не показывать родителей начальству или показывать их редко не означает, что родителей не следует уважать. Когда ты один, пусть они будут рядом с тобой. Пусть они вкусно едят, хорошо одеваются. Потому что тогда они, общаясь с таким же быдлом, как и они сами, будут рассказывать, какой ты хороший. А представители низов общества всегда бывают расположены к тем чиновникам, которые уважают своих родителей. В нужный момент они скажут о тебе: «Он молодец – хоть и занимает высокий пост, а родителей своих не забывает» – и станут, пусть маленькой, но опорой твоему авторитету.

Если у тебя есть сёстры и братья, и они остались на низшей ступени общества, не трогай их, пусть спокойно стареют на своём месте. Часто в гости к ним не ходи и их к себе не приглашай. Общайся ровно настолько, чтобы они не держали на тебя зла. Время от времени делай им подарки.

Младших братьев и сестёр старайся тянуть за собой. Если они такие же способные, как ты, и будут старательно карабкаться вверх, идите вместе. В случае, если они чего-то не знают, – научи. Помоги получить образование. В один прекрасный день они могут сделать карьеру, взлететь выше тебя и тогда они помогут подняться тебе.

Если какой-нибудь из братцев окажется разгильдяем, который о карьере не думает, с таким не возись. Если

хочет, пусть остаётся внизу. Значит, Всевышний создал его таким, что ему место там. Значит, в нём генов рабства больше, чем в тебе.

Среди двоюродных, троюродных и других родственников общайся с теми, кто тебе более-менее полезен. Как бы ты ни старался, всем родственникам ты всё равно угодить не сможешь. К тому же, многие из них твой карьерный рост на фоне их собственной несостоятельности будут воспринимать с ненавистью. И чем больше добра ты будешь им делать, тем больше они будут тебя критиковать. Не зря же в народе говорят: «Очень брат был рад, что пастушит его брат».

Если же ты оказываешь своим простецким родственникам какую-то услугу, то обязательно щёлкни их по лбу, чтобы они запомнили, что ты сделал им добро. Потому что у таких родственников обычно бывает «плохая память». А ещё, чем выше ты поднимаешься, тем больше родственников у тебя становится. И уже седьмая вода на киселе начинает считать себя наваристым бульоном.

Так, значит... с женой, родителями, братьями-сёстрами и родственниками разобрались. Теперь дети. Они ведь тоже держатся за твои штанины. Смахнуть их просто так невозможно – это же не налипшая грязь, в самом деле...

Что можно посоветовать в связи с этим? Самое лучшее – ещё в детстве перепоручи детей жене. Когда немного подрастут, иногда контролируй. Пусть они не роняют твой авторитет. Впрочем... Нет, брат, не получится, дельного совета дать не смогу. И без детей грустно, и с детьми – беда. Могу сказать одно: пусть Всевышний дарует тебе умных детей. Сколько примеров, когда у самого высокопоставленного чиновника отпрыск не стоит и трёх копеек. А ведь никто из родителей не учит своего ребёнка быть плохим. Ну да аллах с ними...

А закончить эту главу я хочу следующими словами. Пусть, когда нужно, у тебя будет много родственников, а когда не нужно – не лезут тебе они

на глаза. Пусть твои родители будут богатыми и уважаемыми, в противном случае умей представить их такими. Делая детей, молитесь вместе с женой: «О Аллах, пусть они будут умнее нас!» Желаю успехов, господа!

6. Дружья и враги

Если наши прадеды пели: «Не прожить нам в мире без друзей...», значит, так оно и есть. К тому же мы помним пословицу: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Однако устное народное творчество – это одно, а жизнь – совсем другое. Запомни: если ты хочешь сделать карьеру, не спеши окружать себя настоящими друзьями. Настоящая дружба – это категория нравственная. А нравственность и карьера частенько противоречат друг другу, и от этого противостояния порой искры летят. И ты вполне можешь сгореть в этом огне дотла. Подняться наверх помогают не друзья, а приятели. Вот ты и постарайся узнать секреты такого приятельства. Предательство друга тяжело перенести даже самому отъявленному злодею, а приятельство – это такая вещь, которая сегодня есть, а завтра нет. Если дружбу мы сравним, например, с любовью, то приятельство – это проституция. Обнял, поцеловал – прощай, Маруська, я тебя не знаю, ты меня тоже «в гробу видала»...

Значит, договорились. Дружбой слишком не увлекайся. Разумеется, если кто-нибудь станет говорить тебе, что ты ему – друг, нос от него не вороти. Подумай сначала: полезен он тебе или нет? Если он может в чём-то тебе помочь, ты тоже называй его другом. Язык от этого не отвалится. Тот, кто говорит тебе «друг», сам прекрасно всё понимает: не может же он открыто называть тебя «приятелем». «Мы говорим партия, подразумеваем – Ленин». Это слова умного человека. Люди, говоря одно, всегда имеют в виду другое. Неужели ты, говоря женщине, что безумно любишь её, не думаешь

о другом? Хорошо, конечно, свистеть, мол, «если бы я обнял тебя, то мне и умереть не страшно», но после того, как обнимешь, умирать-то совсем не хочется.

То же самое и со словом «друг». Например, когда сидишь за накрытым столом, в какой-то момент все становятся твоими друзьями. А ведь почти все они – всего лишь твои собутыльники. Поэтому чаще употребляй слово «друг», и тебя поймут правильно. Понаблюдай: если двое обнимаются перед всеми и объявляют, что они – «неразлучные друзья», знай – они наверняка враги. Ты в продвижении к своей цели можешь обоих очень умело использовать. Как? Секрет очень прост, дешевле семечка лебеды. Незаметно науськай одного на другого, и ты увидишь, как они начнут лаяться... Пока они занимаются разборками, ты успеешь залезть в яблоневый сад и вывезти воз яблок.

Говоря о приятельстве, я, кажется, несколько умалил значение этого понятия. На самом деле всё не так просто. У приятельства есть свои законы. Главный среди них: ты – мне, я – тебе. Если попытаешься жить только по принципу «ты – мне», то не сможешь подняться даже на одну ступеньку, трепыхайся хоть сто лет. Научись точно рассчитывать, сколько достанется тебе, и сколько – твоему приятелю. То, что достанется тебе, должно чуть-чуть, почти незаметно, но быть больше. Твой приятель ведь тоже умный человек – он тоже соображает, как бы заполучить больше себе. Порадуй его и время от времени капай ему чуть больше. В таком случае вы сможете подниматься вместе. Если же хитрости у твоего приятеля меньше, чем у тебя, и если пользы от него становится всё меньше, забудь о нём. Там, наверху, тебя поджидают другие приятели. Нужна ли в жизни дружба – не знаю, но без приятелей не проживёшь.

Теперь позволь сделать лирическое отступление. У нас раньше много говорили о «дружбе народов». Мы пели гимн, где говорилось: «Дружба народов – надёжный оплот». Но стоило чуть

повеять ветрам демократии, от оплота не осталось и следа, Советский Союз распался. А вот в нашем районе татарин никогда не обращался к русскому: «друг». У нас принято было говорить «знакум». Поэтому и взаимопонимание было полное. Когда дружишь, часто возникает недопонимание. Без друзей жить можно, а без «знакумов» сложно. Дружба нужна для души, а «знакум» или, иначе говоря, приятель – для благополучия. Друзей бывает – раз-два, а приятелей – много. Так оно и должно быть.

Если кто-то хвастает, что у него нет врагов, то он либо по какой-то причине врёт, либо он – полное ничтожество. Потому что только у ничтожеств не бывает врагов. И чем ты честнее, тем больше у тебя врагов.

Враги в жизни нужны, так же как и приятели. Некоторые люди специально ищут себе врагов. Подобно тому как мазохисты находят удовольствие от того, что их бьют, так и ищущие врагов получают удовольствие от противостояния им.

Однако тебе враги нужны не для удовольствия, а для того, чтобы ты знал, чего ты стоишь. Враги – это как барометр, они точно показывают изменения в атмосфере. Если твой враг открыто заявляет о своей нелюбви к тебе, скажи ему спасибо. Опасайся того врага, который тебе улыбается. Если он, здороваясь с тобой, улыбается, постарайся узнать, почему он улыбается. Разумеется, ему самому об этом не сообщай. Враги тоже частенько помогают взобраться наверх. Злословя о тебе повсюду, они многим надоедают. Таких не любят. Сплетников обычно активно используют, но по карьерной лестнице высоко не поднимают. Потому что болезнь уходит, но привычка остаётся – такие и наверху будут продолжать порочить других. А вышестоящие чиновники не дураки, чтобы брать к себе под бочок заведомо грязного типа. Значит, если возникнет дилемма: кого повысить в должности – того, кто клеветает на тебя, или тебя – то выберут тебя.

Даже если у тебя есть враги, ты сам, ради бога, никого за врага не держи. Как я уже сказал, результат будет не в твою пользу. Узнав, что твой враг сплетничает о тебе, не вздумай отзываться о нём, даже случайно, плохо. Самое лучшее – постарайся не замечать этого человека. Даже встретившись глазами, не замечай его в упор. Это укрепит твой характер, а врага выведет из себя. Для того чтобы уверенно подниматься на высшие ступени, крепкий характер – самая необходимая вещь. Знай: трусов не повышают. Трусы не могут управлять.

Эту главу я начал с фольклора и закончу фольклором:

**Враг нас люто ненавидит,
На пути плетень плетёт.
То плетёт её, то крушит –
Стать таким, как мы, не может.**

7. Деньги, богатство, слава

Самая презренная, самая гнусная, самая грязная вещь на свете – это деньги, но без них жить невозможно. Волки, зайцы, вороны как-то могут жить без денег, а человек, хоть и считает себя самым умным существом, не может. И, будучи привязанным к этому проклятому «хвосту дьявола», человек, тем не менее, хвастается, что он «свободен». Как много людей погубило это проклятое изобретение.

Если ты хочешь расти, в первую очередь ты должен выяснить характер своих отношений с этим предметом. Пойми, нет никакого смысла повышать ничего. Некоторые ошибаются, считая, что Октябрьская революция привела к власти всякую нищету да голь перекатную. Отнюдь! Только привлекательный лозунг революции «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» принадлежал бедным. Пролетарий – это значит беднота. Беднота объединяться не может. Рабы, даже объединившись, не смогут стать властью. Если в толпу «объединённых» нищих бросить кусок хлеба, там немедленно начнётся драка из-за этого куска. А пока они дерутся, на трон успевают

сесть кто-нибудь другой. Почитай историю Октябрьской революции. Во главе власти не было ни одного представителя бедноты. Разве Ленин был сыном нищего? Или Сталин?... Может быть, Свердлов или кто-нибудь ещё?... Какая бы власть ни устанавливалась в обществе, на трон всегда садились представители имущего класса. А нищие нужны, чтобы сражаться и умирать для того, чтобы посадить денежных людей на трон. Следовательно, прежде всего научись добывать деньги. Спросишь: как? Этого я тебе говорить не буду. Поработай головой. Потому что с теми деньгами, которые раздобуду для тебя я, ты всё равно ничего не сможешь сделать. Как там говорят?... «Если нищему насыпать в подол пшеницы...» Конец этой пословицы обычно договаривают мужчинам только на ухо.

Умение тратить деньги – особая наука. Некоторые невежды, заимев в кармане сто рублей, уже считают, что разбогатели. Те, кто так думают, – зимогоры. А зимогор никогда не бывает богатым.

Но, не желая напрасно тратить свои деньги, не вздумай копить. Иначе превратишься в их раба. Самое страшное в жизни – быть рабом женщины и денег. Каждая заработанная тобой копейка должна служить тебе. Если рубль, сегодня ушедший из твоего кармана, завтра не приведёт тебе какого-нибудь полезного человека, считай, что рубль ушёл на ветер. Если же ты, заглядывая на десять лет вперёд, отправишь свои деньги в путешествие и сумеешь наблюдать за тем, как они ходят, тебя непременно будет ждать высокий пост. Твои деньги вернутся к тебе вместе с твоим креслом.

Там, где есть деньги, есть и обман. Когда будешь хитрить, не попади впросак, считая других глупее себя. Самым глупым, недалёким и тупым будет тот, кто считает других дураками. Если ты собираешься кого-то обмануть, сначала обманись сам. Пословица: «Пока сам не обманешься, других обмануть не сможешь» – как раз намёк на это.

Наверняка найдутся те, кто, зная о твоих деньгах, захочет тебя обчистить. Нет, я не говорю о ворах. Ими занимается милиция. Грабителями вполне могут оказаться те, кого ты считаешь друзьями, или даже родственники. О них ты, разумеется, не забывай. Уважай, люби, помогай, но не давай себя грабить.

Ты, наверно, слышал выражение «деньги любят счёт». Это действительно так. Считать умей, но, пожалуйста, не будь жадным. Жадного человека деньги обходят стороной. Потому что деньги – это как красивая женщина, которая не любит сидеть взаперти. И чем крепче ты её запираешь, тем чаще она тебе будет изменять.

И ещё одно: у нищеты есть последняя черта, а у богатства – нет. Так что соображай сам.

Итак, с деньгами покончено, перейдем к славе. Ох, какой это сложный вопрос, не знаю, справлюсь ли я с объяснениями?..

Если бы я эти советы писал по-русски, то смог бы объяснить лучше, что такое слава. Потому что в русском языке есть понятия мужской род, женский род, средний род. Слава – слово женского рода. Догадываешься, о чём я говорю? У женщины неустойчивый характер. Слава тоже понятие неустойчивое. Татары, хоть и великий народ, но имеют одну слабость: они не могут вынести испытания похвалой. Впрочем, это свойственно не только татарам. Стоит где-нибудь во время дружеского застолья похвалить татарина или русского, как он незамедлительно даст в зубы своему соседу. В этом вопросе ты учишься у евреев. Ты когда-нибудь видел еврея, который бы от похвалы терял голову и начинал пить горькую? Если татарин напишет какое-нибудь хорошее стихотворение и ты его за это похвалишь, то через год он, скорее всего, превратится в алкаша, пропадёт и будет благополучно забыт.

Помни: лестница, ведущая наверх, очень высока и крута. Чтобы не кружилась голова, следует взбираться по ней на трезвую голову, держась за перила

и с оглядкой. Некоторые, например, добираются до кресла министра и, решив, что достигли вершины башни, начинают плясать «Апипу». Башня раскачивается, а министр летит на землю и ломает себе хребет.

К славе ты стремиться должен. Человек, который не стремится к славе – это просто-напросто амёба. Я не случайно сравнил славу с женщиной. Причём это самая красивая, самая лучшая женщина. Ну как можно оставаться к ней равнодушным?.. Хочется обнять её, обладать ею и таять в её объятиях.

То, что тебе хочется – это естественно, но сама красавица тебя видеть не желает. Вот где трагедия. Поэтому на пути к славе нужно быть терпеливым, надо уметь ждать. Как и женщину, славу нельзя брать силой. Если даже не боишься греха, то бойся тюрьмы. Если не знаешь, то напомним: насильникам в тюрьме жизни не будет.

Есть одно свойство, которое лишает татарина деловой хватки. Это скромность. Если ты скромнен в меру, с умом, то скромность – очень хорошее качество, однако её излишек ведёт к убожеству.

Говорят: скромность украшает человека. Возможно. Но она украшает, только если у человека нет других достоинств. Скромность – это самый короткий путь к безвестности. Это не я придумал. Это сказал один московский сатирик, чья грудь увешана орденами и который обладает более чем десятком почётных званий и множеством премий.

Однако нельзя быть и чересчур наглым. Если ты, как назойливая муха, будешь постоянно лезть высокому начальству под нос, то вскоре убедишься, каким коротким может быть твой век.

Итак, каковы итоги? Деньги и слава – родные братья по крови. Уважай обоих, но опасайся стать их рабом. Раб никогда не сможет стать богатым и достичь славы. Поэтому ему и пути наверх не будет.

8. Карьера и нация

Чтобы качественно написать эту главу, надо хорошо знать историю. Нет, не ту, которую нам преподносят, а ту, которую мы не должны читать. Я себя не считаю знатоком истории. Но из того, что знаю, понял одно: возвышение благодаря предательству своего народа – это метод, существовавший испокон веков. Поэтому ничего нового к этому методу добавить не могу. Напомню только, что продавая свой народ, надо очень точно знать: кому и за сколько. В истории известны факты, когда некоторые наши предки-татары, желая получить дворянство, предавали свой народ и оставались в одних лаптях. Сегодня также есть те, кто использует нацию как товар. Вообще, использование нации для налаживания своих личных дел даёт весьма положительные результаты. Можно, не принося своему народу пользы даже на три копейки, гордо ходить гоголем.

Короче говоря, тех, кто карабкается наверх за счёт нации, учить не надо. Это дело у нас поставлено на широкую ногу. Желаю успехов, господа!

9. Честь, совесть

Поднимаясь по карьерной лестнице, не хотелось бы, конечно, упоминать такие святыне слова, как «честь», «совесть», но, что поделаешь, нашей жизнью управляют не только они. Частенько то, что мы привыкли считать святым, мешает нам жить хорошо. Только ты, наполнившись самыми святыми намерениями, встанешь на молитвенный коврик и начинаешь класть земные поклоны, как кто-то бесцеремонно выдергивает из-под тебя коврик и несёт его на базар продавать. Ты идёшь в комнату омовения с кумганом в руке, а кто-то подсыпал в твой кумган перцу. Ты, усиленно подготовившись к экзамену, идёшь его сдавать, а твоё место уже заняли те, кто на экзамены не ходил и даже учиться не желает. Ты, не идя против своей

совести и не желая посягать на чужое, терпеливо ждёшь, когда тебе выделят квартиру, а в это время в твою квартиру кто-то вселяется...

Если будешь сидеть и утешать себя, мол, я очень дисциплинированный, честный, совестливый, то кто же станет тебя повышать?.. Где ты найдёшь дураков, которые будут тебя проталкивать и поддерживать? Так что тебе, брат, придётся самому рвать когти и прокладывать путь самостоятельно – пихаясь локтями и наступая кому-то на ноги.

И заруби себе на носу, татарин: там, где есть власть, не бывает ни чести, ни совести. Их и быть не может. Власть – это то, что управляет честными людьми. Что значит управлять? Это значит, – рассказывая честным о чести, дурить им голову. Слушая твои разглагольствования, честные люди дуреют и становятся непригодными к жизни. Поэтому ими нужно управлять.

Что делают те, кто стремится к власти? Первым делом они обращаются к честным людям: «Мошенники, сидящие у власти, вас обманывают, потому что у них нет чести, они бессовестные!» Честные верят. И либо сражаются на стороне тех, кто желает подняться к власти, либо голосуют за них. Новые, придя к власти, сразу забывают о честных. Так было с самого начала, когда в мире зародилась власть, и так будет всегда. Вопрос только в том: сколько в процентном соотношении составляет честь того человека, который стремится к власти? Если пятьдесят процентов, то это уже хорошо. Сто процентов чести у власть предержащего, как я уже сказал, быть не может, но если это так, то, значит, он пробрался к власти по ошибке и его скоро скинут. Самое забавное в том, что его скинут сами честные. Вождя, который считает всех людей равными, никто не любит. Потому что каждый считает себя самым достойным, самым честным, не в пример тем, кто его окружает. Следовательно, президент, который кажется

мне очень хорошим, вполне может казаться другому плохим, и это естественно.

Например, в сказках даже самые справедливые цари одним устраивают пышные свадьбы, а других вешают.

Ну, что?.. Теперь, юноша, ты мне поверил? Следовательно, если ты хочешь вскарабкаться наверх, изучи со всех сторон понятия чести и совести. Самое важное – не будь их рабом.

Я уже предчувствую: прочитав эту последнюю строчку, некоторые могут дружно на меня наброситься. И начнут вопить, мол, Туган Миннуллин учит молодёжь нечестности и подлости!

Таким категорически отвечаю: я не бесчестию учу, а тому, как карабкаться вверх. Если ты не хочешь пятнать свою честь, тогда продолжай жить на том месте, которое тебе определили в этой жизни бесчестные. Терпи различные унижения. И смотри на трон, на котором кто-то сидит, как на обыкновенный чурбан. Не следует в стране воров смешить людей, поучая, что воровать нельзя. Не пытайся, заходя в публичные дома, читать лекции о нравственности и воспитывать проституток и клиентов.

А факты для соответствующих выводов есть: мы, писатели, семьдесят лет служили идеологии мошенников и писали о нравственности, чести, совести. И что вышло? Поэтому сегодня на нас смотрят как на дураков. Мы не заслужили даже звания жуликов.

Впрочем, тут я, кажется, немного преувеличил. Принизил великое звание «дурак». Я забыл, что быть дураком – это великая честь. Ладно ещё на свете есть дураки, иначе умные давно бы перегрызли друг друга. И хотя планетой Земля управляют умные, сама Земля стоит на плечах дураков.

Эту главу, наверно, надо завершить вот каким выводом. Честь – это как деньги: или они есть, или их нет. Поэтому выбирай что-нибудь одно. И не забывай, что абсолютной чести не бывает.

Заключение

Инструкция по продвижению наверх, достижению карьерного роста закончена – осталось только поставить подпись. Она войдёт в силу с момента публикации. Читайте, молодые люди, изучайте, растите. И не забудьте потом сказать мне спасибо. Может быть, кто-нибудь из вас, взойдя на высшие ступени власти, однажды протянет мне руку помощи.

Перед тем как поставить последнюю точку, отвечу на один вопрос, который непременно зародится в вашей душе. Один несообразительный среди вас, возможно, спросит: «Туфан Миннуллин, раз уж ты так много знаешь, что же сам не сумел подняться очень высоко?»

Мой ответ прост: «Не копайся в этом, парень. Тех, кто слишком много и часто задаёт вопросы, в этой жизни не любят и наверх не поднимают».

1999

83

Прощай, деревня?..

Деревня... Уж сколько я о ней говорил, сколько писал... Чем дольше я живу на свете, тем больше находится слов, которые я должен высказать. Где бы я ни был, кем бы ни работал, всегда и везде я ощущаю себя деревенским человеком. Именно с точки зрения деревенского человека я смотрю на события и явления и даже на политику в стране. Иногда я идеализирую деревню. Родная земля, зелёные луга, родники, поля и низины, знакомые тропинки – всё это напоминает мне мою молодость и заставляет сердце учащённо биться. Но если я вижу бестолковость деревенских людей, их равнодушие к своей судьбе, моя душа скорбит, а образ деревни в моём сердце тускнеет. И хочется крикнуть: «Куда же мы катимся? Ведь пропадём!..»

Порою мне хочется изучать деревню с точки зрения историка, социолога, экономиста... и рассмотреть тот путь, который она прошла с того момента, когда человек впервые решил перейти к оседлой форме жизни и основал первое поселение, и до сегодняшнего дня, когда деревня пришла к крайней стадии своего разложения. Может, сегодняшнее трагическое угасание деревни – это неизбежная закономерность?

И, возможно, по историческим законам развития цивилизаций деревни должны исчезнуть и остаться только города? А люди должны лишь подчиняться этой закономерности? И красивое слово «цивилизация», быть может, и есть ярый враг деревни?.. Мне же при слове «цивилизация» представляется гармоничное сосуществование человека и природы. Я думаю, что деревня – это дар природы человечеству. Потому что у всех народов деревни расположены в самых прекрасных уголках природы. К сожалению, сами люди, хотя и являясь детьми природы, не ценят этого подарка. Почему же?..

Почти у всех тюркских и даже у некоторых нетюркских народов места скученного проживания людей называются одинаково: аул, ауыл, авыл, аил... Значит, тюркские народы, ещё до того как разделились на национальности, жили аулами – деревнями. Интересно, откуда появилось слово «аул»? Русское слово «село» – понятно. Ходили-бродили люди, нашли себе удобное место и там обосновались. Иначе говоря – сели. Слово «аул» у тюрков, возможно, связано со словом «ау» («охота»). Когда-то люди, до того как научились разводить скот и возделывать землю, кормились

тем, что охотились на диких зверей. Если в основе слова «аул» лежит охота, то история деревни уходит корнями в очень древнюю эпоху. Впрочем, моей целью в данном случае не является исследование топонимики и этимологии. И всё же, сдаётся мне, не случайно группа людей нашла общий язык и начала жить отдельной деревней. Ведь так им было легче и удобнее жить. Точно так же, как стадная форма существования защищает некоторых животных от опасностей, так и для людей стало предпочтительным совместное проживание. Возможно, такой образ жизни – это один из инстинктов природы. Когда начали появляться первые поселения людей – это предмет изучения историков и археологов. Деревня прошла очень долгий путь развития и видоизменений, прежде чем появился город. Города, возникающие из больших деревень, со временем превращаются в силу, которая начинает «пожирать» деревню. Мы с вами, по сути, являемся свидетелями этого процесса. Всё меньше и меньше становится сегодня деревень, подобных тем, которые мы когда-то идеализировали. Техническая цивилизация, активно вторгшаяся в деревенскую жизнь, неизменно изменила людей, а они, в свою очередь, «помогли» окружающей природе, доведя её до крайней степени оскудения. Деревня, испокон веку спокойно жившая в своей скорлупе замкнутой жизнью, подчиняясь своим писаным и неписаным законам, начала напоминать муравьиную кучу, разворошенную палкой. Деревенским людям стало привычно уезжать всё дальше от своего дома. Усваивая на стороне чуждые привычки, они привозили их в свои родные деревни. Государство-захватчик силой старалось навязать местным народам свои законы. Деревня сопротивлялась, пыталась выжить, ещё глубже замкнувшись в своей скорлупе. Тогда победившая сторона принялась переселять представителей своего народа вплотную к аборигенам или даже, изгнав их, на их место. В результате страдали обе стороны – как исконные жители, так и вновь пересе-

лившиеся. Потому что, хотя они и вели себя здесь как хозяева, но, по сути, всегда чувствовали себя чужаками. Замечу попутно, что я совсем не собираюсь сейчас копаться в истории и развешивать ярлыки, это лишь попытка окинуть взором эволюционный путь деревни.

Деревня – это, по сути, государство. У неё, есть свои законы. И хотя она была вынуждена подчиняться порядкам, навязанным сверху, у неё был свой устоявшийся образ жизни – основанный на традициях, обычаях, нравственных принципах. И деревня блюла свои законы. Возможно, это легко подвергнуть критике с юридической точки зрения, однако ясно как день – в деревне, жившей согласно своей «юриспруденции», беспорядка было мало. Форма наказания, называемая по-русски «самосуд», возможно, была жестокой, зато результативной. Например, если в деревне ловили поджигателя чужого дома, его самого бросали в этот огонь. На человека, который зарезал чужую скотину, надевали шкуру убитого им животного и водили по улицам, развратнику сажеей мазали лицо и тоже водили по улицам. Всё это звучит довольно жутко, однако подобные преступления случались редко. Потому что те, кто был склонен к совершению несправедливых дел, знали, кто и каким образом их будет судить. Человека не очень пугает суд постороннего человека, но осуждение своими – страшно. Если, например, обо мне кто-то выскажется плохо, я, конечно, расстроюсь, но сильно убиваться не стану. Однако если в моей родной деревне вдруг скажут, что сын Габдуллы Туган оказался плохим человеком, я, пожалуй, этого не вынесу... В последнее время из деревни как раз и уходит вот эта самая способность стыдиться. Деревенский житель начал чураться законов, которые сам же и создавал на протяжении веков. Много лет назад в одной из деревень нашего района убили человека. Так жители этой деревни, от стыда за это преступление, на вопрос, кто убийца, в один голос заявили, что он не из их деревни,

то есть они отказались признать преступника «своим» человеком.

Я уже говорил, что деревня – это государство. Да, в ней действительно присутствуют все атрибуты государства. (Может, правильнее будет сказать – «присутствовали».) Эти атрибуты, хотя и не были официально закреплены в документах, свои задачи успешно выполняли. У деревни был свой «президент», хотя его и не избирали. Его беспрекословно слушались. Аксакалы исполняли роль парламента. В каждой деревне были свой юридивый, свой хулиган, даже женщина лёгкого поведения. Но все они держались под строгим контролем. И стоило им перейти определённые границы, как наступала заслуженная кара. Сегодня эти «государства» разрушились. В России после революции 1917 года этот процесс разрушения превратился в привычный образ жизни. В деревне начали размножаться чиновники, называемые «властью». Они внедряли порядки, которых и сами толком не понимали. Поэтому что среди тех, кто организовал переворот, не было ни одного человека, который бы знал деревню и психологию деревенского человека. Главный идеолог большевиков – Ленин – ещё во время революции открыто заявил, что крестьянину доверять нельзя. Поэтому лозунг «Вся земля – крестьянам!» так и остался лишь словами. Может быть, это было и правильно – не доверять крестьянам во время игры «в революцию». На то, чтобы бегать по улицам с ружьём в руках, у деревенского человека нет ни времени, ни желания. Его кормит земля, и если её бросить и начать митинговать на улицах, ясно как день, что наступит голод.

Тогда и начался этот бесконечный процесс перемешивания деревни. Сначала её поделили на бедных и богатых. Затем их натравили друг на друга. В результате те крестьяне, которые знали цену земле, умели её уважать и работать на ней, были изгнаны из деревни. Кого ещё не успели сослать, сами сочли за благо уехать, пока не поздно.

В деревне остались хозяйничать те, кто был ниже середняка. Многие из них не умели работать на земле и с большим трудом могли обеспечить себя лишь коркой хлеба. Но советской власти как раз и были нужны такие крестьяне. Голь перекатная, неспособная стать истинным хозяином земли, превратилась в сельскую власть и принялась учить жить других... Поскольку грабить того, кто привык бережно хранить заработанное собственным трудом, было трудно, придумали колхозы, в результате чего земля и имущество остались без хозяина.

Вот эпизод из истории тех лет. Одно-го середняка из нашей деревни, упорно не желавшего вступать в колхоз, вызвали в известное учреждение. «Оказывается, ты, контра, против колхоза», – сказали ему. «Нет, я не против колхоза», – ответил он, – я согласен строить колхоз с такими же, как я. Но в колхоз всяких лентяев и отщепенцев вступать не буду. Пусть они создают свой отдельный колхоз». Разумеется, его арестовали...

Сообразив, куда ветер дует, более ушлые и предусмотрительные крестьяне начали жить по принципу «это не моё». Ну, а раз это не моё, значит, его можно разрушать, воровать «не моё» тоже не грех. Деревня, которая раньше осуждала воров, поголовно превратилась в сборище воров. Разумеется, сама она не признавала факт воровства, воровать колхозное добро даже стало считаться за доблесть. А ведь крестьяне, в сущности, и в самом деле не воровали – они лишь брали без спросу то, что полагалось им за работу. Власть смотрит на деревенский люд как на бестолковую массу, однако крестьяне вовсе не тупые овцы, они умеют быстро приспосабливаться к обстоятельствам: если их притесняют, они бегут, если им не платят за труд – они воруют. Те, кто сидели у власти, придумали кучу разных наказаний для того, чтобы прекратить воровство. Отправляли в тюрьму даже матерей, прихвативших домой горстку зерна для своих опухших от голода детей. Однако народ воровать не пере-

стал. Потому что если бы он не воровал, то умер бы с голоду... Таким образом, из основания деревенского уклада жизни был вырван краеугольный камень – тот, от которого зависело её нравственное здоровье. С течением времени деревня превратилась в лабораторию для бессмысленных экспериментов. Однажды появилась теория бесперспективных деревень. И тогда деревенский житель, старавшийся выжить любой ценой, потерял последнюю надежду. Поскольку терпеть долее не было уже никаких сил, началось поголовное бегство из деревни. А город уже давно поджидал таких. Ведь ей была нужна дешёвая рабочая сила. Сельчанин, всю свою жизнь работавший за «палочку», был весьма рад копейкам, которые он получал в городе. Обнаружив, что в деревне остаётся все меньше тех, что согласны работать за бесплатно, власти снова вернулись к крепостному праву. Сельчан пытались насильно удерживать в деревне, не выдавая на руки паспортов. Наиболее способная и расторопная молодёжь всеми правдами и неправдами получала свои паспорта и уезжала. Сначала, разумеется, своих детей проводило сельское начальство. Само оно также было готово в любую минуту бежать из деревни вслед за детьми. Примечательно, что первой подобных издевательств не выдержала русская деревня – она побежала. И опять в деревне остались те, кто не мог бежать. Но таким уже ничего не было нужно. Даже когда от натуральной оплаты перешли к денежным выплатам, крестьян это не особо обрадовало. Потому что они знали, что эти деньги всё равно платить не будут.

После объединения колхозов хозяйственности стало больше. Ещё одна поучительная история. После войны младшего брата моей матери судили как власовца, впаляли двадцать пять лет и сослали в Магаданскую область. Я написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову с просьбой разрешить ему вернуться. Не знаю, была ли

польза от того письма или что-то другое сыграло свою роль, но в 1955 году дядя вернулся в деревню. Прошло года два, и я имел неосторожность похвастаться, что это благодаря мне он вернулся в деревню.

– Ты, мусор, вернул меня на каторгу... – сказал дядя.

Второй пример. Садретдин-абый пришёл с войны инвалидом. День и ночь он работал в колхозе, но когда в клуб приезжало кино, он смотрел фильм с улицы через окно, потому что у него не было двадцати копеек на билет. Таких примеров я могу привести тысячу. А вот для того, чтобы перечислить случаи, когда моим односельчанам оказывались официальный почёт и уважение, хватит пальцев на одной руке... За примером далеко ходить не надо – я и сам когда-то во время визита инспекторов сиживал в погребе с ягнёнком, чтобы на него тоже не наложили налога. Сколько же можно терпеть такое притеснение и такое унижение?.. И даже тогда деревенский человек продолжал работать. Видимо, его крепкую связь с землёй оберегал инстинкт, живший в крови его предков. Но теперь он уже не получал удовольствия от своей работы. Поскольку достойной платы за труд не было, сельчанина пытались задобрить всякими грамотами, вымпелами и прочими безделушками. Деревня же ответила на это по-своему – чащушками.

**Собрались колхозники,
В поле жнут серпами.
Кличут их «ударниками»,
Считают дураками.**

Когда возможность грабить при помощи колхозов была исчерпана, а деревня оказалась на краю бездны, те, кто управлял ею на расстоянии, встревожились. Никогда не видевшие толком деревню «специалисты» принялись одну за другой проводить новые реформы. Решили, чтобы обмануть крестьян, называть колхоз не колхозом, а ассоциацией или каким-нибудь другим названием. Но деревню обмануть уже было

невозможно. Она превратилась в беспечную и равнодушную. Ей уже не был нужен ни колхоз, ни черт лысый, лишь бы ей не мешали воровать – этого было вполне достаточно.

Из путешествий по Америке и Европе «умники» привезли слово «фермер». С тем же равнодушием деревенский люд плевал и на этот обман. Впрочем, в деревне уже и не было людей, способных вести фермерские хозяйства. Тем немногим, кто еще мог этим заниматься, «перекрыли кислород». Сами деревенские считали их за врагов. Мол, почему это они пытаются жить как-то иначе?.. Если уж помирать, так всем вместе! – подобная рабская психология полностью поработила душу деревенского человека. Вот уж действительно, – при помощи кнута из хозяина можно сделать раба, но невозможно из раба сделать хозяина даже при помощи пряника. Ладно еще у нас в Татарстане не стали отмахиваться от сельчан, изо всех сил держащихся вместе и цепляющихся за жизнь, – мол, идите, делайте что знаете. Как дикий зверь, привыкший жить в клетке, умирает на воле, не в силах раздобыть себе еду, так и деревенский человек окончательно бы захирел и вымер. Во многих областях так и случилось. Когда проезжаешь по территории наших соседей, видишь разрушенные деревни, буйные заросли чертополоха на заброшенных полях, и сердце кровью обливается. Работящие и предприимчивые люди покидают свои дома и землю. В деревнях остаются только немощные и убогие. От некоторых татар я порою слышу мнение, что русские – лентяи, не желают работать на земле. Я абсолютно с этим не согласен! Просто русский народ раньше других почувствовал, что у деревни нет будущего. А жизнь тех, кто этого еще не почувствовал и остался в деревне, – не приведи Господь. Да, эти люди действительно не работают. Это – форма протеста. Протеста против общества. Каждый человек выражает это по-своему: кто-то в поисках справедливости митингует на улицах, кто-то бежит из деревни

куда глаза глядят, кто-то начинает пить, махнув рукой на весь мир...

Кстати, о пьянстве. Не стоит напоминать, что в деревне пьянство приобрело размеры катастрофы. Причём, заметим, деревенский человек начал пить не по собственной инициативе – его приучили. Ведь пьяным человеком – каким бы отвратительным он ни был – легко управлять. Человека с замутнённым сознанием гораздо сподручнее гнать на работу – можно палкой, а можно и лаской – выставив перед ним бутылку. Разумеется, от его работы толк будет небольшой, зато и платить ему за это не надо. Если же он, в редкие минуты трезвости, вздумает возмущаться, ему очень легко можно будет заткнуть рот: «Молчи, алкаш!..» Страшно подумать, сколько водки было вывезено на поля для механизаторов во время сева, уборки и сенокоса. А сегодня мы требуем от них нравственности?! Как говорит Касим-Абый из нашей деревни: «Так не получится, брат».

Ладно, допустим, демократы увлекли нас своими лозунгами, мы пошли у них на поводу и заклеили социализм. Что же сегодня? Может, мы, осознав ошибки Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, собираемся теперь их исправлять? Как бы не так! В деревне снова начали проводить многочисленные реформы. После мошенничества под названием «ваучер» в деревне появилось понятие «пай». А это уже как карты в руках цыганки. Как ты колоду ни тасуй, всё равно цыганка обманет. Этот пай существует на бумаге, но если ты вздумаешь, ссылаясь на эту бумагу, получить земельный надел, тебе придётся пройти все круги ада. Вот и получается, что деревенский человек ходит-бьётся с этим паем, а потом машет на всё рукой. Впрочем, что он может, даже если ему удастся взять землю? Только пропить её...

Ни одна из реформ не работает в пользу сельчан. Исчезновение деревень уже приобрело характер эпидемии. Знают ли об этом наверху? Может, и не знают. Потому что большая часть

тех, кто управляет страной, точно так же, как революционеры 1917 года, деревню не знают и не понимают. Преобладающее большинство сегодняшних демократов – это люди, получившие европейское воспитание и образование. Им совершенно неведомо, как живут крестьяне в нашей стране. Именно поэтому они так упорно пытаются навязать сельскому хозяйству России западную модель развития. Не знаю, будет ли она способствовать этому развитию, но пока деревня продолжает лежать на смертном одре.

Каждый день появляются всё новые способы ограбления деревни. Здесь, наверно, уместно будет дать слово самому сельскому жителю. Возмущается Венера Салимуллина – моя односельчанка: «Туган, куда мы катимся? Ты что-нибудь понимаешь?.. Я двадцать лет днём и ночью ухаживала на ферме за коровами. Ты знаешь, какой это каторжный труд? Всё делалось руками. Сначала мы вкалывали за палочку, которая называлась трудодень, потом за грошовую зарплату. Ведь и пенсию начислили исходя из этих денег. Я получала 1100 рублей, ладно ещё сделали надбавку из пенсии покойного мужа. Получилось 1700... Кое-как, с мучениями, живя впроголодь, мы построили дом. Теперь выясняется, что этот дом – не наш. Для того чтобы его где-то зарегистрировать, нас заставили заплатить 1500 рублей. Говорят, что и за огород плату повысят. И будет она исчисляться тысячами. Цены на электричество и газ постоянно растут. Ты мне скажи, есть ли в этой стране хотя бы один умный человек?!» Кто сможет ответить на этот вопрос? Мне кажется, никто. Когда трактор давит ползущую по дороге букашку, разве он это видит?!

В свою очередь, экономическое положение деревни напрямую связано с её нравственностью. У нищего и мораль бывает нищенской. А это страшнее экономической нищеты. Как бы мы ни хвалили город и те большие возможности, которые он предоставляет для удовлетворения духовных по-

требностей человека, нравственную целостность и совершенство народов России на протяжении тысячелетий хранила деревня. Как я уже говорил, неписанные законы, благодаря которым человек оставался человеком, когда-то сформировались в деревне. Если смотреть с позиции города, возможно, они покажутся патриархальными, не соответствующими нормам западной цивилизации, отсталыми. Не случайно в России тех писателей, которые знают жизнь деревни, понимают её и беспокоятся о ней, называют «деревенщиками». На мой взгляд, это некое принижение их и даже, может быть, насмешка. В свою очередь, «деревенщики» не приняли «продвинутой» – бесцветную и вненациональную – литературу города. Деревня вообще всегда соревновалась с городом. Деревенская молодёжь называла своих городских ровесников «пижонами», задаваками, сравнивая их с картофелем, проросшим длинными и слабыми стеблями в темноте подпола. А их самих городские ребята до сих пор продолжают обзывать «деревней», «лаптем», невеждой. И, что интересно, обе стороны правы.

В 80–90-е годы влияние города на деревню усилилось. Не знаю, в какой степени деревня переняла хорошие стороны городской цивилизации, однако её отрицательные стороны деревню окончательно испортили. Разрушились родственные отношения, исчезла традиция совместного проживания трёх поколений, обеспечивавшая целостность семьи, постепенно забываются добрые отношения между соседями, основанные на взаимопомощи и поддержке. Если раньше на улице ребёнок совершал какой-нибудь неблаговидный поступок, любой взрослый мог надрать ему уши, и родители провинившегося говорили за это только спасибо. Сегодня каждая семья в деревне, точно так же, как и в городе, закрылась в своём мирке. Современная деревня беспробудно пьёт. В русских деревнях трезвых людей уже почти не осталось. Татарские деревни тоже от них не отстают.

Количество дебильных детей, «сделанных» на пьяную голову, растёт с каждым днём. Тридцать лет назад в одной из своих пьес я вывел образ деревенской татарки-пьянчужки. Тогда меня за это жёстко критиковали. Помнится, мне пришло много писем из деревень, в которых авторы гневно заявляли: «У нас в деревне таких женщин нет, драматург нас оговаривает!» Сегодня пьяные женщины – в деревнях явление обыденное. Недавно я услышал ужасную новость: в одной из деревень нашего района семнадцатилетняя девушка, занимаясь проституцией, продаёт себя за 100 рублей... Или вот другой пример. Гостившая в деревне студентка, под впечатлением увиденного, написала в газету: в клубе все 14–15-летние дети – пьяные. В деревне уже появились наркоманы и даже обнаружен у некоторых СПИД.

Как-то я беседовал с главой одного из районов – человеком, всей душой радующимся за деревню. Так вот, он у деревни не видит будущего. Говорит, что деревни переполнены 25–40-летними холостяками. А ведь это тот возраст, когда самое время заводить потомство. В то же время деревенские девушки прозябают в городе в общежитиях, не имея возможности выйти замуж. В деревне скоро останутся одни старики. Кто же будет их кормить? Если так будет продолжаться и дальше, сказал мой собеседник, деревне осталось жить 20–30 лет. И мы этот процесс остановить не можем, с горечью заключил он. Да, как говорится – приехали... Знают ли об этом там, наверху? Наверно, знают. Может быть, для них это не очень серьёзная проблема. И, возможно, исчезновение деревни даже полезно для реализации их многочисленных реформ. Однако исток нравственности российского народа всегда был в деревне, что же будет, когда этот исток будет окончательно изгажен? Деревенские старухи уже сегодня утверждают, что конец света настал. Единственным «очагом культуры» в деревне стал телевизор. Сельчанин запирается

в своём доме и утыкается в это «дьявольское око». А там чего только нет! Убийства, резня, проституция... Но только попробуй написать об этом в газете или сказать с трибуны, – фальшивые демократы, которые пропагандируют этот разврат, сразу объявят, что ты нападаешь на демократию. Между тем их собственные дети не смотрят такие передачи, потому что они воспитываются в престижных учебных заведениях за границей. Завершив учёбу, они сюда не вернутся. А те, что вернутся, точно так же, как и их отцы, станут выдумывать невероятные и непонятные реформы для «европеизации» России.

Наверно, некоторым не понравится, что я пишу о деревне в таких мрачных тонах. Особенно руководству нашей республики. Если бы я был на их месте, мне бы и самому не понравилась подобная заметка. Потому что наши руководители стараются. Ищут разные пути для сохранения деревни. Наверно, потому у нас так мало пустующих земель. И урожаи у нас бывают неплохие. Строятся дороги, школы. Я знаю, что некоторые деревни в России и Татарстане пытаются уцелеть в виде резерваций. Например, жители села Средняя Юлюзань Пензенской области живут замкнутой жизнью и ни на шаг не отходят от тех нравственных норм, которых испокон веку придерживались их предки. Никакой нечисти доступа в их жизнь нет. (Тьфу, тьфу, не сглазить бы!)

Но, хотя подобные факты и радуют, всё же они не могут остановить то «цунами», которое надвигается на российскую деревню. Чтобы предотвратить разрушения, наверно, нужно уметь мыслить в масштабах всей России, искренне беспокоиться о будущем деревни и сообща с самими деревенскими жителями создать систему, связывающую воедино экономику и нравственность. Но это не должны быть денежные реформаторы, которые не понимают и не хотят понимать деревню. Потому что она им не нужна. Вот их земля, пожалуй, нужна, потому что с неё надо получать продукцию. Впрочем, кажет-

ся, сейчас и это уже не так важно. Все, что хочешь, можно купить за границей. Ведь у нашей продукции, видите ли, высокая себестоимость. Но как же ей не быть высокой, если мы столько лет этого добиваемся?! К тому же этот факт устраивает тех, кто управляет деревней, живя в городе...

Поэтому, как ни жаль, я не вижу перспективы для деревни. Количество жителей в ней неуклонно уменьшается, сами деревни становятся все меньше и меньше. Вот ещё несколько примеров. В нашей деревне до революции было 250 дворов, сегодня – 40. В большинстве из них живут одни старики. В районе с населением в 20 тысяч родилось 169 детей, умерло 330 человек. В Алькеевском районе Татарстана было известное село Алпарово с 300-летней историей. В нём до революции жило больше 6 тысяч человек, а сегодня – около 777. 40 процентов жителей – пенсионного возраста. И подобным деревням нет числа.

Иногда я думаю, что, возможно, исчезновение деревень, действительно,

естественный процесс. По мере развития технического прогресса в деревне уменьшается потребность в ручном труде. И уже нет необходимости в большом количестве людей. Но даже в таком случае нельзя бросать деревенских людей на произвол судьбы. Повторяю, в России смысл понятия деревни – гораздо шире. Пока деревня продолжает оставаться главной опорой России, хранительницей её нравственных устоев, целостности, национального лица. А вот как сложится в будущем – этого я не могу даже предположить.

Я назвал свою статью «Прощай, деревня» и поставил знак вопроса. Всё же мне не хочется терять надежду. Может быть, однажды деревня вновь оживёт. А горожанин, задыхающийся от своего собственного дыма и отравленный водой, которую сам же и запачкал, устремит свой взор в сторону деревни. Таких людей и сегодня уже немало. Но они пока только дачники, а не настоящие хозяева земли, которые выращивают хлеб или скот... Поживём – увидим.

Перевод Г. Хасановой

Характер

Я работал, когда ко мне в комнату чуть ли не ворвались внучка Дилира с внуком Данияром. Оба взбудораженные, агрессивно настроенные друг против друга. Данияр – так тот вовсе покраснел, вот-вот расплачется.

– Что случилось? – спокойно спрашиваю.

Знаю, что внуки мои такие – если и поссорятся в пух и прах, то очень скоро помирятся и снова будут не разлей вода.

Как всегда принялись оба сорванца наперебой объяснять мне причину ссоры.

– Погодите-ка, – стараюсь остановить я их, – не все сразу, говорите по очереди.

– Дедушка! – звенит голос Дилиры. – А он на пианино ногой играл!

– Нет! Нет! – кричит Данияр. – Не играл! Не играл!

– А вот и играл! Он играл, дедушка, точно играл!

– Не играл! Дилира обманывает, я не играл!

– Играл!

– Не играл!

И тут Данияр в пылу спора в сердцах даёт своей старшей сестре оплеуху.

Поднять руку на старшего по возрасту в татарской семье считается большим грехом. Поэтому я сразу же схватил Данияра за руку и строго спросил:

– Как ты смел поднять руку на старшую сестру?!

– А чего она врёт?.. – не унимался Данияр и, изловчась, пнул сестру.

Этого я уже не выдержал и шлёпнул пострела по мягкому месту. Данияр как будто ждал этого и ещё пуще залился слезами, заревел белугой, забился. Достигшая своей цели Дияля тихонько шмыгнула из кабинета.

– Не плачь! – тщётно пытался я успокоить Данияра. – Прекрати сейчас же и перестань вертеться!

Куда там!.. Если раньше в подобных обстоятельствах внучек успокаивался относительно быстро, то сегодня словно бес в него вселился.

– Не играл!.. Я не играл! – весь в слезах кричит он.

Да... И «дедовский» ремень не помог. Более того, Данияр впал в истерику, буквально задыхался в плаче, бился в слезах. Я испугался: такого ещё не бывало. Попробовал успокоить – напрасно. Позвал супругу Наджибу – и бабушкины объятия и причитания не помогли. Ребёнок захлебнулся в непрерывном плаче, его схватила судорога, лицо побелело, дыхание перехватило. Моя Наджиба сама принялась плакать, а вертевшаяся рядом внучка Дияля забилась в угол и испуганно смотрела на происходящее.

Взволнованный, я опустился на колени перед внуком и принялся его утешать, шепча ему: «Данияр... Данияр... Сыночек... Миленький... Нет... Не играл ты, конечно, не играл, успокойся...» – и что-то ещё в этом роде, уже не помню всех слов, падавших с моих побелевших губ.

– Ох, погубили ребёнка, погубили!.. – ломала руки моя Наджиба. Однако через несколько мгновений – таких долгих! – Данияр, наконец, стал отходить: дыхание восстанавливалось, лицо розовело. Но всё его тельце по-прежнему трепетало.

– Я... а... не играл... ногой... не... играл, – время от времени повторял малыш.

Даже полностью оправившись от

приступа и лёжа на постели, он стоял на своём:

– Дияля обманывает, я не играл ногой. Не играл...

И так до самого вечера (а дело произошло в полдень) твердил маленький Данияр о своей невинности.

Спрашиваю Диялю:

– А ну-ка, выкладывай правду! Обманула ты или нет?

Девочка растерялась, даже заикаться стала:

– О-он... сказал, что... что будет играть...

– Почему же, – сержусь я, – ты лгала? Почему ябедничала?

– Я-я... не буду больше, дедушка, – заканючила внучка, всё ещё находившаяся под впечатлением неожиданного припадка братика.

А Данияр после этого избегал меня, на сестру даже и не глядел, лишь возле бабушки успокаивался. Пришлось мне первому идти с повинной:

– Ну, ладно, внучек, не обижайся, всё выяснилось: не играл ты ногой на пианино.

– Почему тогда ты ударил меня? – спрашивает малец.

Оказывается, он и своим родителям успел пожаловаться, что дедушка побил его из-за ябедницы Дияляры. Ночью Данияр бредил во сне и кричал:

– Не играл! Не играл я!

Несколько дней не подходил ко мне внучек. А ведь раньше вьюном около меня вертелся.

Даже когда мы, наконец, помирились, он всё продолжал бурчать:

– Не играл я на пианино ногой, Дияля наврала, а ты меня ударил...

Тут я не удержался от замечания:

– Ударил я тебя, внучек, не за то, что Дияля наядбедничала, а за то, что поднял ты руку на сестру!

– А чего она врёт... – не унимался упрямец.

Обычно Данияр быстро забывал обиды или наказание, не был злопаметным, но тут, как говорится, нашла коса на камень.

После этого случая моё внимание к внуку удвоилось, и я стал наблюдать за ним. Вскоре мне открылось, что Данияр, оказывается, тем и похож на меня, что никак не может вынести незаслуженного оскорбления. И подумал я: ведь и я таков! Если есть на мне вина, то, даже не признавая ее, я терплю наказание, даже издевательство. Но когда меня обижают или

обвиняют незаслуженно, этого-то я никак не могу вынести, даже в самой малости. И что характерно: знаю же, что так жить трудно, что в этом богом проклятом времени желательно уметь приспособливаться, но ничего с собой не могу поделать.

Видимо, на то и дан характер, чтобы его нельзя было изменить.

Перевод Ф. Фаизова

92

Бику

Его настоящего имени я не знаю. Может, Бикмухаммет, может, Бикмулла, а может, какое-то другое имя. Люди в деревне звали его Бику. Он и сам говорил, что его зовут Бику.

Вот этому Бику в 1941 году пришла повестка на войну. Прощаясь с женой, обещали друг другу писать чаще. Обещать-то обещали, но Бику читать и писать не умел. Для того чтобы поставить свою подпись, он все же научился писать «Бику». Жена, которая умела и читать и писать, сказала ему: «Ты, Бику, не теряйся, напиши на листке бумаги «Бику», и пусть кто-нибудь перепишет вот этот адрес, а я буду знать, что ты жив». Она написала на русском языке адрес деревни и дала его Бику. «За меня не переживай, – добавила она, – я ведь не на войне, я в деревне, известное дело, жива».

Ушёл Бику на фронт. И письмо от Бику не заставило себя долго ждать. Как и договорились: на листке бумаги рукой Бику было написано «Бику». Значит, жив. Жена Бику, прочитав письмо, конечно же, обрадовалась.

Проходят дни, письма всё идут с фронта. Однажды жена Бику получает письмо с полностью исписанным тетрадным листом. На нём сто раз было написано «Бику». Жена Бику поняла – её благоверный, сильно со-

скупившись, написал длинное письмо. Она даже догадалась, о чём Бику хотел написать, ведь молодые до расставания не успели даже насладиться любовью. На письмо это жена Бику сделала свой «перевод». Примерно вот такой: «Проживающая в деревне моя любимая жена! Пишет тебе с фронта Бику. Не переживай за меня. Я, слава Аллаху, жив-здоров. Очень скучаю по тебе. Уже несколько раз ты мне снилась. Всё время улыбаешься в моих снах. Когда ты улыбалась, на твоих щеках появлялись ямочки. С этими ямочками ты мне нравилась ещё больше. Прочитай моё письмо и тоже улыбнись, я почувствую твою улыбку». После «перевода» получилось очень длинное письмо.

Вернулся Бику с войны живой и здоровый. Жена бережно хранила его письма. Каждое – с «переводом». Прочитала она их Бику. «Так хотел написать?» – спрашивает. «Именно так», – говорит Бику.

Бику с женой живут припеваючи. Детей, внуков растят. Читая письма Бику и их «переводы», внуки смеются. Они-то уж, образованные, не утруждают себя письмами. По телефону говорят со своими любимыми. Пусть живут в любви и будут счастливы, как их дед и бабушка. Амины!

Встреча с немцем

Нашего отца призвали на войну уже в возрасте, когда ему было за сорок. Его приставили на кухню готовить солдатам еду. Отец называл себя кашеваром. Вернувшись с войны, он рассказывал об увиденном там. Один из его рассказов остался в памяти. Попробую рассказать тебе от его лица:

«Была холодная зимняя ночь. Темным-темно. Я внутри палатки в походном котелке варю кашу. Надо рано утром накормить солдат. Горит сальная лампа, изготовленная из гильзы снаряда. Сидя напротив печки, смотрю на огонь и предаюсь думам. Что делают в эти морозы мои домашние? Есть ли у них дрова? В это время я услышал какой-то шорох. Повернувшись, увидел у дверей палатки тень. Я вскочил. Внимательно пригляделся: это был человек. Подошёл поближе – он был в немецкой форме. Поднял руки и так стоит себе. Оружия у него нет. Я быстренько взял винтовку и нацелился на него. Он издал какой-то стонущий звук и опустился на колени. Руки оставались поднятыми. Я подошёл ещё ближе. На бровях, ресницах наледь, из носа и рта висят ледяные сосульки. Смотрит на меня. Думаю, что же мне с ним делать. Наши солдаты тоже недалеко, в палатках. Командиры в землянках. Тогда, посчитав, что его надо сдать, схватил немца за воротник и поднял. Он опять издал какой-то звук и повалился. Стою, смотрю. Вижу – плачет. Показывает на ноги. Смотрю – на ногах его только ботинки. Один ботинок дырявый. Оттуда торчит тряпка. Тогда забыл я, что он немец. Человек же. Я и сам немало видел невзгод. Подтащил его ближе к печке. Положил его на землю, ногами в сторону печки. Видимо, начали согреваться ноги, уснул горемычный.

Стою, смотрю, не знаю, что и делать. Если кто зайдёт и увидит лежащего у печки немца, пропадёт моя голова. Тогда я снял с него ботинки. Быстро собрал подручные сухие тряпки, накрутил их на его ноги и надел ему ботинки. Тряпки подогрел, намотал их ему на руки и, растолкав его, разбудил. Стоит, ничего не понимает это божье существо. Показав руками, велел встать ему на ноги. Ладно ещё выполнил то, что велел. Затем открыл занавес палатки и вытолкал его. Не сопротивлялся. Показал в сторону немцев и подтолкнул. Тихо ушёл...

Сам зашёл в палатку и думаю, куда уж он пойдёт. Или замёрзнет, или попадётся нашим. Думаю, что если попадётся нашим, то есть вероятность остаться в живых. Уже в возрасте, бедняга, такого могут и не тронуть. Нашли бы ему где-нибудь место. Сам раскаиваюсь, что не передал его в руки к нашим. А потом, думаю, что он мог добраться обратно и до своих. А что с ним там сделают? Вот, война она и такой бывает. Да, забыл сказать, в карман немца я положил ещё и краюху хлеба. Нет, не закончились на этом перипетии этой встречи. Вернувшись с войны, через несколько лет об этом я рассказал, сидя на завалинке у ворот. Кто-то донёс на меня. Вызвали в район. «Рассказывай», – сказал человек в погонах. Рассказал. «Ты, дедок, если хочешь жить, эту сказку никому не рассказывай. Понял?» – говорит. Я сказал: «Понял». Коли доступно объяснили, как не понять? С того времени рот свой закрыл. Вот теперь только открыл. Спасибо тому человеку в погонах. Кем он был, не знаю. И за это спасибо. Только одно задело мою душу – он называл это сказкой. Вот и не сказка это была. Немец, которого я видел, был настоящий.

2009

Перевод Ф. Макаровой

Созвучный тайфуну Туфан

послесловие

94

На белом свете всё так же – цветут сады, течёт мимо Казани в плавном своём повороте Волга, снуют по улице люди... Только вот нет Туфана. Захожу в Госсовет – нет, иду в театр, на его же спектакль, и кажется, вот-вот увижу его уверенную поступь и услышу характерный рокошующий голос – опять-таки нет. Начал перечитывать всё, что он написал, издал и не успел издать... И вот какое довлеющее чувство я испытываю сегодня: почему не начал делать это раньше? Листаю его книги и мысленно разговариваю с ним, а тогда ведь, при жизни его, мы с ним в своих беседах могли бы пройти по его произведениям воочию. Ведь сколько вопросов теперь возникает, сколько подробностей, нюансов и недосказанностей осталось за печатными строками, и уж не спросить теперь, не выяснить... Нет Туфана рядом.

Написал это таинственно-могучее имя «Туфан»*, созвучное слову «тайфун», и остановился. Как-то пугает оно меня, в нём соединились тревога и буря, сила и величие. Это слово, окунаясь в пучины веков, через тысячи бед и лишений дошло до наших дней, став неотъемлемым от общей судьбы татарского народа...

Человек, озабоченный будущностью своего рода-племени, вряд ли даст своему ребёнку случайное имя. Должно быть, родители Туфана ещё при рождении сына предрекали ему трудную, беспокойную, но великую судьбу, вот и назвали таким необычным и редким до поры до времени у татар именем.

Почему я так много об этом размышляю? Наверное, потому, что найденное родителями и прошёптанное на ушко младенца имя – это своего рода жизненная установка и голос судьбы. Носитель такого имени невольно старается оправдать его, чтобы оно соответствовало своему предназначению. А как это непросто – быть достойным имени «Туфан»!

Написал на листе бумаги это имя и задумался... До сих пор я был уверен, что хорошо знаю Туфана Миннуллина, – мы бок о бок прожили с ним более сорока лет... Но когда я сел за письменный стол в намерении написать о нём, то как-то растерялся, как мальчишка из сельской глубинки, впервые увидевший необъятное море. Видимо, общаясь с этим человеком на протяжении долгого времени, читая его книги и внимательно просматривая постановки пьес, я, при всём восхищении его талантом, не море целиком видел, во всей его необъятности, а лишь отдельные волны, лишь порывы морского ветра ощущал. А когда заново прочёл все книги и статьи Туфана и нанизал на одну волшебную нить его

* Туфан (тат.) – потоп, наводнение, тайфун.

действия и поступки, то будто впервые со всей серьёзностью проникся его величием. Одним словом, ещё раз открыл его для себя, по большому счёту, так сказать, на расстоянии.

Вот уже несколько десятков лет он по праву считается ведущим татарским драматургом. Но было время, он восхищал нас и короткими, как летняя ночь, крепкими, как ядро ореха, рассказами, в которых описывал простодушных и в то же время своенравных и хитроватых сельчан, любя и посмеиваясь, «покалывая» своей иронией и меткой критикой.

Взяв в руки эти рассказы, написанные три-четыре десятка лет назад, я испытал какое-то двойственное чувство. Стоит ли перечитывать? Ведь не секрет, в детстве каждый холм кажется Эверестом, а ручей, который по колено воробью, – большой рекой... Романы некоторых писателей, в своё время считавшихся классиками, сейчас воспринимаются как бесконечная рядовая газетная статья... Может, не трогать огрубевшими от времени руками творения Туфана, когда-то приносившие праздник в твою бесхитростную душу?..

Всё же, преодолев колебания, я стал читать. И уж не мог оторваться, радуясь, что книги эти выдержали испытание временем и по-прежнему трогают сердце. Я ещё раз перечитал не только рассказы, но и пьесы, повести, стихи, рубаи, дневниковые записи Туфана Миннуллина... И автор предстал передо мной подлинным классиком нашей литературы, асакалом нации, жившим заботами и тревогами республики, своего народа.

Я всегда знал, что плохой человек не может создавать по большому счёту хорошие, глубокие произведения. Можно писать внешне мастерски, образно, но, если в основе души автора не лежит доброе начало, читатель всё равно не примет его работу. Творческий человек должен быть прежде всего искренним. С одной стороны, быть искренним вроде бы нетрудно. Разве сложно рассказать людям об увиденном, поведать свои мысли и чувства?! Однако это в лучшем случае называется простодушием, а простофиль в народе никогда не жаловали. По-настоящему искренний человек делится не только тем, что лежит на поверхности, но и самым сокровенным – чувствами, сомнениями, ошибками, страхами... И этим отдаёт себя на суд читателя.

В сердцевине каждого произведения Туфана Миннуллина лежат искренность и тревога за судьбу народа. Иногда мне кажется, что он чересчур обнажает свои чувства, бывает откровенен даже больше, чем нужно. Однако читатель воспринимает его вместе с ошибками, понимает, оказывает ему духовную поддержку, начинает считать его своим, близким человеком именно за эти бесхитростные, откровенные чувства, распахнутую душу. Читатель ведь хорошо знает, что человек со скверными мыслями никогда так не обнажит свою сущность.

Чтобы стать действительно великим, народным писателем, наряду с искренностью необходимо обладать ещё целым рядом качеств. Не говорю о богатстве языка, умении мастерски закручивать сюжеты и других профессиональных качествах – всё это бесспорные вещи. Впрочем, как ни странно, произведения, написанные пёстро и вычурно, зачастую сверкают как бабочка-однодневка, а потом забываются, пропадают.

Писатель прежде всего должен найти больное место человека и своим произведением как чудодейственным снадобьем «залечить» его.

Это значит, он должен уметь пропускать через свою душу переживания и тревоги окружающих его людей, если брать шире – судьбу всего народа. Для этого в первую очередь необходимо быть личностью.

А сильная личность – это, как правило, человек, у которого есть великая цель и которому имеется что сказать. Это ещё человек, хорошо понимающий, где и как надо это сказать. Туфана Миннуллина я знал именно как личность, обладавшую этими качествами и достоинствами, и поэтому воспринимаю его целиком со всеми его нестандартными поступками и странностями.

То, что было у него на душе, он мог без обиняков выложить и другу, и врагу. Иногда мог обидеться или обидеть, но никогда не вставал в позу, в общении держал себя на равных что с дворником, что с президентом. Когда речь заходила о судьбе народа, страны, он никогда не оставался в стороне, напротив, несмотря ни на что, яростно вступал в самое пекло проблемы.

Он завладевал мыслями многих. Когда его спрашивали, почему наши мудрые руководители неизменно прислушиваются к его словам, Туфан отвечал с улыбкой:

«Они думают головой, а я – сердцем».

Я много думал о волшебной силе его произведений, старался понять их. И пришёл к простому выводу. Талант, творческое своеобразие Туфана Миннуллина заключаются в умении любить людей, природу, жизнь вообще. Иные, возможно, скажут, что Туфан иногда и сердился, и гневался, и ненавидел. Да, бывало, он и серчал на что-то, но это чувство представляло собой этакую «сердитую озабоченность» за народ. Отрицательные герои в его произведениях – не пропащие люди, они скорее люди обманувшиеся, запутавшиеся в дебрях своей судьбы. Они тоже дети Туфана, и они также имеют право на жизнь на этой грешной земле, ибо они – творения Всевышнего. Даже ангел смерти Азраил, приходящий за душами людей, волей Туфана Миннуллина постепенно меняется в лучшую сторону, и сердце писателя само начинает симпатизировать ему.

В повседневной, материальной жизни всего хватает – и плохого, и хорошего. Пойдёшь в лес – можешь сорвать ядовитый гриб, а можешь – прекрасный и нежный цветок. Каждый находит то, что ищет. Туфан Миннуллин всё время искал Красоту. И когда находил её, от всей души ликовал. Поэтому, когда читаешь его произведения или смотришь пьесы, в усталую душу будто вновь вливается энергия, хочется делать добрые дела, самозабвенно любить и жить полнокровной жизнью.

Говорят, если хочешь узнать человека, вернее, то, что он собой представляет, надо ехать на его малую родину. Истоки, среда, люди – всё это оставляет в художнике неизгладимый след. Я довольно хорошо осведомлён о деревне Мереткозино Камско-Устьинского района – и в произведениях Туфана о нём читал, и от людей слышал. Приходит лето, и Туфан везёт в свою деревню самых близких по духу людей. То баньку они вместе с шутками-прибаутками построят, то ещё что-то по хозяйству сотворят. А вернувшись в Казань, делятся впечатлениями, вспоминая разные «приключения» и забавные случаи. А мы, тогда молодые борзописцы, слушали писателя с открытым ртом и с белой завистью.

Я всё собирался съездить в легендарное село, но побывал там совершенно неожиданно. Однажды Туфан-ага предложил мне: «Слушай, поехали через весь Татарстан на телеге! Ты, я, Марсель Галеев, – так

что, втроём». Тогда в Азнакаевском районе супруге Туфана Миннуллина, знаменитой артистке Назибе Ихсановой, земляки подарили на юбилей великолепную породистую лошадь. Конечно, это благородное животное должны были доставить на машине, но Туфану захотелось на лошади проехать до Мереткозино. И вот мы втроём, с детства влюблённые в коней, отправились в путь.

Это предприятие вначале представлялось мне каким-то детским дурачеством, таким поэтическим вздором. Но увидев внезапно помолодевшего Туфана Миннуллина, и мы словно сбросили со своих плеч неподъёмный груз прожитых лет. Пять дней и ночей мы добирались до Мереткозино, ругая грузовики, от которых покрывались пылью с головы до ног, покашивая сено на попутных лугах, валяясь на лесных полянах с их ароматными, слегка кружащими голову травами. Проезжая мимо развалин Булгара, уже на берегу Волги, Туфан показал рукой: «Вон там, за горами-холмами, и стоит Мереткозино». Встретить нас вышла большая баржа, чуть не с километр длиной. «И это по-туфановски», – подумал я про себя. Но главное удивление было впереди.

За этими приключениями я уже начал представлять себе, что село Мереткозино – это не что иное, как волшебный и счастливый остров где-то за горою Каф. Вот, наконец, на краю горизонта показались дома, в вечерних сумерках высветился минарет сельской мечети. Улицы, тропинки, заборы, ворота, дома почти такие же, как в нашей деревне. Вроде ничего удивительного.

Я посмотрел на Туфана-абый. А он, будто позабыв обо всём на свете, застыл верхом на лошади, как падишах, обзирающий свои владения. Здесь всё ему дорого, близко, и его в деревне встречают как близкого человека, любят его, верят ему. И мечеть, и дорога, и дом здесь построены им. Здесь не только его малая родина, здесь будто его независимое государство. Он с такой любовью рассказывал о каждом дереве, о каждом кустике в саду, что мы незаметно для себя влюбились в это действительно чудесное село Мереткозино.

На второй день отправились на машине в Казань. Туфан остался в деревне, словно ребёнок, не желавший вылезать из объятий матери. Долгое время мы ехали молча; каждый из нас вновь и вновь распутывал клубок памяти, переживая перипетии этого путешествия.

Да, чтобы быть истинным писателем, прежде всего нужно иметь крепкую основу, твёрдую почву под ногами, любимый и любящий тебя край, родную деревню. Если крона творчества Туфана раскинулась на весь татарский мир, то корни его здесь, в Мереткозине. Однажды он сказал: «Я не признаю писателя великим, пусть его слава докатилась до Москвы и Парижа, если его не уважают и не принимают близко в родной деревне».

У Туфана Миннуллина много качеств, отличавших его от других людей. Одно из них – нежелание летать воздушным транспортом. Куда бы он ни ехал, в какую бы даль ни направлялся, в самолёт ни за что не сядет, выберет поезд или машину. Не знаю, в чём здесь причина, но сам я примерно так объясняю эту, если хотите, причуду... У Туфана в душе столько мыслей, чувств, каких-то задумок, деталей, что он, видимо, не верил, что у самолета хватит сил всё это поднять. Земля не отпустит, обратно к себе притянет. А иногда я думаю так: он максималист, во всём доходил до конца. Может, он боялся, что если хоть раз оторвётся от Земли, то уж никогда на неё не вернётся – всё будет лететь и лететь, аж до звёзд?..

Кому-то может показаться странным, что я просто, без всякого приукрашивания, изображаю крупнейшего писателя, неординарную личность, признанного драматурга, словно он бесхитростное дитя. А ведь в каком-то смысле это действительно так. Разве человек с недетской душой стал бы в Московском Дворце съездов зачёркивать букву «А» на стоящей перед ним табличке «ТАССР»? Это были годы, когда Татарстан пытался выйти из рамок автономии и заявлял о желании, вернее, требовал, чтобы ему предоставили союзный статус. Туфан Миннуллин в то время – народный депутат СССР. Когда Татарстан объявил о своём суверенитете, Туфан-абый и вычеркнул «А» в аббревиатуре «ТАССР». Табличку переправили, а он снова вычеркнул. И так несколько раз. Наконец терпение организаторов истощилось, и они оставили укороченную аббревиатуру в покое. Что это, как не детскость, своего рода ребячество?! Но ведь дело касалось вековых чаяний народа. А стремление по-ребячески, простодушно донести их до других говорит о том, что Туфан Миннуллин во Дворце съездов не был обычным депутатом, он по-прежнему оставался писателем и незаурядной личностью. Ведь настоящий писатель – это «умный ребёнок», божественный талант, всю жизнь не теряющий «детскости».

Туфан Миннуллин не любил людей равнодушных, инертных, спящих на ходу, бездеятельных, бестолковых; вообще не любил пустоту в обществе и жизни. Там, где он бывал, всё оживало и, как он сам, приходило в движение. Комнаты и залы наполнялись его громоподобным голосом, бодростью, его мыслями и улыбками. Он ни к чему не был равнодушен. Когда нужно, умел и гневаться, и удивляться, и восхищаться. Он рассказывал вдохновенно и слушал вдохновенно. Поэтому везде был желанен. У Туфана был редкий дар – умение «заставлять» людей скучать по нему... Он всегда говорил громко, его слышно было чуть ли не за полкилометра. Своим рокотом он будто заявлял: «У меня от вас, люди, никаких секретов нет! Пусть все услышат мои слова!»

Много удивительных особенностей было у Туфана Миннуллина. При встрече он широко распахивал объятия, искренне, душевно здоровался, но, прощаясь, никогда руки не протягивал. То ли вера в какой-то древний обычай... но я вижу в этом некий намёк и даже большой смысл. Он словно бы говорил: мы расстаёмся на небольшое время, ненадолго.

Разве не чудо – признание народом имени «Туфан» после великого татарского поэта Хасана Туфана?! «Младший» Туфан пришёл в литературу, получив благословение от «старшего». Хасан Туфан в одном из своих стихотворений восклицал: «Талантлы син, Кеше туганым!» («Талантлив ты, брат-Человек!»). А мне слышится: «Талантлы син, Кече туганым!» («Талантлив ты, мой младший брат!»)

А талант Туфана Миннуллина был, прежде всего, в стремлении соединить свою судьбу с судьбой нации, в умении быть частицей своего народа, его любимым ребёнком и верным, храбрым защитником, а также, как уже всем известно, в создании прекрасных, ошеломляющих, таинственно-многозначных произведений литературы.

Разиль Валеев

Арина Журавлёва

99

**Мой вагон
с концентратом радости**

Держит солнце меня жёлто-жгучими цепкими пальцами,
 Выгорает макушка, нос шелушится, лоб...
 Я себя ощущаю не вышивкой, больше – пальцами,
 Телу – жарко, внутри же – сквозняк, озноб.
 Мой вагон с контрабандной нелепой неведомой Радостью,
 С самым соком её, концентратом – слетает с рельс.
 Уцелевшее, с малодушной расчётливой святостью,
 Поделили все те, кто пережил этот рейс.
 ...И вешу на лучах, обжигающих, неоправданных,
 Словно кукла на нитях; не льются, но сохнут слёзы.
 Я смотрела в сети: там в табличках погодных марлевых
 На текущую жизнь – только солнечные прогнозы...
 И в причудливой позе на душном перроне, пахнущем
 Расплавляющимся асфальтом и чебуреками,
 Я останусь, похоже, на Радость всем Важным и Знающим,
 Сухарями-словами хрустеть, стихами – калекками...

**Взмокли
сугробов глазки**

Больше не стану петь.
 Рта не открою больше!
 Нынче не мне звенеть,
 Глаже, ровнее, тоньше...
 Мартовской ночи снег –
 Зимней прощание сказки;
 Ровный точёный след,
 Взмокли сугробов глазки.
 Нежная грусть, тепло:
 Тело умно оделось.
 И как нас с тобой светло!?
 Просто когда-то пелось...

Гравием незаасфальтированным

Алине Д.

Было бы мне перед кем тебя выгораживать, кого огорошивать, потрошить, обезвоживать, был бы тот, кто посмел тебя расхолаживать, кто до срока посмел тебя подытоживать. Был бы! Нет – ни злодеев, ни кучеров. Тех, что гнали б тебя, ошпаривали, в спину тыкали бы и мучили, оступиться и пасть заставили.

Нет их, милая, драгоценная, – я с ножом их искала, кликала, я бы им отомстила, моя бесценная, и из жизни твоей их выкинув, подала б тебе руку белую, подняла б тебя на ноги и поставила, бережно б – вечность целую, и плевать на законы-правила.

...Ты сама, с головою светлую и пшеничным волосом, нежным голосом надломила себя хрупкой веткою, недозревшим и юным колосом... Просыпайся! Смотри и радуйся, и не слушай, не слушай себя, проказницу... как-нибудь всё срастётся, сладится, будет, будет! а как? – без разницы.

Я, хромая сама на треть души, рядом буду, не плачь только! слышишь ли? Мы ведь обе с тобой до соплей хороши, мы друг друга за косы вытащим. И пойдём брести по извилинам в этом мире нескладном и вычурном. Гравием лежим незаасфальтированным, тестом зреем, ещё не выпеченным. Значит, можно ещё укатить колобком, отскочить от колёс и умчать, умчать... Можно боль содрать порванным чулком, и идти – стройным и каблучком стучать.

Та ли я? (неузнанная)

Лучик закатный искрится и множится,
Солнце свою будто сбросило кожу.
В снах его тонкая женская талия...
В запахе пряном проснулась Италия...
Та ли я? Эта ли? В зеркале лужи
Кажутся лица бледнее и уже...
Уже Вы, наверно, и помнить не помните
Бликов, что кротко бродили по комнате...
Полноте! Гостем, незваным, непрошеным,
Муза ушла, подложив Вам горошину...
Спать Вам спокойно, нетрезвому, голому,
Небрежно склонив сумасшедшую голову...
Сны беспокойные, вяло-короткие,
Тикают часики – скромные, кроткие...
Ловкие лучики будят Италию...
Лужи-попутчики... Эта ли? Та ли я??...

Фото
Олега
Тихонова

Обязательство

Ловите моё спасибо,
Смешные мои Бонифации*,
Тут уж либо-либо:
Овощи в лицо ли, овации.
Клеймите, кому захочется:
Банальна, пустая лирика.
Иные в стакан помочатся,
Мои просвящённые клирики...
Я вам со своим спасибо
Гордыню не шлю, не думайте –
Всего лишь смирение, ибо
Я сама себе худший слушатель.
А вы у меня – любимые,
Вы сама у меня пронительность,
Вы мои не мои, но мнимые,
Мой читатель – моё обязательство.

Арина Журавлёва
родилась (1989)
в Альметьевске.
Стихи начала
писать с 14 лет.
Студентка-заочница
факультета
журналистики
и социологии
Казанского
федерального
университета.
Лауреат конкурса
«Галактика любви»
(Казань, 2012).
Публикуемая
подборка стихов
является первым её
«полнометражным»
выходом
к широкой
читательской
аудитории

* Бонифаций – «хорошая судьба» (лат.) – в детстве послушный ребёнок, хотя в его темпераменте проявляются упрямство и принципиальность.

Пути кошачьи неисповедимы

Мне часто кажется, что Бог похож на кошку,
Гуляет по мирам – сам по себе,
Бывал везде – чуть-чуть, да понемножку,
Всё мелом пишет книгу о Судьбе...
Глядит на нас и давится зевотой –
Мы так скучны, банальны, малодушны;
Но Он нас любит, как чужак – работу.
Мы дети для Него, мы непослушны...
Мы мним себя хозяевами кошки,
И мним, что знаем Бога наизусть...
Для кошки эта глупость – блеф и пошлость,
А Бог на то шепнёт устало: «Пусть...»
Мы глотки рвём, мол, мы непобедимы,
Рисуемся – в матрёшки хохлому...
Пути кошачьи неисповедимы.
Пути Господни – нам не по уму.

Дверцы-ставенки

Режет глаз и свербит червоточина,
Речь спокойна, стройна, отточена;
Целовать бы глаза зелёные...
Так чужие...в Неё влюблённые...
Закрываются дверцы-ставенки,
Ты ж мужчина! Чего как маленький?!
Нет – так нет, что ж вокруг да около?!!
Рви давай! Я потом заштопаю...
Только хватит тянуть за ниточки,
Я не девочка и не выпечка.
Пересолены встречи-весточки...
По заплате я вышью крестиком:
Был – прошёл, как трамвай неузнанный,
Был хорош, только необузданный.
Был – спасибо, а вышел, так бог с тобой...
Я сожгу стихи да залью водой...
Лишь одно говорю-советую –
Будет боль и тебе ответами...
Ты ищи себя в лицах девичьих!
Но они не спасут от немощи...
Ты ж мужчина... А всё как маленький –
На засов давай дверцы-ставенки...

* * *

Всё, что в руки твои заплывёт баттерфляем,
 Загребай и не смей даже глазом моргнуть!
 Всё останется так. Мы актёры. Играем,
 Пресловуто играем написанный путь.
 Чуешь тридцать монеток? – как тянут карман!
 Серебром расплатиться за наглую правду.
 Экс-любовник, экс-мачо, когда-то – султан,
 Нынче просишь на хлеб и транжиришь зарплату.
 И корону сменив на бандану и дреды,
 Ты на мыльницу фоткаешь свой Петергоф,
 Сотрясается воздух: вопросы, ответы,
 Лишь в хароновой лодке поймёшь – не готов!
 Нечем плату отдать старику за покой,
 Он ворчлив и прокурен, и пьян, как собака...
 Театр окончен. Роль сыграна. Кто-то другой
 Прошагает твой путь. До последнего шага.

103

Ох, Мам!..

«Выведи», – говорила, – «выведи!
 Хотя не стою яйца выеденного!
 Высвободи, выруби из меня эту чёртову выбоину
 Фантастически пошлого самообмана...
 Помоги мне, мама».
 Мамам такого не говорят,
 Маму же надо беречь,
 Сон её псом стеречь.
 Мама а то заплачет, станет маленькой и беззащитной
 В своём единственном «Не перечь!»,
 За Маму обидно,
 Больше, чем перед собой, перед Мамой – стыдно.
 Нет... Маму нужно беречь.
 И ведь не об этом речь!
 Врежь!
 Да не имя моё пошлой наколкой где-нибудь,
 По лицу мне врежь!
 Может, появится брешь,
 И через щель эту выйдет что-нибудь,
 Или вовнутрь войдёт хоть что-то?..
 Больно ли? Бог с тобой, что ты?..
 Радостно до икоты,
 До немоты,
 До рвоты,
 Все мои повороты,
 Вороты, привороты,
 Выверты...
 Игрища, что ты, что ты...
 Игрища да пепелища.

На блудную дочь не тяну.
На женскую глубину?
На воющую струну,
Баюкающую вину...
Худо-бедно.
Подобием бледным.
На дочь-то тяну едва ли.
Когда меня так сковали?
Свернули в нули-спирали,
Сварили,
Заспиртовали.
Взрослея, мы так устали,
Что сил не осталось жить.
Едва ли тяну, едва ли...
Себя в нафталин. Сложить.
Остались бы все свежи.
Нет, слова узор вяжи!
Устраивай виражи,
Строке в кулаке служи!
До дрожи,
До дна,
До лжи.
Ищи.
Ох, Мам...
Что ж так тяжело нам?
По чьим мы пошли стопам?
Вот именно, по слезам,
По вашим живым
Слезам.
Прости нас, Мам...

* * *

Ты качаешь луну, как дитя, в колыбели квартала,
Ты оставил на полке неровные строчки стихов,
Ты оставил меня и забыл, только этого мало,
Чтобы жизнь перестала кидаться отсутствием слов.

Вот унылый трамвай, словно кот, потянулся устало,
Зная то, что на клавишах крыш дождь играет романс...
Промокают надежды и знаешь, наверное, снова
Лето в звоне листвы... уплывает от нас...

Буратино

Глядеть на часы – наткаться на стрелки.
 До точности точек. Всё допустимо.
 Попытки зажмуриться – жалки и мелки...
 Ты туп, как бревно, дорогой Буратино!
 Запаанным в лампочку тусклым огнём,
 До рези в глазах озаряющим кухню,
 Пишу по живому – о милом, о Нём,
 И в тиканье ровном строка моя ухнет...
 Совиная – ночью рождённая, в муках,
 Как первый ребёнок – бела и чиста...
 Я Вам отдаю её – Вам на поруки!
 Какая понравилась: эта иль та?
 ...Олифой покрой своего Буратино,
 А после намажь его лакомым лаком –
 Пусть не поумнеет, так будет красивым,
 Олифь ему нос, да с особенным вкусом!
 А стрелки всё колют, и лампочка бьётся,
 Сгорел Буратино – сажа да уголь...
 И детская сказка вот-вот допоётся,
 Ты спой мне ещё и не ставь меня в угол...

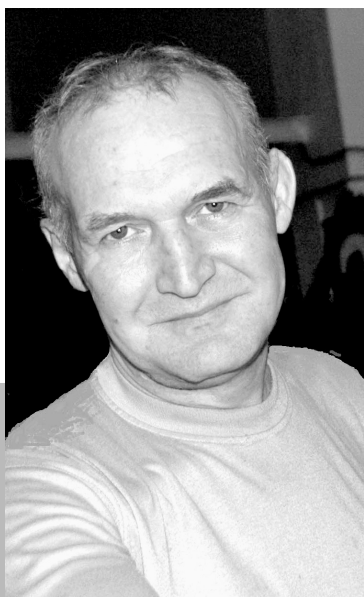
105

Время

Слишком Вас много... ужимки, стать,
 Кратеры воспоминаний...
 Только забуду, а Вы опять...
 Почвой моих стенаний.
 Вы опоздали, я Вся – не Вам.
 Нет, не грущу, не плачусь.
 Я Его глажу по волосам,
 И не хочу иначе.
 С Вами мне больно, Вы мой фантом,
 Блédкий уже, остывший...
 Пусть так и будет, решим на том.
 Время... скользило... Вышло.

пишу по живому...

*Айдар
Сахибзадинов*

**два
рассказа**

Дочь

Дамирыч нашёл свою Рушану через пять лет, когда она уже поступила в школу. До этого девочка жила то у тёток в городе, то в деревне у бабки, куда ему был путь заказан: не ладил с тещей... Да и прежде чем ехать туда, один приезжий осокинец посоветовал ему выпилить из фанеры лосиные рога... И часто представлял себя Дамирыч на главной улице Осоки – бредущего в пыли вместе с блеющим стадом, а из окон кажут сельчане пальцами: глядите, Любкин козёл!

В деревню его не тянуло...

А Люба тогда, прожив у матери год, тайно вернулась в город и тщательно, с каким-то мстительным чувством до сих пор скрывала от него дочь.

Дамирыч заочно подписал присланную бумагу на алименты и развод. И вот через несколько лет вернулся – тощей и шароглазый, в мешковатом ко-

стюме такой фабричной новизны, что от него несло типографской краской. Когда появлялся в дверном глазке, коротко стриженный, бедово подвижный, и нервно топтался, в новеньких, будто пластмассовых, полуботинках, мял руки и вскидывал со вздохом кадыкастую голову, – родные Любы или смолкали за дверью, или, по наущению Любы, острого языка которой побаивались, на вопрос о дочери называли ему ложные адреса. Алименты же Люба получала по адресу, где не жила вовсе. А в горсправке Дамирычу отвечали, что Любовь Хабибулахметова прописана в его собственном доме, – и от этой дурацкой вести становилось как-то тепло и грустно в одичалой душе, будто тянул стакан вина в одиночку...

Дамирыч начинал поиски внезапно, в порыве острой тоски. Иногда во хмелю

видел сквозь слёзы, как бежит к нему с радужной высоты ясноглазая девочка со взбитым пушком волос. Он знал, что Рушана выросла, но плакал по той, по маленькой, бессмысленно преданной.

И вот удача. Неожиданно узнал, что Люба работает в горбольнице буфетчицей, и сразу поехал туда.

Завпроизводством, тучная, пучеглазая женщина, одиноко обедавшая в собственном кабинете, остановила на нём судачьи глаза, преодолевая одышку... Она потрудились сказать ему, что буфетчицы уже третий день нет на работе. Звонила на квартиру – короткие гудки. Дала номер её телефона.

Дамирыч позвонил из автомата. На конце провода отозвался глухой прокуренный бас пожилого человека, и по тону стало понятно, что повезло: этот лгать не будет. Но тотчас был разочарован.

– Рад бы помочь, – сказал старик. – Но Рушана тут не живёт.

– Как?... А Люба? Люба!

– Люба – да. Есть такая...

– Мне нужна её дочь. Моя дочь. Рушана...

– А-а! Наверное, Алёна?..

Это был новый свёкор Любы. Не задумываясь, он выдал Дамирычу свои координаты и был не против того, что тот приедет к нему на квартиру повидаться с девочкой, которая пока была ещё в школе.

Пожилой бас – седовласый высокий старикан, в пижаме и шерстяных носках с большими дырами, доцеживал на кухне банку пива с копчёной ставридой. Рядом с ним крутилась шустрая, голубоглазая девочка двух-трёх годков, лицом – вылитая Люба. Она подходила к Хабибулахметову и, задирая голову, тащила его за штанину:

– Мама на работу шла... – Букву «у» она теряла в широкой улыбке, а Алёнка у нас есть, она в школе. Троечку вчера получила...

Девочка ябедничала, потягивая сверху руками соломенный пук волос.

– Настя... – ласково кивал дед.

Настя была зануда, но не раздра-

жала. Она даже была приятна своей детской наивностью, удивительной схожестью с Любой. И он подумал ещё, что эту девочку здесь любят, наверное, больше, чем неродную Алёну.

Потом дед пригласил гостя курить в ванную.

– А всё-таки ты правильно сделал, что с Любкой разошёлся, – вдруг сказал он.

– А что?

– Да не болеет она, Любка!.. – разразился дед. – Дома не ночевала, утром пьяная пришла. Вот Женька и засветил ей глаз. Оба. В переносицу попал. Сейчас в больницу пошла, больничный делает, пронира. Недаром продавщицей работала. Вот целый месяц носки прошу починить, глаза у меня плохие, а ей до фени. Дурак Женька! Такая девчушка у него была!.. Он тоже выпить любит. Сейчас на ТЭЦ устроился этим... как его?... ну, врежет по кнопке – вся дребедень эта из вагона в топку падает. Таксиста бросил. Дурак!.. Я бы вот сам починил, но иглы-то не вижу...

Казалось, обида из-за этих носков терзала деда больше всего на свете. Он был вдов, и когда Дамирыч входил в квартиру, заметил в смежной комнате на спинке стула широкий пиджак старика с двумя орденами боевого Красного Знамени.

Дочь не возвращалась. И Хабибулахметов, чтобы унять волнение перед встречей, решил пройтись до школы. По дороге внимательно всматривался в лица встречаемых детей...

В школе была перемена: шум, беготня. Расположившись на полу, между брошенных шубок и ранцев, группа мальчиков обувалась в лыжные ботинки. У них Дамирыч выяснил, что первых классов в школе – четыре, находятся они на втором этаже. Он пошёл к директору. Девушка-секретарь подала ему список первоклашек. Дочь в нём не значилась... На всякий случай проверил вторые классы – нет. С разрешения девушки позвонил деду.

– Как нет? Там! – басил дед в трубку. – Школа около бани, правильно? Фами-

лия? Хабу... Хабу... Твоя фамилия-то! Ищи!

Пока не поздно, Дамирыч решил идти к подъезду и ждать девочку там: хотелось встретить её одну. По пути забежал в магазин, купил две шоколадки. Минут двадцать стоял под аркой углового дома. Когда озябли ноги, хотел погреться в подъезде... И вдруг увидел Любу. Узнал по походке: шла, склонив голову, держась рукой за ворот плащ-пальто, думала о чём-то печальном. Показываться ей на глаза было рискованно, но чувства взяли верх: он окликнул её. Люба остановилась, не отнимая руки от горла, смотрела в его сторону мутновато-напряжённым взглядом, близоруко прищурилась.

– Это я, не бойся... – подошёл Дамирыч, глядя на её туго стянутый в талии пояс.

– А чего мне бояться? – узнала она его. – Зачем пришёл? Нечего тут делать...

Люба была недовольна: на белых щеках из-под пудры выступил румянец, оттенив два очень аккуратно и плотно приклеенных, будто втёртых, пластыря под глазами.

– А я к другу пришёл! – Дамирыч неопределённо махнул рукой в сторону дома, решив врать как можно беззаботнее. – Вчера веселились здесь, перчатки оставил. А ты разве здесь живёшь?

– Как зовут друга?..

– Друга? Вовка. С первого этажа-то...

– Не знаю нижних... – призналась Люба. Но всё же в глазах её мелькнул подозрительный огонёк, она быстро прошла в подъезд. Минут через пять вышла. Молча встала рядом, приминая носком замшевого сапога снег; из голенищ виднелись узорчатые концы модных гольф-самовязок, уплотняющих без того упругие икры.

– Люба, тебе что, делать нечего? Пошла бы занялась делами по хозяйству, – Дамирыч начал паясничать, зная наверняка, что она никуда отсюда не уйдёт, а будет с ним дожидаться дочери. – Или ты опять в меня влюбилась...

– Слушай, хватит!.. – сказала она. – Уходи. Нечего ребёнка травмировать. У него отец есть, ясно? Не нужен ты ей. – Она хотела явить ненависть, но в горле застрял ком обиды.

«Ах, так! Как деньги – так днём с огнём ищите, а тут – не нужен! И вообще, нужен ли отец, это у ребёнка ещё надо спросить!..» – с этими словами Дамирыч хотел вспылить, но опомнился. Встреча и без того получилась глупой, враждебной. А ведь он желал сейчас Любе только добра, был благодарен ей за эту встречу, ведь любили друг друга когда-то без ума... Но в то же время, видя её упорство, вспомнив, как его нагло водили за нос, решил стоять до конца, как бы это не выглядело: уж эту возможность увидеть родную дочь, извините, он не упустит!

– Если хочешь знать, – сказал он, – я имею право по закону раз в неделю забирать ребёнка на прогулку. Даже обязан принимать участие в его воспитании. Отцовства меня ещё никто не лишал.

Люба молчала, смежив крашенные ресницы, и вдруг пошла мимо него прочь. Он, хорошо помня её привычку – молча делать своё дело, пошёл следом.

– Ты куда?

– В милицию. Пусть тебя заберут.

– Да тебя самую первую заберут. За оговор! – пытался шутить он, петляя по тропке.

– Не меня, а тебя, – уверенно отвечала Люба, – хотя бы за то, что потратила на тебя время, оштрафуют. А я – женщина, мать, мне вера...

Она зашла в незнакомый подъезд. Тотчас вышла и направилась в середину двора, где стояли в низинке хоккейная коробка и сколоченная из досок горка для катания. Там играли дети.

Люба остановилась, взглядываясь. И, подождав, когда он приблизится, сказала вдруг умиротворённо:

– Вон она, на горке. Смотри свою дочь, – и крикнула: – Алёна!..

От группы детей отделилась девоч-

Рис.
Искандера
Галлямова

ка в красном пальто и с ранцем за спиной.

— Мам!.. — спешила она оправдаться, подбегая с виноватым видом. — Я только на полчаса...

Люба ничего не ответила. Бывшая семья гуськом направилась в сторону дома по узкой дорожке, утоптанной в снегу. Дамирыч шёл последним.

— Люб, ну ты скажи ей...

— Что? — лукавила Люба.

— Ну, кто я ей.

— Алёна, — сказала мать, и Дамирыч сзади почувствовал, что она улыбается, — ты Адельку помнишь?..

— Слыхала, — пропищала девочка. — Это который пьяница и лопух?

Они остановились на площадке.

Молчали. Отец подал девочке шоколадки. Та, глянув на мать, приняла.

Нет, не о такой встрече мечтал Дамирыч в течение нескольких лет! Не узнавал и себя: побоялся обнять, поднять на руки родную дочь. Неужели это была она? Та самая Рушанка, озорная, ясноглазая пышка, бесстрашно падающая в визгливом смехе из рук матери в его руки?.. И сейчас, глядя на эту нескладную, веснушчатую девчушку, в некрасивом пальто, купленном на вырост, которая посматривала на него из-под косой чёлки как на чужого, чуть сощурившись в невеселой улыбке с рядом широких передних зубов, — он с болью вспоминал своё грустное детство. Узнавал в ней себя, неуклюжего, мнительного и какого-то несчастного мальчика, которого в школе дразнили Хабимулом-абстулбеем. Последние годы Аделя прошли трудно и серо, с одной лишь яркой мечтой о дочери. И сейчас это внезапное разочарование, эту боль не хотелось пускать глубоко в душу. Ценой горьких потерь было выработано в душе устойчивое противоядие от всяких стрессов и бед, искалечивших его молодость. И вдруг он поймал себя на том, что среди этих двух людей он всё же больше тянется к бывшей жене, когда-то жестоко предавшей его, и всё-таки доброй, красивой и весёлой женщине, с которой сейчас было намного проще.

Потом он говорил с Любой о пустяках и общих знакомых. И между тем думал о том, что вот какая это странная штука — жизнь. Два человека, которые когда-то не могли жить друг без друга и стремились к встрече, — теперь уже несколько лет живут поврозь, как чужие, враждуют из-за ребёнка. Он знал, что подобное творится во многих семьях. Малышам с пелёнок наговаривают небывицы о нехороших отцах, пытаются воспитать в детях успокоительную для себя нелюбовь к родителю. Дети вырастают, в большинстве находят отцов, сравнивают запавшие в душу характеристики с живым, уже немолодым человеком, что часто не совпадают, — и

видят, что их обокрали самые близкие люди. Умышленно, в родительском эгоизме привили им вирус ущемлённости, которая с годами превращается в хроническую грусть при воспоминаниях о безотцовном детстве.

Хабибулахметовы расставались.

— Не приезжай. У нас свой папа есть, — заученно говорила девочка, поглядывая на мать. — Не приезжай...

Дамирыч ехал домой в холодном, дребезжащем троллейбусе, успокаивая себя в конечном итоге тем, что увидел родную дочь. Он вспомнил, что она ни разу не назвала его отцом, и сам он не пытался хоть как-то внушить ей это. Со временем ребёнок даст всему имена, думал он. А пока его дело — платить хорошие алименты и не забывать о праздниках, которые ждут и любят дети.

Однако через неделю он не выдержал, набрал номер телефона.

— Не звони! Папка ругается. Нельзя!.. — услышал он тонкий голос, утверждающий старый приговор, и долгие, как тоска, гудки... И всё же однажды они разговорились. Как понял Адель, дочь была в квартире одна. Он расспрашивал о школе, она подробно отвечала, и всё говорила, что мечтает уехать в деревню к бабушке, где провела почти всё детство.

Ко дню рождения Дамирыч выслал девочке два красивых платья, заказанных в Москве. Сам не появлялся: боялся новых разочарований; и на самом деле ему казалось, что встречи выбьют девочку из привычной колеи. А под Новый год отправил ей в конверте билет на детский спектакль в оперном театре, приложив пять рублей на мороженое и записку, написанную крупными печатными буквами. А через неделю после спектакля позвонил.

— Я не ходила... — тянула девочка в трубку. — Никто меня не отвёз. Так жалко!.. И билет целых рубль восемьдесят стоит... Пять рублей у меня взяли, сказали: в получку отдадут. Не надо, не высылай, у меня всё равно ключа от почтового ящика нет. А ты один живёшь? А когда женишься?.. А я хочу, чтобы

дядя Женья женился. Всегда ругается. И пьёт, и пьёт...

– Бьёт? – не расслышал Дамирыч.

– Н-нет... А Настя про меня всё ябедничает. Я в деревню хочу, я бабушку больше всех люблю! А сколько до лета осталось? Посчитай... Ой, много!..

– Скажи мне, дочь, только честно: дядя Женья тебя обижает?

– Н-нет... Ну, не сильно... Вчера его на диван стошнило, где я сплю... Приезжай!...

Дамирыча лихорадило. В голове проносились решения: встреча, удар в

нахальную образину, – но опрометчивые он тотчас отбрасывал.

– Слушай, доченька!.. – кричал он в трубку. – Никому не говори о нашем разговоре! Даже маме не говори. А бабушку люби. Люби, кого хочешь любить! И не горюй. Всё зависит от тебя. От тебя, слышишь? На днях я приеду и мы с тобой обо всём поговорим. Ты всё мне расскажешь. Хорошо?..

– Хорошо...

Дамирыч как никогда аккуратно и твёрдо установил трубку на рычаги

Костры

*Упаси, Господи, от старческого
маразма и назидательности.*

Н. Гумилёв

1

И всё же они были милей, наши девушки. Нынче гламурная гостья отличается пониманием жестов холостяка – раздеться и лечь. Кружевное бельё – признак смекалки. Не то, что в былые годы, когда на комсомолке обнаруживалась пара ужаснувшихся рейтуз, одетых лишь для тепла. Или пропитанная честолюбивой испариной молитва в глубине лифчика – свёрточек, прилипший к коже, да ещё страх, цепкость пальцев, судорожность движений, далеко не голливудских.

Оно как-то не манит, когда бельё красивей тела, не несёт в себе загадку чужого быта и мирка. И холодит душу от вида ледяных кружев, будто они одеты на манекены с январских витрин. Девичьи таинства сквозят в прозрачных узорах, как охлаждённое мясо птицы. Не вскрикнут бережёным жаром, не

огрызнутся алым рубчиком на коже от тугой резинки...

Ныне девицы выходят на подиумы – мосластые, злые, идут, вскидываясь, как кощейки на верёвках. Развернутся и глянут, будто хотят убить. А то, наоборот, на телеэкране – лежат полуголые в позе жаб, в лживой страсти потеют глазами – выманивают у подростка денежку: позвони!.. И веришь Чехову, что вместо лёгких у них жабры.

А может, ты ошибался всю жизнь? И женщины вовсе существа не из другого измерения, а те же особи, только самки, с мелкими и недалёковидными воззрениями, мстительные и алчные? Мечтающие о денежном мешке или похотливом орангутане? Третьим вообще мужчина не нужен, и в ласках они не то что холодны, – они давно уже замужем – с двенадцати лет, но мужа их – всевозможные гномы, разбойники или артисты, которые так романтично насилу-

ют их в грёзах, привязывая к деревьям, к колесу телеги...

Однажды ты обнаружил себя обкраденным. Любя, жаждая и получая вознаграждение, прежде ты думал, что только тебе доступно это чудо, вручено жгучее счастье, что люди об этом не догадываются. Вот они спорят и ругаются за стеной, считают мелочь за окном, покупают газеты, едут на работу... А ты испытываешь только страх, что они вот-вот опомнятся, ужаснутся твоему эгоизму, вернутся и отберут твоё счастье.

Соитие перестало быть сакральной тайной. Теперь твою женщину раздели и выставили напоказ. Её насилюют и заставляют перед камерой делать невообразимое. И ты всё это терпишь, беспомощный, жалкий, придавленный грудой цепей новой свободы.

Новые названия заменили то ёмкое, содержательное, сдирающее все покрывала, как откровения Теофиля Готье, – слово. Его и произнести-то было нельзя: так мощественно табу на него! Это слово намолено, как языческая скрижаль, усилено стыдом предков, ужасом отроковиц, тайным зверством юношей... Оно до того пронзительно и постыдно!.. Этого слова порой боится мужлан, но может выкрикнуть стыдливая женщина, – в забытии, в угаре, первобытном, пещерном, где оно, очевидно, в свете костра и родилось... И теперь какая-нибудь буфетчица с телеэкрана учит тебя жить, пытается протолкнуть тебе по дешёвке отнятый у тебя же сокровенный товар. И легко называет это слово «сексом», будто это семечки.

Куда всё делось? Где этот взгляд, дрогнувший и ужаснувшийся тому, чего от неё хотят – что в ней вызывает страх, видение карающего костра, щипцов инквизиции? Где воображаемая линия ноги, скрытый крепом юбки бесстыдный изгиб бедра?

Или мы стали как дикое африканское племя, где у женщины обнажена висячая грудь, столь же эротичная, как её пята?

Где тайная сладость поцелуя?..

У метро девица жуёт жвачку и смотрит от скуки, выдувая шары, как другая также жуёт и также смачно выдувает пузыри губа к губе с одурманенным наркотой партнёром.

2

Ещё в памяти жертвенные костры. В детстве в библиотеке деревни Именково ты случайно наткнулся на книгу «Спартак», с толстой обложкой и удивительными картинками, – книгу, чудом сохранившуюся в татарской деревне, потому что в русскоязычной её давно бы украли. Читал запоем, сдерживая восторг, останавливался и заново пробежал страницы о поединках на аренах амфитеатров, о сражениях с римскими legionами.

Ты был восхищён гладиаторами, их мощью, храбростью и красотой. И рыдал, рыдал громко в саду над возгласами Крикса, погибающего в засаде: «О, Спартак! Ты не можешь мне помочь!»

Ночью с Криксом и Спартаком ты мылся в тесной бане, они обмахивали тебя пушистым берёзовым веником, легко передавая из рук в руки, а после вынесли и усадили в предбаннике.

Ещё, когда босые, ты и Спартак, шли к Криксу, сзади ты любовался фигурой дяди в узких плавках, будто в набедренной повязке. Его мышцы, освещённые полумесяцем, выступали круто, бугристо, будто лужённые лунным припоем доспехи. Он нёс пудовые плечи, чуть вывернув их вперёд и, склонив русский ёжик, неторопливо, будто шёл по стеклу, сокращал свитки буйволиных мышц на ляжках. В предбаннике гладиаторы пили чай и тихо беседовали, ты по очереди щупал их равнодушные бицепсы. И удивлялся детским умом, как угораздило их, победителей сабантуев, родиться здесь на одном берегу, в одном дворе. Нежная соседская дружба отличала их. Позже, изучая историю, ты всегда думал о них, что именно такие угланы в схватке с несметными полками не сдали Казань, свою веру и

вековые обычаи, – всё унесли с собою в леса и сохранили до наших дней.

Спартак был копия Кирка Дугласа, сыгравшего предводителя восставших гладиаторов: светлые глаза и русый ёжик, у него даже кожа была как у артиста – белая, не принимающая загара. Крикс же был ниже ростом, но шире в плечах, на грудь можно ставить рюмку с вином – не упадёт. И если уж брать для сравнения образы знаменитых артистов, Крикс напоминал Алена Делона – такой же синеглазый, бледнолицый, с чёрными волосами...

В то лето между двумя деревнями произошла драка. Парни из соседних Черпов на мосту избили двоих именковских. Те бросили клич и пошли, отроки с кирпичами и дрекольем сзади. Черповские собрались и грозно скрылись в ночи: невесть откуда жди удара.

Во тьме шли полем, быстро и целеустремлённо. Сзади, не помня себя от героизма и страха, бежали мальчишки, спотыкаясь о кочки, с размаху пластались, отшибая оземь ладони. Вот и Черпы. Тревожно подрагивает свет перед клубом. Стрекот сверчков. Спартак со своим ёжиком, влитый в новый костюм, был изящен, он шёл с дамой под руку в клуб – в стан врага: в случае нападения принять бой и оттуда из клуба, свистнуть. «В клуб, один? Ведь там полно народу! А если затопчут?..» Нет. Отшибая кулаки кулаками – свистнет: завернёт стальную губу и рывком лишь пропустит грудь...

В клубе оказались только женщины и подростки...

Другая группа именковских вояк ушла искать неприятеля к речке. И возле церкви нарвалась на град камней. С колокольни, с крыши полетели заготовленные кирпичи. Толпа рассыпалась, появились раненые. В темноте, хоть глаз выколи, мальчишки с яростью выдирали из земли снаряды и подносили взрослым. Булыжник с шумом человеческого рывка вылетал из-за плеча, как из катапульты, и, вращаясь, будто комета, уносился в сторону осаждённых. И в темноте, где жестью

мерцала крыша, грохотало, будто катился по небу гром.

Рукопашная не состоялась. Но случился конфуз. Кто-то крикнул: «Черповские пошли по домам, собирают мужиков. Выйдут матёрые мужики!» И пацанё в ужасе кинулось бежать! Не видя дороги, через хлещущий в лицо бурьян, кочки и невидимые ямы, ломающие позвонок. Ужас поджаривал пятки. (Так проигрывались великие сражения.) Добавили страха два яростных глаза появившегося за спиной трактора. «Это они! Догоняют!..» Но оказалось, что трактор – свой. Погрузились в кузов, помчались. И стыдно и спокойно стало, когда увидели возле клуба мирно стоящих Спартака и Крикса. Какой-то парень, одетый по моде, с бляхой на низком бедре клёшей, в широкоплечей рубаше, увещевал Спартака и Крикса: «Бросьте, ребята! Что вы с ними не поделили? Набрали вина, выпили и мир!..» Сзади него мой троюродный брательник, ещё юнец, держал в руках ствол молодой берёзы. «Огреть?» – спросил он, намекая на черепашку увещающего миротворца. Крикс чуть повёл головой: нет. Не понимая чужого языка, парень и не заметил, что ему грозило, всё продолжал уговаривать своим хмельным, впрочем, приятным юношеским баском.

– Дай пять! Меня зовут Женя...

Руку ему не подали.

Так и ушли: черповские с церкви слезать не собирались.

С тех пор прошло больше сорока лет. Мир изменился.

Спартак состарился и спился. Страшно отощавший, с красной, будто опалённой кожей лица, он шагал впереди в синей спецовке с короткими штанами, отчего был похож на мальчишку. У него портилось зрение от одеколona, который он употреблял.

Боже, как меняется плоть! Кто поверит, что этот немощный муж когда-то был гладиатором, гордостью и защитой деревни?! Кто поверит, что где-то из-за какой-то облезлой старухи сохли парни в пол-околотка. А ведь сохли!

Говорят, чуда нет. Есть чудо. Время.
– Не пей ты этот одеколон!.. Ослепнешь!

– Почему? Этот специально для питья делают, – он вынул из кармана флакон с остатками зеленоватой жидкости. – Смотри, какое горлышко большое. Это чтобы наливать было удобней.

– Пойдём, Самат абый, я куплю тебе водки. Хорошей водки! А, дядя?!

Слово «дядя» ты произнёс с чувством.

– Какой дядя? Я тебе брат.

– Как? Ведь ты старше на...

– Твой дед и мой дед – родные братья. Сын твоего деда – твой отец, сын моего деда – мой. Мы братья.

Странно, ты об этом никогда не задумывался. Брат...

Ты брал грех на душу. Предлагал водку вопреки предупреждению его супруги, преподавательницы математики, не покупать ему спиртное. Но ведь всё равно он будет пить этот проклятый одеколон! К тому же тебе доставляло удовольствие сделать для него приятное: воспоминания детства ещё не истёрлись в памяти.

Ты хорошо помнил и его деда. Бородатая голова, как кудель шерсти, – с палкой в руке, согбенный, но быстрый, он входил в ворота с походным мешком за плечами, частый гость в вашем доме. Он выманивал у тебя щенка. Сидел у печи в рубаше навыпуск, опираясь о посох и улыбаясь, о чём-то ласково баял. Вернее, он говорил, что смастерит собачью будку, под яблоней, где тень, настелет в будку солому; собаку будет кормить варёной картошкой, мясным бульоном. В ответ ты улыбался и не понимал, чего хочет дедушка. А он говорил ещё о самосвале, железном, зелёном, ручку которого крутишь, у него поднимается кузов, этот самосвал ведь дороже пса... Он опять щурил глаза и ни о чём не спрашивал, а ты только хихикал, живо представляя яблоню, будку под ней и чью-то собаку ...и дед, наверное, думал, что ты мал да хитёр. Но если б до тебя дошло, чего он хочет, ты бы всё равно не отдал ему, пусть даже

за самосвал, своего дружка, щенка немецкой овчарки. Хотя сейчас понимаешь, как нужна, как недоступна была в деревне на ту пору такая собака.

– Как зарплата? – спрашивал ты у Самата.

Вы шли в сторону шоссе, за которым простиралось Камское водохранилище.

– Колхоз разграбили, платят гроши, и те с опозданием на три года. Вон наши деньги! Он обернулся и вяло махнул рукой в сторону околицы, где на новых площадях возвышались коттеджи местного начальства.

– Сжечь их к чёрту!

– Посадят...

– Как живут двойняшки Зинатулла и Зайнетдин?

Вспоминалась картинка, словно из доброй сказки: опушка леса, два деревенских малыша собрали для малыша из города полную банку земляники, поднесли: «Ешь» – смотрели и улыбались.

– А ещё Рафаэль, братья Нурислам, Хайдар, Камиль?

– Зайнетдин умер, – отвечал Самат. – Рафаэль погиб. Мешал палкой жидкий битум, опора ушла из-под ног, опрокинулся прямо в чан. Да... Нурислам отсидел за драку, пьёт где-то. Весной приезжает за рыбой. Хайдар в городе. Камиль построил дворец на берегу Камы. Сегодня идём к ним, тебя ждут...

Все перечисленные – твои братья. Камиль – младший, Хайдар ровесник, с ним ты закапывал в прибрежную глину человеческий череп. Тогда, в семидесятом, стояла страшная засуха, горели леса, погибали посевы. Местный старец сказал: на берегу, под старым кладбищем, валяется череп. Пока его не придадут земле, дождя не будет.

Череп вы нашли и закопали. Но дождя так и не случилось. В то лето погибло много лесов по всей России.

Взяв в магазине водки, вы прошли к берегу Камы. Самат налил, выпил, понюхал голову воблы.

– Одеколон крепче, – сказал он, морщась, – с него душистый кайф.

Прибрежные волны, набухая на отмели, буро мутили глину. Вдали, за штрихами водяных бликов, кильватерной колонной шли суда.

– Погоди, а Горка жив?

Три русских двора стояли на отшибе деревни Именьково. Горка-книгочей оттуда. Большеголовый рахит с крошечными ступнями, вечно обутом в калоши, он будто и сейчас стоит у клуба: широко раздвинув носки и заплетаясь языком от возбуждения, вещает о возможностях «Мессершмитта 109 Е», о подвиге линкора «Бисмарк»:

– Если б не попадание торпеды в руль, он бы все английские линкоры переколбасил! – Горка чуть не плачет. – «Бисмарк» развернулся и один в атаку на целый флот пошёл!..

– Горка-то? – сказал Самат. – Жив.

И тут ты вспомнил о Криксе, великолепном Криксе.

– Рамазан... – Спартак помолчал. – Он повесился.

– Как?!

Спартак глянул в даль.

– Дочь у него в городе забеременела. Ушёл в лес и пропал. Нашли его на третий день. На осине.

– Слушай, это невозможно... Это, ё-моё, национальная потеря!..

Долго молчали.

– Я был на кладбище, деда искал, твоего деда. Там у входа могила девушки. Кто она?

Новое кладбище, которое тянулось вдоль обрыва, густо заросло сиренью, особенно в середине. Приходилось телом наваливаться на кусты и просто подтягиваться, зависая над землёй. Могилы ты не нашёл. Выходя, обратил внимание на серый камень у самых ворот, на весёлом солнечном пятачке. В камень была ввинчена овальная цветная фотокарточка, забранная в стекло. С фотокарточки смотрела красивая девушка. Русые волосы и очень выразительные на фоне муравы и листьев зелёные глаза. Очень живые, очень зелёные, мерцающие изумрудной глубиной. Казалось, что они играют на солнце тем же натуральным бле-

ском, что и живая листва. Ты смотрел на фото с глубокой грустью, печалью очарованья. И не верилось, что этой девушки уже нет, тем более что она – под землёй, вот здесь, у твоих ног, – та, что смотрит на тебя таким живым взором.

По датам ей едва исполнилось девятнадцать.

– Это могила, которая у входа? – спросил Самат. – Та же история. Внебрачная беременность. Не выдержала позора.

– Она тоже – как Рамазан?..

– Нет. Отравилась. Умирала у матери на руках.

Самат посмотрел на тебя выцветшими глазами, в которых ещё мерцал огонёк вашего отживающего рода:

– Кстати, она тоже твоя сестра.

Тело обдало нежным жаром. Снова ожил в памяти мягкий овал лица и эти живо глядящие на мураву глаза. Сестра...

3

Может быть, правы те, кто стонет с телеэкранов, зовёт? Они зовут в жизнь, и убийственный взгляд с подиума – как самоутверждение? Разве они будут пить яд? Нет! И правильно сделают.

Но Рамазан, эта девушка, семь девиц... Семь изнасилованных стрельцами сестёр погубили себя в озере на окраине Казани, там их могила. Туда ходят тысячи людей. И почти каждый задаётся вопросом: как смогли разом? И никто не смалодушничал перед смертью – ведь девочки! Не меньшим ли самоутверждением веет от этого семикратного взгляда из прошлого?

С Камы потянул ветер. Вдали, по черте берега в опустившихся сумерках зажигались костры. А затем такие же костры вспыхнули на потемневшем горизонте, где угадывался фарватер, – много костров; загорелись в несколько этажей, двигались вправо и влево, мигали, будто о чём-то напоминали нам, живущим...

ПОЭЗИЯ

116

*Елена
Бурнудуковская*

Пока ещё сладка чернильная отрава...

* * *

Прощальная краса. В окошки бьётся осень.
Иди, её встречай, запутайся, робей.
Пока ещё сквозь сон. Очнёшься ровно в восемь.
И партия сдана с будильником в борьбе.
Иди сводить мосты и подводить под схемы.
Всё рушить и губить. И пестовать опять.
Вести потерям счёт. И думать, что мы, где мы.
И в хляби ноября разверстые ступать.
Не нравится – не пей отравную микстуру.
Несолоно хлебай протёртый супчик дня.
Всё кончено. Прошло. А вдруг, и вправду, сдуру,
Ещё последний взор, последний сноп огня.
Пожаром озарит поблёкшую округу,
Раздражит, распалит опять из озорства...
Невыспавшийся кот пророчит боль и вяюгу.
Крадётся по пятам бездомная листва.

* * *

Наблюдая над жизнью, которая, в общем, прошла
как у всех, а не так, как когда-то мечталось,
я скажу «так какого же надо рожна!»,
подавляя к себе бесполезную жалость.
Нет, не принца на белом, не замков на зыбком песке,
а чего-то хотелось – теперь и не вспомнить.
Что ж ты, солнце моё, всё пытаешься что-то успеть,
отыскать на просторах прокрустовых комнат,
если в заднем кармане Вселенной сплошная дыра,
прошлогодного чёрного снега бесценней,
и последнюю душу заблудшую сплавил в рай,
и последнюю свечку задули на сцене.

117

* * *

Студентка знает то, что ничего не знает,
В автобусе висит, вздыхая на ходу.
Июнь грозит грозой, и крутится резная
Ретивая листва. И в городском саду
Тусовка до утра. Покрашены скамейки.
И треки соловья, и ролики зарниц.
А хлопоты пусты, а неудачи мелки,
Пока гремит гроза, и юность без границ.
Транжирь её, транжирь налево и направо,
В общаге жития не ведая преград.
Пока ещё сладка чернильная отравка,
И манною с небес – невыспавшийся град.

* * *

Ничего не вечно под луной.
Ничего. Но правды нет и выше.
Полоумный дождик проливной
С маху расшибается об крыши.
Складывает крылья мотылёк –
Некому раскошегарить пламя.
Спит земля, уставясь в потолок
Противоположными полами.
Дремлет улыбающийся сад,
Струями простроченный косыми,
Как вчера, как сотни лет назад.
Как в те дни, которым вечность имя.

Елена Бурундуковская родилась и живёт в Казани. Окончила Казанскую консерваторию. Член Союза татарстанских писателей. Автор поэтических книг «Личные местоимения» (1992), «Учебник жизни собственной пишу...» (2004), один из авторов коллективного сборника «Горизонт» (1988). Публиковалась в журналах «Студенческий меридиан», «Смена», «Казань», «День и ночь» (Красноярск), «Идель», «Татарстан»...

* * *

Расскажи-ка мне, девочка в галстучке шёлково-красном,
Про советское детство моё, если в ту глухомань
Ещё тропы ведут. Как мечтали светло и напрасно,
В пионерских бараках вздох набираясь ума.
Нас учили всему понемногу, всерьёз и о главном.
Начиналась о Родине песня сегодня и здесь.
И дымок орудийный из воздуха прошлого плавал.
И «Зарниц» полыхали зарницы на небе чудес.
Школа правила перья, корнала вихры под гребёнку,
Любопытства порок разбавляя с грехом пополам.
И сидела зараза ненашенских сказок в печёнках,
И носил её ветер уже по горам, по долам.
Кровь бросалась в лицо, отзываясь морозом по коже.
Время шло на двоих, становясь равнодушной и злей.
Голенастая девочка, ты на меня не похожа.
Никогда, никогда, никогда, никогда не взрослей.

* * *

Колыбельную песню надышит простуженным горлом
Пенопластовым снегом укрытый по плечи январь,
И останется каждый в своём одиночестве гордом
Допивать бытия приворотный отвар.
С неизбывной любовью и нежностью необоримой,
Подставляя под крупные звёзды лицо,
Обращаться на Вы к равнодушной равнине,
Где забыли давно и не ждут беглецов.
Где снега и снега и молчанье, молчанье навеки,
И поспешных желаний несбывшийся сонм,
Где всё лучшее спит вечным сном в человеке,
И реальнее жизни прерывистый сон...

* * *

В природе проще нет картины:
Берёзки, кочки, озерцо,
Где рыбаки таскают тину
И ветру отдают лицо,
Где сизмальства владеет каждый
Общепонятным языком.
И солнце утоляет жажду
Прохладным неба молоком.
И день, по-своему счастливый,
Идёт в зенит, не торопясь,
И лиловеют жарко сливы
В садах, готовые упасть.
И смотрит радостно создатель
На своего труда плоды.

Единовременный ваятель
Земли и неба, и воды.
Он смотрит, смотрит ниоткуда,
Щеку ладонью подперев,
Как бережной туман окутал
Строенья дружные дерев.

* * *

Как ласточкина тень, метнётся взрослый воздух,
Молекулы смешав любви и нелюби,
Настоянный на снах, на полуночных звёздах,
Замеченный везде... Лови его, лови!
Репейник, чистотел и что-то без названия...
Блаженный воздух дней, встающих на крыло.
Как бабочки тогда, капустницы, сновали!
Румянилось небес застенчивых стекло.
Придумай свой расклад, скрой фасон бедовый,
Пометки на листьях узорчатых прочти,
Пока на вкус, на цвет, на выдох уготован
Unreal truly world, Неведомый почти!

* * *

Под птичьих крыльев хлопотанье,
Ночей и дней круговорот.
Нас лето обложило данью
И одарило от щедрот.
То банным жаром оглоушит,
Шутя сгоняя семь потов,
То поразит вселенской сушью,
То симитирует потоп.
Но ветра шёлковое платье
Тебя обнимет всей душой,
И в этих трепетных объятьях
Так несказанно хорошо,
Что забываешься от счастья
И просыпаешься, себя
Пусть малой ощущая частью
Страны, где крыльями слепя,
Стрекозы тучные сигают
И забывают, как сигать.
И время смотрит не мигая
На всю земную благодать.
Где муравьи, собравшись скопом,
Слагают коммунальный дом,
И лягушачьи перископы
Стоят в затоне золотом.

* * *

Царскосельский мрамор, позолота,
Регулярность парковых аллей.
Рукотворной красоты зевота,
И тоска всё круче, зеленей.
Что же делать, если я чужая
Поголовью пастушков и нимф?!
Я их бесконечно уважаю,
Почитаю этой жизни миф,
Но не знаю, Господи, не знаю,
Что же делать, если мне милей
Выщипанного кусочка рая
Статуи плечистых тополей?
Статуи, чей скульптор неизвестен,
Но губу корою прикусив,
Чувствуешь, как в горле стало тесно
И в груди пульсирует курсив.
Впадины, равнины, перелески,
Подлинники мастерских кистей.
В освещенья натуральном блеске
Творчества природного музей.
Пруд опутан паутиной тины.
В волосах заколкой стрекоза.
Караван корабликов утиных
Уплывает курсом в небеса.

* * *

Босыми ногами по тёплой песчаной земле,
Травинка в зубах и на сердце приятная лёгкость.
Возделывать сад и ребёнка растить не во зле,
И чувствовать рядом заботливый локоть.
Как всё изменяется в мире, но так неизменно вокруг.
Крапива с малиной в обнимку живут, не стесняясь.
Опять повторяется жизни растительный круг,
На месте цветка образуется завязь.
Всего лишь звено в бесконечной цепи перемен,
Травинка в зубах и на сердце приятная лёгкость.
И я ничего не прошу этой жизни взамен.
Она уже там, ещё там, за горами, далёко...

рассказ

Точка возврата

Къелла (Людмила Пельгасова) родилась (1982) в Казани в семье потомственных инженеров. Окончила художественную школу, французскую гимназию с серебряной медалью, Энергоуниверситет с красным дипломом. Работает в энергетике, пишет стихи и прозу, работает в графике и живописи. Публиковалась в «Казанском альманахе», «Идели», в сети на порталах «Стихи.ру», «Проза.ру» и т. д. Увлекается авиацией. На её счету 12 прыжков с парашютом, на её руках свидетельство частного пилота. Основная тема творчества Къеллы – авиация и небо...

Къелла

121

Я шла по открытой зелёной равнине. Странно: деревьев здесь совсем не было, зато трава – как показывают в английских фильмах – настоящий цивилизованный газончик. Вот только размером он с хорошее колхозное поле, и конца-краю ему не видно.

Удивительное ощущение мягкости не покидало меня. Можно было даже не касаться травы, а просто подпрыгнуть и зависнуть в воздухе. Всё происходило как в кино, в замедленной съёмке.

Ландшафт равнины иногда нарушали холмы, расположенные то грядой, то поодиночке. Забавные холмы. Наверное, там живут ежи. И холмы-дома похожи на своих хозяев – круглые, колючие. Только зелёные. А вот ещё: посередине – возвышенность, а по краям она резко сходит на нет, прямо шляпа в профиль. Да нет, не шляпа... А-а, это удав проглотил слона, да так и остался, травой зарос.

Странные мысли... Будто не мои вовсе. Удав, проглотивший слона... Неужели я это придумала сама? Вряд ли. А равнина, действительно, странная. С воздуха она, должно

быть, похожа на мягкое зелёное шерстистое одеяло.

С воздуха... И снова – откуда это? Откуда?! С воздуха! Конечно! И тут я поняла, почувствовала то, что должна увидеть.

За тремя холмами, на берегу озера стоял... самолёт. Самый настоящий «Лайтнинг» времён Второй мировой войны. Крылья, хитро и хрупко скреплённые между собой суставами мотогондол, двухбалочный хвост, тускло поблёскивающие стёкла кабины, словом, настоящий антиквариат.

Поближе... Я, кажется, не сделала ни единого шага, но самолёт теперь оказался совсем рядом. Шасси у него криво вросли в землю. Похоже, что здесь произошла какая-то авария. Но пилот молодец – всё же сумел посадить свою крылатую штуковину на ноги, а не на голову. Но, всё равно, лужайка не взлетно-посадочная полоса, вот и зарылись шасси. Теперь на нём не полетаешь.

И тут... Я привыкла уже к полной безлюдности этих мест, и появление человека меня почти испугало. Но, тем не менее, так оно и было. У самолёта сидел на корточках человек и замасленной тряпкой перетирал какие-то детали в одном из открытых люков, которых в брюхе и боках самолёта было множество.

Очень много вещей сразу указали мне на одно и то же. Не знаю, что именно: триколор на фюзеляже, песенка, сильно напоминающая «La Marseillaise» или ещё какое-то чутьё заставило меня обратиться к человеку по-французски:

– Bonjour, monsieur! Qu'un Dieu aide vous en votre travail!

От неожиданности мой собеседник подскочил и чуть не ударился головой о свой летательный аппарат. Медленно, очень медленно он повернулся...

Я не отличаюсь хорошей памятью на лица, иногда и вовсе путаю людей. Наверное, это происходит оттого, что плохо вижу издали, отчасти оттого, что мой взгляд художника зачастую находит в двух непохожих людях род-

ственные черты, незаметные для других. Но это лицо я вспомнила, хоть никогда прежде его не встречала. Да и не могла встретить, ибо этого человека уже давным-давно не было в живых. Это лицо смотрело на меня со страниц школьного учебника французского языка. Раздел «Современные французские писатели». Рядом с Анатолем Франсом, Франсуа Мориаксом, Франсуазой Саган и прочими непременно помещался круглоголовый, коротко стриженный улыбающийся человек в лётной пилотке. Да, именно так. И именно этот человек со страниц моей книги сейчас стоял передо мной. Выражение лица – растерянное, пилотки нет, а в руках – грязная тряпка. На лице – морщинки, ничего не подделаешь – годы! Но я всё равно узнала его. Это его глазами я смотрела там, на равнине. Потому, что это – его мир!

– Monsieur Antoine? – полутвердително-полувопросительно выдохнула я. Угадала. Он улыбнулся и опустил руки. Тряпка исчезла где-то за спиной или в кармане.

– Да, мадемуазель, это я. Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

Он улыбался мне, как первому встреченному им за много лет человеку. Наверное, вот так же Робинзон Крузо радовался Пятнице. И говорил он осторожно, будто боясь спугнуть собеседника. Не знаю почему, но я тоже чувствовала, что не могу, просто не могу позволить себе говорить с ним резко. И поэтому я просто ответила:

– Я читала ваши книги.

Это была ложь. Конечно, никаких книг Экзюпери я не читала, если, конечно, не считать включённых в школьную программу французской гимназии № 9 отрывков из «Terre des hommes» и, кажется, «Vol de nuit». Но зато я читала о нём самом. Отвечая по билету «Мой любимый писатель», на экзамене я неизменно выбирала Антуана Сент-Экзюпери. Точно помню, что родился он в 1900 году в Лионе, а умер... Погодите-ка! Он же не умер. Там стоит дата: 31 июля 1944, но... В тот день он вылетел из Борго на Корсике и... боль-

ше не вернулся. Он что же, исчез попросту? Надо будет спросить его про тридцать первое июля...

Ну, а пока... Кажется, его обрадовало и удивило то, что я знакома с его творчеством. Хорошо, что он не знает, насколько поверхностно...

— А что вы читали? — поинтересовался господин Экзюпери, всё также улыбаясь и глядя в глаза. Это просто была его манера разговаривать. Смотреть собеседнику в глаза. Всегда. Мне стало немного стыдно за свою ложь.

— «Полёт в ночи», «Планета людей», а ещё... Там, на поляне я заметила странный холм. Он выглядел как шляпа или как удав, проглотивший слона. Это ведь из «Маленького Принца», да?

Он засмеялся негромко, потом вдруг присел и палочкой быстро изобразил на земле фигуру, напоминающую шляпу с полями, а затем в том месте, где шляпа надевается на голову, вывел слоника на двух неровных ногах, со свёрнутым хоботом, бивнями и хвостом. Получи-

лось, что исполинская змея целиком проглотила серого ушастого потомка мамонтов. Это и, правда, было забавно, а, главное, остроумно и необычно.

— Я читала больше о вас, чем ваши произведения, — наконец призналась я.

— Обо мне? Что и где вы могли обо мне читать? Я уж не настолько известен, чтобы обо мне писали газеты... Разве только, — улыбнулся он, — моё личное дело?

Но я не улыбалась. Мое лицо приняло серьёзное выражение. Я так делаю иногда, чтобы убедить кого-либо.

— Там, откуда я родом, — сделала я паузу, — вы очень известны. Ваши произведения относят к классике. В школьные учебники входят... — Я замаялась. — Отрывки из них...

Странно, но господин Антуан ничуть не удивился, не стал расспрашивать. Он вообще говорил не очень много, точнее, не так много, как человек, соскучившийся по общению. Он редко задавал вопросы, и мне показалось, что

ему ведомо очень многое из того, о чём он знать будто бы и не может. Так и сейчас: он понимающе-печально кивнул коротко стриженной седеющей головой.

— Какой год? — просто спросил он.

— У нас сейчас две тысячи второй. Новый век. Новое тысячелетие.

Небольшое удивление мелькнуло в его глазах и пропало.

— Надо же... Шестьдесят лет... Нет, пятьдесят восемь. — Он взглянул на меня. — А страна?

— Россия, — ответила я. Заметив его замешательство, уточнила: — Бывший Советский Союз.

Он понял, и я продолжила:

— А вы сразу догадались, что я не из Франции?

— Да-да, пожалуй... У вас произношение другое, и речь... — Он призадумался. — Слишком правильная, что ли. Французы так не говорят. А, впрочем, может быть, и говорят теперь. Но я вначале решил, что вы из Канады.

— Из Квебека? — уточнила я со смехом. Он засмеялся в ответ, кивая головой. И я поняла, что не лгали строки, описывающие внешность Сент-Экзюпери: собранный, внимательно-любопытный взгляд, негромкий голос, тихий заразительный смех. Как будто я всю жизнь знала этого человека. И правда, с ним нельзя было встретившись не подружиться. Думаю, поэтому он и стал писателем. Известным и любимым.

Давно замолк смех, наши лица вновь приобрели серьёзное выражение, но в глазах господина Антуана, окружённых морщинками, до сих пор прыгали искорки — эхо, осколки радости и веселья.

Меня охватило странное ощущение: я уже ничему не могла удивиться, я потеряла границу между реальностью и его фантазиями. Я приняла созданный им мир — или этот мир принял меня? И так просто, так легко и естественно прозвучал мой вопрос, как будто я услышала его со стороны:

— Вы умерли?

Он призадумался, словно над трудной задачей, потом усмехнулся:

— Теперь-то уже, скорее всего, да.

— А тогда? — Я твёрдо взглянула ему в глаза. — Тридцать первого июня тысяча девятьсот сорок четвёртого?

— Боюсь, я мало чем смогу вам помочь. — Он виновато вздохнул. — Я и сам не знаю, что произошло тогда. — Сент-Экзюпери взглянул на меня... — Верите мне?

— Конечно, мсье Антуан. Что вы видели тогда?

— Свет. Много света. Будто по безоблачному небу прошла трещина, и из неё хлынули лучи. Эти лучи слепили меня, и я боялся, что потеряю управление или просто сойду с курса. А потом... Голубое вокруг... и белое. Кажется, я провалился в эту дыру.

— С самолётом?

Вместо ответа он указал на свой «Лайтнинг». Мы помолчали.

— Тогда почему же вы спросили, какой сейчас год? Вы не считали сами?

Он ответил тихо, будто шелест песка в песочных часах:

— Пробовал однажды, но сбился со счёта. Видите ли, здесь невозможно понять, сколько лет прошло. Вот сколько, по-вашему, мы уже с вами разговариваем?

Я прикинула в уме: не больше сорока минут.

— Ну вот, — сказал он, когда я поведала ему о своих подсчётах, — вы ещё чувствуете время, а я — уже нет. По-моему, прошёл день.

После этого и я начала сомневаться. А вдруг, и правда, у меня просто замедленные ощущения. Возможно, время здесь течёт по-другому...

— Здесь вообще нет времени, — вдруг ни с того ни с сего, словно прочитав мои мысли, произнёс Сент-Экзюпери. Всё ещё не веря, я взглянула на него.

— Я... раньше думала, что все эти... м-м... дыры во времени бывают только в фантастических романах, — выдавила я из себя.

Господин Антуан усмехнулся:

— Самое любопытное в том, что здесь невозможно понять, наяву мы или нет. Неизвестно, существуем ли мы реально.

– Вы точно существу... существовали, – поправила я. – Мы ведь читаем ваши книги. Я... я тоже, наверное, существую. Ну, во всяком случае, час назад я ещё существовала...

Это звучало глупо, но я действительно ни в чём не была уверена. Как вообще можно узнать: жив человек или уже нет?

– Трудный вопрос. Вы ведь сказали, что теперь – второй год нового тысячелетия. Понятное дело, что человек не может жить целых сто лет. То есть я давно должен был умереть если не от несчастного случая, как многие лётчики, то хотя бы просто от старости. Однако сами видите, я ведь здесь. И к тому же ещё одна вещь...

– Какая?

– Когда я провалился в эту... дыру, мне едва исполнилось сорок четыре. С тех пор, как вы сами сказали, прошло пятьдесят восемь лет.

– Вы перестали меняться! – догадалась я.

– Верно, – согласился Экзюпери. – Хотя сейчас я ещё более стар для полётов, чем тогда. Подумать только, они говорили, что мне уже поздно летать! – воскликнул он и взглянул на меня, ища поддержки. Я на всякий случай кивнула, ожидая продолжения, но его возмущение угасло так же быстро, как и появилось. Снова передо мной сидел немолодой, коротко стриженный человек с пронизательным, всё схватывающим взглядом и печальной улыбкой. Лётчик и писатель, философ и гуманист, участник войны, закончившейся за много лет до моего рождения. Теперь он оказался здесь, где ему и должно было оказаться. В своём мире. В мире, где нет времени, нет войн, нет злобы. В мире, где в глазах застывает ВЕЧНОСТЬ. Вечность – это каменный цветок, не жизнь, но и не смерть. Просто вечность...

Но это – его мир, его судьба. А я? Неужели я тоже умерла? Меня, что же, нет?

Многие земные владыки хотели приблизиться к богам, правдами и неправдами добыть секрет «вечной жи-

зни»... и не понимали главного – само слово «жизнь» предполагает наличие слова «смерть». Жизнь не может быть вечной, ибо тогда она перестанет быть жизнью. А Вечность... Она и так приходит к нам.

Но нет же. По дороге Жизни, через врата Смерти, это мы совершаем к ней свой путь. Забавно: все, желавшие вечной жизни, так или иначе, в конце концов, обрели то, к чему стремились. Только это – уже иная форма бытия и совсем другая история.

Но я... Я ещё не готова к этому. Я знаю – путь мой ещё не окончен, и, хотя никто не знает, где они – врата конца пути – но... Пока жив, живи.

– Господин Антуан! – позвала я. Мне нужна была его помощь. И он поднял взгляд. Возможно, он понимал многие из моих мыслей и мог мне помочь. Его вид успокоил меня, и я задала вопрос, на который боялась услышать ответ:

– Как вы думаете, я умерла?

Он пожал плечами.

– Я много раз задавал этот вопрос себе самому, и не смог на него ответить. Думаете, я в силах вам помочь? Однако, по-моему, вы должны быть живы.

– Тогда почему я здесь? Как смогла сюда попасть и смогу ли вернуться обратно?

Тепло глянули всезнающие глаза, и у меня в который раз появилось ощущение собственной незначительности.

– У человека есть душа, и все знают, что после смерти она покидает свою телесную оболочку. Но иногда такое случается при жизни, когда срок ещё не подошёл, и тогда душа возвращается обратно.

– Хотелось бы верить, – буркнула я.

– Верьте, – серьёзно сказал мне Сент-Экзюпери. – Верьте обязательно. Верьте, и боль обойдёт вас. Верьте, и вы поймёте, что на свете бывает даже то, чего не бывает. Поймёте так же, как это понял я.

– Вы поможете мне... вернуться? – тихо спросила я.

– Да. Идёмте. – Он поднялся и зашагал в сторону холма-удава, за кото-

рым пряталась от наших глаз равнина Фантазий. Я следовала за ним на почтительном расстоянии: гость всегда пропускает вперед хозяина. Он действительно был здесь истинным хозяином: всё то, что я видела вокруг, было плодом его воображения. И вот что ещё странно: я не могла ничего придумать в дополнение к уже существующему. Невозможно изменить чужие мысли.

Человек вырубает леса, поворачивает вспять реки, осушает болота, но... Он не может сделать всё это силой мысли! Мы считаем себя хозяевами своей планеты, не понимая того, что на ней мы – только гости. И истинный Хозяин Земли – тот, плодом, чьих дум она явилась на свет. Лишь сам Создатель волен исправлять сотворённое им. Ну, а мы... Мы можем только копать, долбить, придумывая себе в помощь всё новые и новые машины, и думаем, что сможем изменить всё, разрушить старый мир, надоевший нам, как выросшему ребёнку надоедают погремушки. Люди тщатся создать себе новый мир своими замыслами и... ошибаются!

Я вновь видела ту же самую зелёную траву, покрывавшую горы и холмы плотным ковром. Если где-то человек и сможет создать что-либо, воплотить свои мечты в зрительные материальные образы, то это место – именно здесь! Я думаю, что каждого из нас ждут: кого – горы, кого – морское побережье, кого – берёзовая роща... Всё, что угодно, но потом. А сейчас – надо идти.

Господин Антуан шагал впереди. Шёл достаточно быстро, но я отставала только из приличия. Меня удивляло то, что у лётчика (пусть и бывшего), много часов проводшего в пилотском кресле, такая уверенная походка. И тут я заметила: он не касается земли! Перевела взгляд на свои ноги и ахнула – земля мелькала подо мной на расстоянии ладони от моих подошв. Покачала головой: лётчик – он и есть лётчик, и все мысли у него такие. Ишь, придумал – не ходить, а летать. И чтобы другие летали!

Вероятно, я ещё долго могла бы зависать в воздухе, отталкиваться от земли и вновь зависать, но тут я заметила, что путь наш окончен, – я снова стою на том же самом месте, где ко мне впервые пришло ощущение полёта. Я осталась и раскинула руки как крылья. Посмотрела в небо. Оно всегда притягивало меня. Вот и сейчас я хотела взлететь. Всё равно как: на самолёте или просто так, раскинув руки.

Но тщетно я пыталась оторваться от земли – я вновь стала тяжёлой и с болезненной чёткостью ощутила все пятьдесят килограммов собственного тела. Это было ужасно. Мне ещё никогда так не хотелось взлететь, и ещё никогда это не было столь невозможным!

– Не могу... – прошептала я в отчаянии, чуть не плача. – Не могу летать...

И вдруг... Снова это чужое вторжение в мои мысли: из всего того, что может летать, нет ни одного предмета легче воздуха: птицы, бабочки, люди. Но это не значит, что всё потеряно.

Я заулыбалась сквозь слезы. А вдруг получится? И тихим шелестящим смехом в голове: «Набор двести метров». Я не представляла себе, что должно произойти дальше, но мне неизвестно отчего стало радостно. И я твёрдо знала, что это холмистое место выглядит с воздуха пушистым и мятым зелёным одеялом, вроде того, какое было у меня в детстве. Это было настолько знакомо, что я ничуть бы не удивилась, увидев всё это СВЕРХУ. И я посмотрела вниз.

Это и правда была та самая равнина с грядами возвышенностей, поросшими зеленью. Вон там – удав, проглотивший слона, а где-то рядом прилепился крошечной стрекозой самолёт, но только всё это было очень далеко внизу. А выше – была я.

Медленно уплывала весёлая зелёная поляна, исчезало солнце, будто навсегда оставшись там греть колющие бока холмов, крылья старого самолёта, поблёскивать на стёклах кабины и радовать того, кто оставался там среди своих обретших форму грёз.

Серое... всё вокруг сплошь серое. Заунывный вой ветра в закрылках. Нет у меня, конечно, никаких закрылков и крыльев нет. Это я одна лечу, путаясь в клочьях сырого холодного тумана и свинцовой сырости. А внизу ничего не видно: только туман иногда светлеет и будто бы рассеивается, но потом тяжёлые лохмотья затягивают всё. Хотелось бы знать, чей это мир. Неужто в чьих-то мечтах могла жить промозглая сырость и безжизненные клубы тумана?

Туман внизу чуть разошёлся, лениво распуская белые хвосты, приоткрылся кусок серо-зелёного, эдакая заплатка на мрачном унылом фоне. Это была земля. Мокрая, поросшая чахлой

травой, такая же тоскливая, как и небо. И вдруг... я заметила лежащее тело. Снизаться!

Всё ближе земля, всё ближе. Да, тело – вот оно! Это... О, нет! Это же... я. Беспомощно опустилась я на колени возле своего тела. Что же делать теперь?

А потом из ниоткуда пришёл ответ:

– Идущий волен сойти с дороги, но если путь твой не закончен, то ты обязан вернуться и продолжить его. Твоё место – там, среди живых, а здесь, в безвременье... Что ж, однажды ты снова окажешься здесь, но тут уж никто не виноват – у всего на свете есть конец...

И я поняла, кто мне его подсказал.

Рис. автора

Поздравляем с чемпионством

в первенстве Татарстана по быстрым шахматам
члена редколлегии «Казанского альманаха»,
поэта Филиппа Пираева!..

Чемпионат Татарстана по быстрым шахматам прошёл в сентябре с. г. в Казани. В нём приняло участие более 50 шахматистов республики. Мастер ФИДЕ Филипп Пираев провёл девять игр. В них он одержал семь побед, две встречи свёл вничью и только одну проиграл. В результате – первое место и чемпионство в шахматном турнире, где главенствующую роль играет быстрота мышления. Как говорится, талантливый человек талантлив во всём. От всей души поздравляем собрата по перу с замечательной победой!

Редколлегия «КА»

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Василию
Аксёнову –
80 лет
со дня
рождения

*На снимке:
Василий Аксёнов
у своего дома в Казани
(2007)*

В начале июня к нам в редакцию пожаловал член редсовета «КА», известный писатель Евгений Попов. Он прибыл в Казань на параходе. Позвонил: встречайте, везу нелёгкий груз. Это были книги. Интересные. Среди них – две свои, авторские, ещё тёпленькие. Это – интернет-роман «@рбайт. Широкое полотно» и совместная с А. Кабаковым – «Беседы о друге», нашем земляке, теперь уже классике русской литературы Василии Аксёнове, которому в этом году исполнилось бы 80 лет. Затем Е. Попов приехал в августе на юбилейный «Аксёнов-фест» вместе с соавтором книги А. Кабаковым, и они рассказали много интересного. Сегодня мы даём главу из «Бесед» об их, Е. Попова и А. Кабакова, общем друге...

Александр Кабаков,
Евгений Попов

Крутой «МЭН» Аксёнов,

129

или

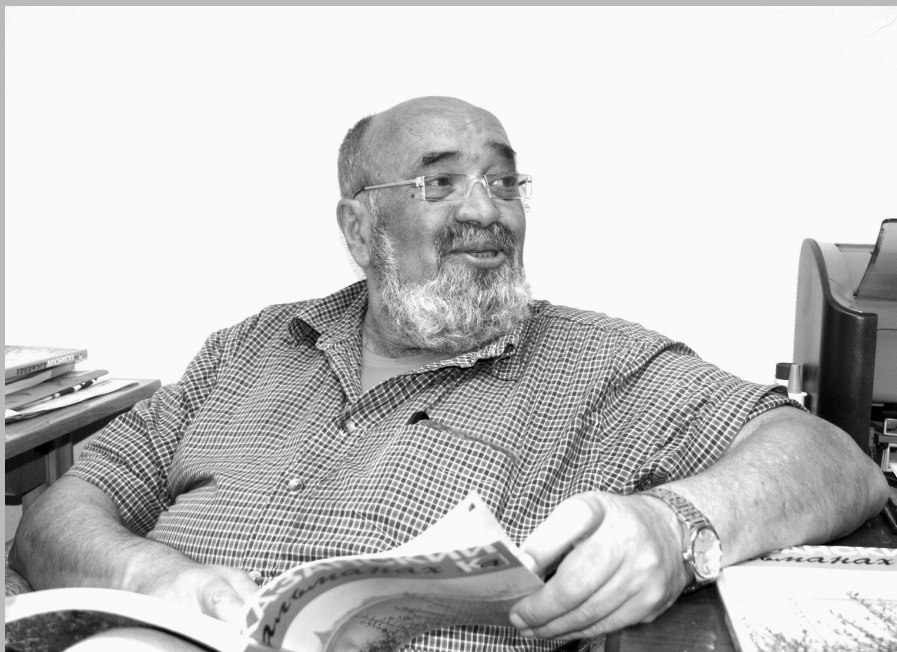
Подлинная история альманаха «МетрОполь»

*В этой книге не вся правда,
но в ней нет ни слова лжи.*

Высказывание А. Кабакова,
упомянутое Е. Поповым
в редакции «КА»

Евгений Попов. Если конспективно, то «МетрОполь» – это литературный альманах, который возник и закончился в 1979 году. В нём участвовали звёзды тогдашней литературы, как-то: Аксёнов, Ахмадулина, Вознесенский, Битов, Искандер, и литераторы «широко известные в узких кругах» самиздата. Это, например, Юрий Кублановский и Юрий Карабчиевский. А большинство авторов занимало промежуточное положение: Сапгир, Вахтин, даже Высоцкий. Пожалуй, что и я с Ерофеевым. Не были мы

укоренены в андеграунде, а в «советские» нас не пускали. Мы ещё носили свои тексты по редакциям, а Дмитрий Александрович Пригов даже не знал, где находится журнал «Юность»... А у нас позиция была: жить здесь, в тюрьму не сесть, вступить в Союз писателей, печататься худо-бедно на родине и потихонечку за бугром, если здесь публиковать окончательно перестанут. Меня сейчас вдруг осенило, что наша с Ерофеевым позиция была правильная, равно как и позиция целиком «МетрОполя» с его лозунгом французских сту-

Евгений Попов.

Фото Руслана Бушкова

дентов 68-го года: «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

Александр Кабаков. Это ведь и Аксёнова была позиция?

Е.П. Разумеется. То есть мы собрали свои рукописи и издали их в двенадцати экземплярах, наклеивая машинописные листы на ватман. Но это не был самиздат или тамиздат. Это впервые в истории советской литературы был здесьиздат. И это действительно было штучное уникальное издание, дизайнерами которого были Давид Боровский, в те времена главный художник Театра на Таганке, и Борис Мессерер, лауреат кучи премий. В принципе «МетрОполь» не был подпольной акцией, а это была последняя попытка договориться с властями, как это удалось художникам-авангардистам в результате знаменитой «Бульдозерной выставки» – после неё их определили в гетто на улице Малой Грузинской, где они под надзором ГБ,

разумеется, выставляли свои работы и как-то более или менее существовали. Шум и у нас вышел на весь мир, но чаемого результата мы, следует признать, не добились. Целью этой акции, как это ни странно сейчас звучит, да ещё и из моих уст, действительно было расширение рамок, извини меня, советской литературы.

А.К. Итак, вы сделали такой альманах. Что дальше последовало? Коротко, историю изложи...

Е.П. Детали, детали самое главное! Машинописные страницы мы наклеивали сами, вручную, теперь это называется «хэнд-мэйд». То есть, представляешь, 40 печатных листов умножить на 24 страницы и расклеить в двенадцати экземплярах. Да ещё на каждой ватманской странице была циферканумерация, лично вырезанная из настенного календаря никому тогда не известным волонтером «МетрОполя»

Володей Боером. Пронюхали в Союзе писателей, стали таскать... Я сто раз об этом рассказывал...

А.К. Расскажешь в сто первый...

Е.П. Феликс Феодосьевич Кузнецов, неоднократно в этой книге упоминаемый, для начала поздравил меня и Ерофеева с приёмом в Союз писателей. Ласково так, как родной старший брат или разбогатевший дядюшка. Аксёнова спрашивает между делом, небрежно: «Вы, говорят, альманах какой-то придумали? Показали бы его нам». Аксёнов отвечает, что мы – люди ленивые, никуда не торопимся, будет готов – покажем. Феликс тут же прямо стойку сделал: «Когда?!» И вот наступает этот исторический, по крайней мере для нас, день, когда мы с Ерофеевым тащим в ЦДЛ альманах. Ерофей, естественно, опоздал на полчаса, объяснив это тем, что был в Кантемировской дивизии на военных сборах, а потом в рамках этих же сборов писал пропагандистскую листовку: «Француз, сдавайся! Пока ты мёрзнешь здесь в окопе, капрал забавляется с твоей женой!» Он же по военной специальности должен был вести пропаганду среди вражеских солдат... Альманах был огромный, тяжёлый. Мы несли его вдвоём, «как Гамлета четыре капитана», и вручили его изумлённому Феликсу, который скорее всего ожидал, что это будет высокая стопка диссидентских страниц размером А4, а не шедевр дизайнеров Мессерера и Боровского, покрытый «мраморной» бумагой, с шёлковыми такими тесёмочками... Направились мы с Ерофеем, естественно, в ресторан, чтобы отметить такое выдающееся событие, там немного задержались, а когда покидали ЦДЛ в двенадцатом часу, то услышали весёлый перестук пишущих машинок. Ибо, как гласил слух, срочно было вызвано с десяток машинисток, которые за ночь размножили наш альманах в пятидесяти (!) экземплярах. На знак копирайта им было плевать, равно, впрочем, как и нам, поставили для форсу, тогда об авторских правах никто понятия не имел... Если всё это неправда, пусть свидетель

Александр Кабаков.

Фото Александра Эшкина

и главный супостат «МетрОполя» тов. Кузнецов этот слух опровергнет. На следующий день стали знакомить с альманахом «писательскую общественность». Её разделили на две категории: одним, в ком были уверены, давали и даже навязывали текст для последующего его разоблачения, другим, малонадёжным, в желании ознакомиться с «идеологической заразой» отказывали.

А.К. Пятьдесят экземпляров такого объёма напечатать – это надо полгода.

Е.П. Нет крепостей, которые не могли бы взять большевики! Буквально через день-другой нас стали таскать к Феликсу Феодосьевичу и его поделенькам: покойному оргсекретарю Кобенко, имевшему прозвище «Кагэбенко», другим «секретарям», включая прогрессивного будущего «перестройщика» Олега Попцова и известного на всю писательскую округу поэта-почвенника Станислава Куняева, который, между прочим, сказал мне при первой встрече, что мои рассказы лично ему нравятся. Обрабатывали каждого индивидуально, несмотря на то, что являлись мы к начальству парочками: я с Ерофеевым,

Битов с Искандером. Васю Феликс весь день ловил, да так и не поймал. Мне начальник Кузнецов стал петь, что я парень простой, талантливый, из Сибири, а связался с эстетом Аксёновым, у которого миллион долларов на Западе, и он меня непременно кинет, используя. Ему бы с компетентными органами сразу бы проконсультироваться, они бы ему сообщили, что я уже в шестнадцать лет читал Джойса и выпускал в Красноярске с товарищами литературный журнал, который местные власти тоже признали самиздатским и разгромили, как умели.

А.К. Это говорит о том, что в их реакции (во всех смыслах этого слова) было очень много самостоятельности...

Е.П. Злобной самостоятельности...

А.К. ...которая была или не согласована, или плохо согласована с ГБ. Действовали они с энтузиазмом злобных дураков.

Е.П. И нанесли тем самым государству с кратким названием СССР вреда гораздо больше, чем мы. Витке Ерофееву они пели, что пошли ему навстречу, печатая его сложные статьи про Шестова и де Сада, а он их доверия не оправдал. Потом нас выгнали, велел хорошенько подумать, ввели Битова с Искандером. Ну, и под вечер мы все явились к Аксёнову, рассказываем ему, друг друга перебивая, подробности. Он же, не дослушав нас, набирает номер и говорит без «здравствуй» или «гуд дэй»: «Феликс, это ты? Ты что это ребят терроризируешь?». – «Вася, ты где?» – кричит Феликс. «Не важно где, – отвечает ему суровый В. П. Аксёнов. – Ты учти, что мы выйдем на Леонида Ильича». «Когда?» – спрашивает бедный Феликс. «А вот уж наше дело!» И хрясь трубку на рычаги! Мы онемели, но Битов не мог сдержать возгласа восхищения. «Крутой мэн», – высказался он тогда про Васю. И действительно, Феликс весь день парился по «метропольским» делам, а пришёл домой – и с порога получил не тарелку борща, а палкой по рогам от Васи.

А.К. Бедный, действительно...

Е.П. Потом, значит, началась индивидуальная обработка. Ко мне приставили сотрудника «Дружбы народов» критика Валерия Гейдеко, к Битову – Вадима Кожина, не помню, кто работал с Ерофеевым. Я Гейдеке вежливо объяснил, что дурного ничего не делаю и, собственно, не понимаю, что я должен прекратить? Ведь я уже принят в Союз писателей, у меня есть бумага, где секретарь Союза Лазарь Карелин поздравляет меня с приёмом и желает мне больше общественной активности.

А.К. Куда уж больше-то?

Е.П. Попытались заставить наших рекомендателей в Союз писателей «отозвать» свои рекомендации. С великой радостью сообщая, что ни один из них на это не пошёл. Ни Георгий Витальевич Семёнов, ни Николай Семёнович Евдокимов, ни Галина Васильевна Дробот, ещё одним моим рекомендателем был Андрей Битов, но с ним начальству и так всё было ясно. Николай Семёнович только спросил меня – представляю ли я последствия своего поступка? Я сказал, что представляю, а он сказал: «Ну и в добрый час!» Попили чаю и расстались на долгие годы. Вот. А потом, значит, был этот знаменитый секретариат, ровно за день до «вернисажа» альманаха. «Вернисажем» мы именовали то, что сегодня называется «презентацией». Тогда слова «презентация» в широком обиходе ещё не было. Для презентации-вернисажа сняли кафе «Ритм», что в Миусах, на улице имени чешского тов. Готвальда, ныне улица расстрелянного большевиками Чаянова. Там во время перестройки был кооперативный писательский ресторан «Нил», а сейчас снова кафешка.

А.К. На углу с улицей Фадеева, да? Напротив РГГУ?

Е.П. Совершенно верно. Директор этого заведения (тогда понятие «хозяин» отсутствовало) был приятелем Юза Алешковского и счёл за честь, когда Юз с Ахмадулиной туда явились. Сказал, что из уважения к таким персонам сам лично поедет на рынок, купит петрушку, кинзу... Всенародно извест-

ная поэтесса и автор песни «Товарищ Сталин, вы большой учёный»... Ему и в голову прийти не могло, что он антисоветчиков вознамерился принять. Вот по этому случаю и собрали экстренный секретариат Московской писательской организации.

А.К. Минуточку! А откуда они узнали про «вернисаж»? Вы им приглашение послали?

Е.П. Ага! Щас! Это ты меня спрашиваешь? Ты, может, с Луны свалился? Они пронюхали об этом по своим каналам. Кстати, к тому времени и в ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам, созданное в СССР в 1973-м в связи с присоединением Советского Союза к Всемирной конвенции об авторском праве) и в Госкомиздат (Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР), и в издательство «Советский писатель» мы с Ерофеевым по экземпляру альманаха, значит, уже занесли.

А.К. То есть они собрали секретариат, намереваясь пресечь эту акцию?

Е.П. Угу. Там с нашей стороны было пять составителей плюс сочувствующий Булат Окуджава, а с их стороны – целое кодро идеологических борцов. Например, когда Ерофеев вышел в коридор покурить, то следом за ним заседание покинул другой любитель табака, советский поэт Николай Грибачёв, который гордился тем, что имеет кличку «автоматчик партии». Он Ерофею сказал: «Ну что, сукины дети, попались? Что бы вы сейчас нам ни вякали, будет вам крышка». Они альманах в результате тут же осудили как антисоветскую акцию и сказали, что если вернисаж состоится, все участники альманаха будут исключены из Союза писателей... За исключением тех, кто в Союзе писателей не состоит. Это шутка моя, нынешняя... Заправлял судилищем всё тот же Феликс Феодосьевич. Сохранилась стенограмма, которую вёл я. Свою стенограмму они под шумок уничтожили во время перестройки. А нашу напечатала с комментариями в журнале «Новое литературное обозрение», 2006, № 82,

замечательная итальянская исследовательница Мария Заламбани из университета Форли. Рекомендую. Выглядит как пьеса театра абсурда. Мы все вечером после секретариата собрались и проспорили полночи – отменять вернисаж или нет. Отменили. По тактическим соображениям. Тем не менее, я утром к этому кафе пошёл, чтобы предупредить тех, кто ещё не знает об отмене. А там, смотрю, батюшки светы! В переулках чёрные гэбэшные «Волги», на двери объявление «Закрыто на санитарный день». Вижу, идёт к кафе корреспондент «Франс Пресс» с двумя красивыми бабами, читает объявление, и волчья улыбка антисоветчика озаряет его мужественное лицо. А вечером того же дня все «голоса» уже трубят о преследованиях писателей в СССР. Процесс пошёл, как потом говорил Михаил Сергеич. За такую рекламу миллион дают, понимаешь? А нам её Феликс Феодосьевич со товарищи устроил бесплатно. И если бы они на этом остановились, то это нас бы тоже устроило. Что им стоило напечатать альманах тиражом, например, в тысячу экземпляров, распределить по начальникам, как любой книжный дефицит, по экземпляру нам сунуть, остальное продать в «Берёзке» иностранцам-славистам?

А.К. Тогда им надо было не тыщу экземпляров печатать, а все пять. Тысяча только «по служебному назначению» ушла бы.

Е.П. Ну, пять. В те времена, когда средний тираж прозаической книжки был сто тысяч экземпляров, нас и это устроило бы. Клянусь! И скандала такого масштабного не было бы. Знаешь, почему? А потому, что эмиграция сначала, в первые дни развития событий, встретила «МетрОполь» довольно кисло. Максимов высказался в том смысле, что это советские писатели с жиру бесятся, хотят и рыбку съесть, и так далее. При обсуждении альманаха в эмигрантской газете «Русская мысль» звучала примерно та же аргументация, что и в конторе Феликса Феодосьевича, но только с другого боку. Для него альма-

нах был антисоветским, а для «Русской мысли» — советским, приземлённым, бездуховным. Старых эмигрантов шокировали грубости, эротика... Всё изменилось в одночасье, когда мы, благодаря глупому писательскому начальству, стали жертвами, понимаешь? Я невыгодные для себя вещи говорю, но это было так. Короче говоря, Карл Проффер, видя, что нас месят, и дальше будет только хуже, взял да и объявил, что у него есть экземпляр «МетрОполя», и альманах обязательно будет напечатан. Ещё на этом можно было успокоиться, но в феврале, это уже был февраль, День Советской Армии, вдруг появляется сдуру, как с дубу, в газетке «Московский литератор» огромный материал под названием «Мнение писателей об альманахе «МетрОполь»: порнография духа». Где «отметились» весьма даже уважаемые персоны, например писатель Сергей Залыгин, который сообщил городу и миру, что я графоман, и он меня ни за что не принял бы в Литинститут. «Порнография духа» — это, кстати, цитата из Вознесенского. Нет, чтобы самим что-нибудь такое эдакое, идеологиченькое придумать! Многих использовали. Старый писатель и ээк Олег Волков послал нам полный текст своего отзыва, где было сказано, что ему альманах понравился за редкими исключениями, которые он обругал. А «Литератор» напечатал только эти исключения. Старик Волков разрешил предать свой текст гласности «хоть на «Голосе Америки». Лев Гинзбург написал отзыв при условии, что он не будет опубликован. А когда обнаружил своё имя в вёрстке, устроил Кузнецову скандал, грозился, если его в это втянут, положить партбилет. Молодец! Его отзыва нет и, получается, не было! Появилось в том же «Московском литераторе» искромётное сочинение Феликса Кузнецова «Конфуз с «МетрОполем», затем его же опус с блатным названием «О чём шум?» Это была уже реакция на то, что пять ведущих американских писателей Эдвард Олби, Курт Воннегут, Уильям Стайрон, Артур Миллер и Джон

Апдайк — один из авторов нашего альманаха — выступили в нашу защиту. Желающие могут насладиться чтением отповеди Кузнецова зарвавшимся американцам в «Литературной газете» за 1979 год. Ну а потом мы уехали в Крым, а пока ездили, нас с Ерофеевым исключили из Союза писателей. В Коктебеле посетили в Доме творчества Фазиля Искандера, он нам и показал анонимную телеграмму: «Радуйся, двух ваших щенков наконец-то выкинули из Союза». Мы успокоили Фазиля, что таких анонимок было полным-полно, что это очередная туфта, но когда мы вернулись в Москву, и я только что вошёл в квартиру, раздался Васин звонок: «Ты знаешь, всё, к сожалению, подтвердилось. Вас исключили. Если вас не восстановят, я выхожу из Союза писателей». Я этого его звонка никогда не забуду. Он поступил как старший брат. Он знал, что я тут же узнаю об исключении, и мне станет страшно. А мне и было страшно, не стану врать.

А.К. И правильно, что страшно. Уволили бы тебя из твоего Художественного фонда, Ерофеева из ИМЛИ, а потом выслали бы из Москвы как тунеядцев.

Е.П. Ерофеева и уволили. Но на следующий день снова приняли. Сначала появился приказ, что он уволен из ИМЛИ, а на следующий день приказ, отменяющий увольнение. Стало быть, наверху борьба была по этому вопросу. А поле битвы — сердце ерофеевское... Ко мне же гэбэшники на работу пришли и велели Юре Дорошевскому, парторгу, саксофонисту, историку, любителю итальянской оперы и портвейна «Кавказ», писать на меня характеристику. Он и написал: работает в Худфонде с 1974 года, план в среднем выполняет на 140%, друзей на работе не имеет.

А.К. Блеск!

Е.П. Они ему говорят: «Ты, видать, что-то перепутал, ты, может, думаешь, что мы ему орден хотим дать?» А Юра, Царство ему Небесное, отвечает: «Мне, как коммунисту, партийная совесть велит писать только то, что я знаю. Если он провинился в Союзе писателей, то

пускай его там и обсуждают. А здесь он работает хорошо, и я, как коммунист, не могу идти против своей совести». Вот такие дивные люди водились в Стране Советов, где мой вечно пьяный Худфонд выгодно отличался от Союза писателей. Они своего не сдали!

А.К. А теперь я тебе хочу сказать следующее. Та позиция, которую я сейчас займу, называется «адвокат дьявола». Я буду задавать тебе крайне неприятные вопросы, которые, рассуждая о «МетрОполе», задают крайне неприятные люди и иногда сами же на эти вопросы отвечают. Вопрос первый: вы что, ребята, дурачков из себя строите? Если в государстве существует предварительная цензура, то всякая попытка бесцензурного издания – никакая не литературная акция, а акция политическая.

Е.П. Дальше, начальник!

А.К. Вы не понимали, что вы делаете? Вы не понимали, что это вызов? В связи с этим – второй вопрос. Вы понимали, что, маскируясь этим самым вашим так называемым «альманахом», отщепенец Аксёнов просто-напросто готовит себе почву для отъезда? Ты отвечаешь: нет, ибо собственно идею высказал не Аксёнов, а Ерофеев. А я тебе: идея, допустим, Ерофеева, но Аксёнов за неё уцепился, и вы не могли не предполагать – вы и предполагали, ты это сам говоришь – что рано или поздно конфликт с истеблишментом приведёт к тому, что альманах окажется на Западе и будет там издан. Это с одной стороны. С другой стороны, и Ерофеев, и ты были лично заинтересованы в таком издании, потому что вас не печатали. Другие заинтересованные лица стали составителями, остальные в это дело попали по-разному. Кто с Аксёновым дружил, кто хотел легализовать вторую половину своей жизни. Как, например, Саггир, у него была легальная половина жизни – детские стихи и мультфильмы, и нелегальная – авангардистские стихи. Как Высоцкий, которому только птичьего молока не хватало, но он хотел быть поэтом, хотел быть

признан как поэт. Нет, дружок, акция эта не была литературной, эта акция была направлена против политической цензуры, существовавшей в государстве с начала власти большевиков, – то есть против этого строя она была направлена и лишь потом против Союза писателей, который только в таких советских условиях и мог существовать! Далее: Аксёнов уезжает. В пролёте вы с Ерофеем, зачинщики. Липкин с Лисянской, вышедшие из Союза, страдают больше всех. Кто-то тут же включает задний ход и снова возвращается, как блудный сын, в официоз. Именно так представляется история «МетрОполя» недоброжелательному, но вполне трезвому взгляду.

Е.П. Значит, так. Дураков мы из себя не строили, поскольку ими не были. Мы действительно довольно агрессивно говорили о том, что Союз писателей неправильно устроен. Вот Фазиль Искандер, например, которого трудно заподозрить в неискренности или расчёте, он на секретариате сказал, что это – шулерство, когда у Попова, то есть меня, три положительные рецензии в издательстве «Советский писатель» на книжку, и на основе этих трёх положительных рецензий пишется отрицательное редзаклучение. Это был бунт внутри Союза писателей, и я не собираюсь строить из себя «борца за права человека».

А.К. Бунт прямой, открытый.

Е.П. Но никто ведь из нас не кричал: «Долой советскую власть!» Предлагали в общем-то некоторые меры, чтобы эта власть была, допустим, ещё краше. В той стенограмме даже у Василия Павловича есть слова: «Так пускай ещё богаче будет наша литература». Это он в ответ на разглагольствования кого-то из начальствующих совписов о том, что мы и так живём в замечательное время, когда печатаются крайне острые вещи, например, в деревенской прозе. Такие аксёновские, да и наши фразы можно считать, конечно, уловками, они и были частично уловками, но сейчас, когда прошло уже столько лет, и врать реши-

тельно незачем, я думаю, что была в таких репликах некая конформистская истина, желание расширить размеры клетки, в которой мы все сидели. Мы хотели создать прецедент, приемлемый хотя бы для части советского начальства. Ещё раз привожу к собственной невыгоде пословицу алданских бичей: «Мы не из тех, что под танки бросались и первыми входили в города». Потому что, как говорится, возможны были варианты и компромиссы, понимаешь? И – сеанс саморазоблачения продолжается! – ты заметил, например, что в альманахе нет настоящих диссидентов – ни Войновича, ни Владимирова, ни Копелёва. Потому, что нас в этом случае тут же обвинили бы в том, что мы создали антисоветскую диссидентскую контору. А официальный писатель Трифонов, например, которого Аксёнов позвал в альманах, отказался и честно сказал: «Ребята, у меня своя игра». Он в это время печатал в американском «Ардисе» роман «Отблеск костра» – про расстрелянного отца, про репрессии тридцать седьмого. Не знаю, как там было с Окуджавой, не моя компетенция, Аксёнов с ним одно время был в ссоре. Знаю про Евтушенко. Он меня однажды спрашивает: «Женя, почему вы не взяли меня в альманах «МетрОполь»?». Я отвечаю: «Мы с Вами, Евгений Александрович, люди разного поколения. Я в альманахе отвечал за своё поколение, а ваш друг Василий Павлович за ваше. Вот вы его и спросите, почему». Он говорит: «Если бы меня взяли, то никакого «МетрОполя» не понадобилось бы, мы бы и так все вопросы решили». «Вот потому, наверное, и не взяли», – не удержался я. Так что, в принципе, дело «МетрОполя» не было дурацким или безумным предприятием. Оно имело шанс. Тем более что всё это происходило в 1979 году, а в 1985-м уже перестройка началась, понимаешь? И в конце восьмидесятых «МетрОполь» вряд ли оказался бы таким же эксклюзивным, экзотическим предприятием. И я, ты знаешь, своей судьбой доволен. Потому, что, извини за прямоту, я

играл – и в конечном итоге выиграл. Но мог проиграть очень сильно, понимаешь? Впрочем, хватит об этом. У нас ведь книга о Василии Павловиче, а не обо мне.

А.К. Выиграл, да. Хотя возможны были неприятные варианты.

Е.П. А неприятности в любом случае были предreshены. Если бы не «МетрОполь», мне рано или поздно всё равно пришлось бы печататься на Западе. Ведь это не то шизофрения, не то паранойя, когда тебя не печатают, когда ты берёшь слева чистые листы бумаги, исписываешь их и кладёшь справа. И – всё! Безо всякого движения! Результата! Отклика! И так годами, десятилетиями... сколько это могло продолжаться? Я для сохранения своего душевного здоровья участвовал в альманахе «МетрОполь». И думаю, что многие из моих товарищей – тоже. Включая и Василия Павловича. Я уже рассказывал, какое было первоначальное отношение к «МетрОполю» у эмигрантов на Западе, но ведь и здесь «круги андеграунда» иногда ехидно именовали его «диссидентским «Огоньком», то есть изданием на потребу. Мне об этом Юра Кублановский рассказывал, он более моего был связан с «литературным подпольем».

А.К. Что ж, довольно остроумно.

Е.П. И я тебе сейчас даже ещё больше скажу в припадке откровенности: если бы конкретно пошла речь о публикации альманаха в СССР, то я не уверен, что мы не пошли бы на изъятия и замены, при сохранении, разумеется, числа всех авторов. Но они нам такой возможности проявить слабинку не дали, пришлось быть героями.

А.К. Это Феликс Феодосьевич себе карьеру делал с вашей помощью.

Е.П. Он её и сделал в конечном итоге.

А.К. Он мог бы лучше карьеру сделать, если бы поддержал вас. Имел бы тогда репутацию царя-освободителя, а не палача «МетрОполя». Хотя... вот этими папочками с тесёмочками, независимым поведением вы спровоцировали эту литературную шпану, и она на

вас кинулась. Вы не могли не понимать, что они кинутся на вас первыми, так уж они были устроены.

Е.П. Странно... надеюсь, что не лукавлю, однако нет, не понимали. Потому что жизнь уже была чуть-чуть другая, чем при классических Советах. Не свобода, а вольность стала появляться... хотя бы внутри нашей метропольской компании. Компания-то была замечательная, понимаешь?

А.К. То есть вы рассчитывали, грубо говоря, что вам уступят? Сдадут назад как при возможности столкновения, ну, двух самолётов, например? Вы ведь им в лоб пошли и что, думали, они уйдут в сторону?

Е.П. Да.

А.К. Или сдадут назад?

Е.П. Совершенно верно. Нам казалось, что так было бы логичнее, если бы они чуть-чуть пошли на попятную. У советской власти масса была способов обволакивать людей. К примеру, начать в микроскопических дозах печатать меня и Ерофеева. Простить Аксёнову антисталинский «Ожог»...

А.К. И напечатать отрывки из него, как сделали с битовским «Пушкинским домом».

Е.П. Совершенно верно. Но для этого нужны были воля и разум исполнителя. Так что советская власть пусть Феликса Феодосьевича со товарищи благодарит за этот международный скандал, последний крупный литературный скандал канувшей эпохи.

А.К. Если бы Вася действительно имел целью на «МетрОполе» въехать на Запад, и он должен был бы за это благодарить Феликса Феодосьевича. Но только я тебе замечу, если уж мы заговорили в таких категориях – ему ведь было выгоднее здесь остаться. Если уж говорить о его личной судьбе. «Ожог» он мог бы со временем издать на Западе, живя здесь. Посадить бы его явно за «Ожог» не посадили бы. Не те времена.

Е.П. Вася и без «МетрОполя» был на Западе суперпопулярен, не меньше, чем в СССР.

А.К. Ну, да. И если бы они не были идиотами, то могли сказать: «Ладно, хрен с вами, напечатаем ваше говно. Выкиньте вот две песни Высоцкого, антипартийную «Дублёнку» Бориса Вахтина, ну и Алешковского, потому, что он уже уехал в Израиль и, стало быть, не является советским писателем...»

Е.П. Кстати, вот ещё одно доказательство того, что мы не лезли этим чертям на рога. Мы же не напечатали в альманахе самую крутую песню Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой учёный»...

А.К. ...И вы бы ответили «товарищам»: «Хорошо, товарищи, «Дублёнку» мы убираем, но ставим другой текст замечательного писателя Бориса Вахтина, сына знаменитой Веры Пановой. А вот Алешковского не уберём...» И если бы они на это пошли, то и вам некуда было бы деваться. И прослыли бы вы среди ярких диссидентов конформистами.

Е.П. И ещё, извини, Вася многих участников «МетрОполя» не знал. Откуда он знал, что они его не сдадут? Покаялись бы, и развалился бы альманах. Так что это была одна из самых подлых акций, я имею в виду кем-то пущенный слух, что он «МетрОполем» готовил себе почву для отъезда.

А.К. Полагаю, что это тоже Кузнецов придумал.

Е.П. Я тоже так думаю. По крайней мере, явно не гэбуха.

А.К. Пожалуй, что и так. Не их почерк. У них другие представления о «почве» и «отъезде».

Е.П. «МетрОпольцы» члены СП пострадали, но были ведь люди, я уже об этом неоднократно говорил в других главах, которым альманах был в плюс. И у Кублановского, который к двухлетней годовщине высылки Солженицына из СССР напечатал «открытое письмо» в парижской «Русской мысли», где приглашал Исаича обратно, и у Карабчиевского, автора НТСовских «Граней», дело явно шло к посадке. А тут они оказались в одной компании с Вознесенским, Ахмадулиной, Высоцким... Нельзя са-

жать таких товарищей... И всё-таки для многих из нас, практически для всех его участников, «МетрОполь» стал одним из самых важных жизненных моментов, понимаешь? И для Васи – тоже. Наряду с хрущёвским погромом в Кремле... У нас за время гонений образовалась даже некоторая такая... коммуна, что ли. Хотя все были совершенно разные – западник Баткин и православный неофит Тростников, классический Липкин и авангардный Сапгир...

А.К. И ещё одна важная вещь. Были писатели советские, были антисоветские. А получилось, что и советские взбунтовались. Что нету у режима верных вполне слуг.

Е.П. И в альманахе мы все были лично заинтересованы. Я помню, Высоцкий пришёл ко мне вычитывать вёрстку, и в это время позвонил один из несостоявшихся авторов, чтобы сказать – он принимать участие в альманахе отказывается, боится последствий. Я, было, огорчился, а Высоцкий говорит: ну и хрен с ним, раз испугался нашего дела. И мы с ним принялись выдирать стихи этого автора из всех двенадцати экземпляров.

А.К. Имя этого автора я не спрашиваю.

Е.П. А я и не скажу. Так что самую дурную роль в нашем деле не ЦК сыграл, не ГБ, а шайка под названием Союз писателей. Когда начались новые времена, в газете «Куранты», ныне не существующей, были опубликованы документы из тех, что потом опять ушли в спецхран. Например, переписка Андропова и Суслова по поводу альманаха «МетрОполь». Я просто ахнул от глупости и вранья, источник которого, разумеется, Союз писателей. У вас, мерзавцы, страна рушится, Афган бушует, а вы такой хернёй занимаетесь, как литературный альманах! Там в этих письмах «по оперативным данным» был понаписан всякий бред. Например, что на квартирке покойной писательницы Евгении Гинзбург состоялась подпольная сходка участников так называемого альманаха «МетрОполь», где Фазиль

Искандер предложил устроить террор внутри Союза писателей, а Евгений Попов предложил восстать в книгах и сказал, что находится на позициях Солженицына. Это ж надо было такое придумать! Я спросил многоопытного главу «Мемориала» и сидельца Арсения Рогинского: «по оперативным данным» это подслушка, что ли? Нет, отвечает, стукачи. Андропова накручивали из Союза писателей, а он враньё передавал по инстанции дальше. Все при деле. Все работают. Все бдят. Пора принимать меры.

А.К. Ну, это тоже одна из любимых гэбэшных версий: «Что вы, ребята, к нам пристаёте? Ведь это ваши товарищи из Союза писателей (художников, композиторов, общества слепых) – вот кто на вас стучал, а мы всего лишь реагировали». На мой взгляд, и ГБ, и тогдашний Союз писателей, и те и другие – палачи, только одни – профессионалы, а другие – любители. Одни заинтересованы в том, чтобы править свою службу, за которую им платят зарплату, а другие искренне ненавидят чужой талант и успех. Офицеру КГБ, который тебя курировал, на фиг ты лично сдался? Он мог испытывать к тебе злобу лишь тогда, когда ты доставлял ему дискомфорт. Например, он тебя пасёт, а ты его весь день таскаешь по морозу. Зато твой коллега по Союзу писателей желчью исходил от одного факта, например, твоей публикации в «Новом мире» с предисловием Шукшина. «Я, сука, всю жизнь без толку отираюсь по издательствам, а этому сопляку антисоветскому всё на блюдецке с голубой каёмочкой подносят! И Аксёнов во всё иностранное одет!»

Е.П. Реплики из стенограммы секретариата выдают их с головой. Старый пропагандист-международник и кадровый борец за мир Юрий Жуков лепит про развращённых «шестидесятников»: «Это что же такое? Мы их за границу пускаем, дачи даём, а они даже в партию вступать не хотят!» А про гэбэшников великолепно выразился Солженицын: «Волкодав – прав, людоед – нет». Вер-

ченко – волкодав, так у меня к нему и нет никаких претензий.

А.К. Ну, у Солженицына это в другом смысле... В общем для гэбэшников вы были объект работы, а для писателей – предмет личной, живой, человеческой ненависти.

Е.П. И потом, я ведь действительно не был диссидентом в прямом советском смысле этого слова. Разумеется, с одной стороны, я не хотел сидеть в лагере, где оказались многие уважаемые мной героические личности сопротивления Советам, с другой – они были для меня персонажами. Вот я тебе расскажу. Вдруг в разгар всех этих дел мне назначает таинственную встречу Пётр Маркович Егидес, издатель самиздатского журнала «Поиски»...

А.К. Знаю его, марксист.

Е.П. Легальный марксист, сидевший за правильного Маркса в советской психушке. В «Поисках», кстати, начал свою активную диссидентскую деятельность нынешний проправительственный политолог-политтехнолог Глеб Павловский, в те годы «дзен-марксист». Войнович и Владимов сотрудничали с этой группой инакомыслящих.

А.К. Легальные марксисты были до революции. Егидес как раз был НЕлегальный марксист, за что и пострадал.

Е.П. Да мне всё равно – легальный-нелегальный. Меня никакой вид марксизма не интересует, хоть ты мне его сахаром обсыпь. Егидес назначает мне таинственную встречу в куцах у метро «Проспект Вернадского». Озираясь по сторонам в чайнии «хвоста», мы углубляемся в лес. Там Пётр Маркович мне и объявляет: «Мы должны объединиться. Группа «Поиски» и группа «МетрОполь». Будем вместе выступать против нарушений прав человека в СССР». Я отвечаю, что сие невозможно, потому что никакой «группы «МетрОполь» не существует, а есть двадцать пять совершенно разных, в том числе и по убеждениям, людей, которые занимаются только литературой. Он мне возражает: «Но ведь литература – это часть политики...»

А.К. Марксист, марксист!

Е.П. Я рассмеялся и сообщаю: «Вы знаете, Пётр Маркович, при всём уважении к Вам, но мне сегодня утром то же самое говорил Феликс Феодосьевич Кузнецов у себя в кабинете». – «А вы считаете по-другому?» – «Разумеется. Политика – часть литературы». – «Это почему же?» – «А потому, что мы сейчас разойдёмся, и что вы сможете про меня сказать, когда придёте домой? Аполитичный, колеблющийся мелкобуржуазный представитель московской богемы. А для меня вы – персонаж. Я про вас могу целый роман написать. Про ваше детство босоное, и как вы сначала любили советскую идеологию, а потом в ней разочаровались...» Надо сказать, к его чести, он, значит, засмеялся, махнул рукой и всё, понимаешь?

А.К. Ну, да.

Е.П. Потом его всё-таки выперли за границу. Я ещё, кстати, опять же... не знаю, для чего это сейчас тебе рассказываю, но в утро его отъезда я вдруг взял да поехал ни с того ни с сего в Шереметьево-2, хотя, как видишь, никаких особых отношений у нас не было. Этих «поисковиков» к тому времени многих уже пересажали, поэтому Егидеса с женой провожал только диссидент, если не ошибаюсь, Юрий Гримм, которого тоже посадили – через день-другой. Да какой-то провинциальный, тоже «правильный марксист». Тоже совершенный персонаж. С диссидентской «звериной серьёзностью» рассказывал мне на обратном пути из Шереметьева, как его КГБ «спровоцировал, обвинив в спекуляции». Выяснилось, что он по возвращении из Москвы на Украину пытался толкнуть в местном магазине пару джинсовых рубашек. На моё замечание, что это есть нарушение советского закона – не важно, хорош он или плох, он отвечал: «Но жить-то ведь как-то надо»? Персонажи... Егидес сказал мне, что уезжает в эмиграцию, потому что его туда «кооптировала группа «Поиски». По приезде на Запад немедленно вступил в какой-то там социалистический интернационал и

вскоре уже качал права с трибуны, выступая против каких-то других, неправильных социалистов. Так что не был «МетрОполь» диссидентской затеей и диссидентским «Огоньком», не был.

А.К. То есть «МетрОполь» для тебя, или можно сказать «для вас», являлся таким же сборником в рамках советской игры, как разгромленные, но всё же вышедшие большим тиражом в Калуге «Тарусские страницы» или знаменитый «оттепельный» альманах «Литературная Москва» под редакцией Каверина, Паустовского и других уважаемых литераторов?

Е.А. Не буду возражать. Мог бы, но не буду. Когда я после «МетрОполя» попал в андеграунд и вдруг оказался на дне, как в пьесе Максима Горького, то с удивлением обнаружил, что и там вершится своя, огромная, отдельная жизнь. Есть свои кумиры, генералы, изгои, диссиденты. Такая же неприязнь к инакомыслящим, как в Союзе писателей, такая же зависть. Одна существенная разница: вместо высоких гонораров и переделкинских дач – вызовы на Лубянку, обыски, прокурорские предупреждения.

А.К. Вот и получается, что вся история «МетрОполя» – это история самоубийственного кретинизма советской власти, который она проявляла, впрочем, не только в отношениях с художественной интеллигенцией. Надо было на нефтяные деньги покупать джинсы и мясо для трудящихся, а не бесплатно гнать «калашниковы» в Африку. Не были бы такие дураки, ещё просидели бы лет двадцать или тридцать.

Е.П. Если не больше.

А.К. А может, и больше. Хотя, знаешь, вряд ли, если у той власти были такие слуги, вроде Феликса Феодосьевича.

Е.П. Если бы секретаря Союза писателей Верченко после перестройки не погнали со двора, то думаю, что он, старый гэбэшник, верно служил бы и новой власти. Глядишь, не распродали бы тогда совписовское имущество неизвестно кому и как, все эти дома твор-

чества, поликлинику... Моего, впрочем, там ничего нет. Имущества.

А.К. Моего тоже. И не с «МетрОполя» всё это в Союзе писателей началось. Им крикнули «ату», и они тут же с удовольствием принялись травить Ахматову и Зощенко.

Е.П. Думаю, что Верченко, к которому стекались все их доносы, цену господам-товарищам писателям прекрасно знал. Мы ведь с ним встречались много раз. Смотри, какая разница: Кузнецов, когда я ему сказал, что нас не по уставу исключили, стал нам доказывать, что по уставу. А Верченко просто сказал: «Ну, какая тебе разница, Женя? По уставу, не по уставу... Возьмём да и изменим устав, если нужно станет... давай лучше о деле говорить...»

А.К. О каком деле?

Е.П. А о том, чтобы мы с Ерофеевым писали покаянку. Тогда нас восстановили бы в Союзе писателей. А мы хотели, чтобы нас восстановили в Союзе писателей, но покаянку чтоб не писать. Это и была суть нашего дела. Так вот, однажды нас вызвали к Верченко, а там у него сидит тот самый Лазарь Карелин, который меня с приёмом в Союз писателей поздравлял. И говорит этот Карелин Ерофееву скорбным голосом: «А ведь я вас, Виктор, ещё два месяца назад предупреждал, что добром это дело не кончится». Ерофеев, чтобы хоть что-то ответить, говорит: «А я вас уже полгода не видел». – «Как так? Помните, мы встретились в нижнем буфете ЦДЛ?» – «Не помню...» Тут Верченко этот содержательный диалог прерывает и с наслаждением (подчёркиваю!) Лазарю Карелину говорит: «Ладно, Карелин, ты нам тут Лазаря не пой! Иди отсюда, нам работать надо!» И старый почтенный писатель Карелин удалился, втянув голову в плечи. А вместо покаянки мы написали заявление такого примерно содержания «Я, такой-то, был принят в Союз писателей тогда-то, исключён из Союза писателей тогда-то, прошло много времени, я многое понял в жизни, прошу восстановить меня в Союзе

писателей». Всё. Больше ничего там не было, понимаешь. А то, что я дальше расскажу, ещё одна иллюстрация, ещё одно доказательство, что никуда бы Вася не уехал, если б не принудили его к этому «товарищи».

А.К. Так, интересно.

Е.П. Вдруг нас вызывают на секретариат Союза писателей РСФСР, что в Хамовниках, там, в этом здании с колоннами, теперь достойный преемник СП РСФСР – Союз писателей России. Мы встревожились и пошли к Верченке, потому что так не договаривались, что нас будут вызывать для восстановления. Верченко нас не принимает, зато вдруг появляется запыхавшийся Михалков и говорит нам (извини, сохраняю его и нашу лексику): «Вы хули сюда пришли?» – «Потому что наябывают», – отвечаем. «Никто вас не наябывает, не будьте мудаками, и завтра вас восстановят. Я начальник этой конторы – он имел в виду Союз писателей РСФСР – и говорю вам: всё, идите домой, нечего вам здесь делать, завтра вы будете восстановлены». Мы уходим. Мы едем к Васе в Пахру и говорим: «Вася, вот такой-то и такой-то был разговор. Вот что сказал гимнопевец». Вася думает, думает, а потом говорит: «Слушайте, вроде бы вас завтра действительно восстановят. Я там член какой-то там ревизионной комиссии, что ли, и мне по инерции прислали бумагу на какое-то там их заседание. Если вас завтра восстановят, я послезавтра иду на это заседание. И всё! Жить будем здесь!» Это его фраза была, я эту фразу хорошо запомнил.

А.К. Жить будем здесь, значит...

Е.П. Ну, и на следующий день состоялся этот тоже знаменитый секретариат в Хамовниках. Однако с него у меня стенограммы уже нет, хрен бы мне её там дали вести, когда я стоял перед ними навтыжку. Их стенограммы тоже нет, скорей всего уничтожили, чтобы не досталась врагам или грядущим поколениям. Итальянская исследовательница Мария Заламбани искала эту стенограмму в архивах – ни-

чего нет, никаких документов. Но ведь был же этот секретариат 21 декабря 1979 года, который длился три с лишним часа! Сначала меня допрашивали минут сорок пять потных разгневанных мужчин, потом Ерофеева. Поодиночке, чтоб мы не сговорились. И всё это стенографировалось, там сидели стенографистки. А потом нас завели вдвоём, чтобы зачитать приговор: ничего не поняли, не осознали, никаких выводов из случившегося не сделали. Председательствовали Михалков и Бондарев. Главным спикером был, естественно, Феликс Феодосьевич Кузнецов, ещё там сильно шустрил такой Николай Шундик из Саратова. Бондарев, зная, что ведётся стенограмма, изображал из себя глухонемого, своё возмущение нашим поведением показывал жестами, как один из жуликов в «Приключениях Гекльберри Финна». А Михалков вёл себя, надо сказать, довольно интересно. Я, видя, что терять уже нечего, отвечал на вопросы секретарей относительно дерзко, и когда раздался чей-то гнилой голос, что, дескать, хватит с этим подонком разговаривать, Михалков тут же окоротил автора реплики. Дескать, нет, товарищи, мы должны всё изучить, мы должны определить всю глубину падения молодого человека... А этот Шундик сдал нам Даниила Гранина.

А.К. То есть, как так «сдал»?

Е.П. А так, что я во время всех этих воплей отдыхал зрением на интеллигентнейшем, вдумчивом лице известного, ныне демократического ленинградского писателя Даниила Александровича Гранина. Пока Шундик не подытожил в конце: «Правильно сказал Даниил Александрович Гранин – в Союзе писателей им делать нечего». Я при этих словах ещё раз посмотрел внимательно на Даниила Александрыча, а он так это – раз, и глазки убрал. Так что какие у меня могут быть претензии к Верченке? Да и к Михалкову. Михалков напоследок нам сказал вполголоса: «Ребята, я сделал всё, что мог, но против меня сорок человек».

А.К. Скажи, пожалуйста, а когда Вася подал заявление о выходе из Союза писателей?

Е.П. Он подал его в тот день, когда узнал, что нас исключили.

А.К. А вот вас восстанавливают. Что бы он делал?

Е.П. Ничего. Он написал в сослагательном наклонении, что выйдет из Союза писателей, если нас не восстановят. А когда нас не восстановили, то на следующий же день отправил им по почте свой звёздный аусвайс в писательский рай. То же самое сделали Инна Лиснянская и Семён Липкин.

А.К. И на этом «Подлинная история альманаха «МетрОполь» заканчивается?

Е.П. Пожалуй, что да. Мы с Ерофеем вышли с этого секретариата злые, как собаки. На улице нас дожидался Крэг Уитни из «Нью-Йорк Таймс», и вскоре

эта почтенная газета вышла с шапкой «Прекрасный подарок Союза советских писателей к 100-летию Сталина, — говорят молодые писатели Попов и Ерофеев». 21 декабря 1979-го «отцу народов» как раз сотня исполнилась. Мог бы и дожить, в принципе...

А.К. Ну, а ещё через несколько дней, 25 декабря 1979-го были введены советские войска в Афганистан.

Е.П. А 20 января 1980-го президент США Джими Картер объявил о бойкоте летних Олимпийских игр в Москве.

А.К. И, очевидно, в Политбюро сказали: «Всё! Хватит детантов ??? этих, разрядок. Будем афганцев ??? воевать и гайки закручивать...»

Е.П. А советские писатели, как умные, чуткие животные, опять оказались впереди прогресса.

А.К. Наступили иные времена.

ВЕНОК СОНЕТОВ

Дина
Мухамедзянова

143

Замкнулся круг

1

Замкнулся круг. Вовек мне не уйти,
 Пусть шхуна ждёт и зной Мадагаскара,
 Я странствия оставлю позади,
 Пусть ждут меня гоненья здесь и кара,
 Мне всё равно. Что толку мне блуждать
 Без цели по свету, когда нет в сердце лада?
 Наступит день, и ты устанешь ждать,
 И та любовь, что прежде мне наградой
 Бесценною была, причиной горьких мук
 Вдруг станет и слезой падёт в ладони,
 Коль станет ясно: я тебе не друг,
 Коль мой сонет души твоей не тронет,
 Но страсти скрыть моей, увы, нет силы
 От этих глаз, что мне до боли милы.

Дина Мухамедзянова родилась (1983) в Казани. Окончила Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова по специальности лингвист-преподаватель (английский и немецкий языки), а также Испанскую школу образования и культуры при КГУ. Поэт-переводчик. Член ЛитО «Белая ворона». Лауреат фестиваля Галактика Любви (2003), II место в конкурсе «Алло, мы ищем таланты» (Мэриленд, США), финалист конкурса переводчиков «Казанский форум» (2004), победитель конкурсов перевода испанской поэзии (2006, 2009 гг.). Член жюри (заочно) конкурса переводов испанской поэзии (2012) в рамках Недели испанского языка и культуры. Публиковалась в журналах «Пролог», «Венок Есенину», «Mundo Eslavo», «Идель», в поэтических антологиях «Sentimientos Enfrentados», «VoiceNet.com», альманахах ЛитО «Белая ворона» и др.

2

От этих глаз, что мне до боли милы,
Не скрыться мне, и в том моя беда,
Что с первых дней любить и до могилы
Мне суждено, но всё же без следа
Сгореть придётся, коль забудешь ты
Моё лицо, и все сонеты разом
Предашь огню, но знай, что теплоты
То пламя не несёт, и будешь ты наказан
Когда-нибудь за слёзы, что в тиши
Мне проливать здесь поздно или рано,
За каждый стон израненной души,
Что сплетнями рождён, за то, что этой раны
Не излечить, и мук тех не снести,
И сил уж нет сказать тебе: «Прости...»

3

И сил уж нет сказать тебе: «Прости»,
И сил уж нет с тобой расстаться ныне,
И лгут уста, что шепчут: «Отпусти».
Пусть говорят, виной всему гордыня
Была моя, и бедный музыкант
Не ровня мне, что роскоши и славы
Не ведать с ним, хоть знают все: талант
Твой равен Моцарту, но сплетен тех отравы
Пришлось испить с тобою нам до дна,
И без вины страдать, Франческой и Паоло
Назвал бы Данте нас, но в чём моя вина?
Что очи опустить при встрече нашей долу
Я не смогла? И этим оскорбила?
К чему скрывать? И раньше я любила.

4

К чему скрывать? И раньше я любила,
И встреча первая в душе моей жила,
И силы нет такой, чтоб вдруг убила
Мою любовь. Ни сплетен и ни зла
Я не боюсь, хранит Святая Дева,
Меня от бед и радость дарит мне
Молиться за тебя с минуты первой
И жить тобой, пусть даже лишь во сне,
Мы были рядом, и, не зная лени,
Писали вместе трепетный романс,
И звёздам лишь одним о сокровенном
Поведали, но в жизни этой нас
Смешают с грязью, но любить всегда
Тебя лишь одного, и в том моя беда...

5

Тебя лишь одного, и в том моя беда,
Любить мне суждено и каждый раз прощаться
С тобою вопреки желанью быть всегда
С тобою рядом и не разлучаться,
Уходишь ты, а я сижу одна
В пустынном зале, и не вижу света
Полночных звёзд, и бледная луна
Разделит боль со мною до рассвета,
Ведь знает: лишь в тебе вся жизнь моя,
И лишь в тебе ищу я вдохновенье
И лунной ночью, и при свете дня,
И каждый миг с тобой – благословенье.
Мой милый Друг, забуду я едва ли
И слово каждое, и каждый звук рояля.

6

И слово каждое, и каждый звук рояля
Забуть не в силах я, но помнишь, как стихи
Из Библии старинной мы читали,
На той скамейке сидя? Есть грехи
У каждого, но сплетня та смешна,
Что слышали с тобой неоднократно
Во время службы. Если и грешна,
То прямою. И пусть не всем приятна
Порой она, страшнее растоптать,
Унизить, оскорбить и беспощадно
Глумиться над душой, и после ждать
Здесь милостей! Пусть жизнь порой нещадно
Калечит нас, но трепетное «да»,
Храню в душе, и будет так всегда...

7

Храню в душе (и будет так всегда)
Твой каждый взгляд, и знаю, в этой жизни
Мне суждено любить тебя, и та
Святая нежность мне дана до тризны.
Пусть скажут: это всё слова, слова,
Не верь стихам, ведь речи поэтессы
Всего лишь дополнение колдовства,
Которым наградить способны бесы
Лукавых ветрениц, которым не дано
Найти забавы лучше, чем смеяться
Над робостью, а после пить вино
С гусарами, но нет причин бояться,
Ведь помню, что глаза твои сказали,
И встречу нашу в том пустынном зале.

И встречу нашу в том пустынном зале,
И первый день с тобой, и месяц без тебя,
И твой весёлый смех я помню и печали,
Что в музыке твоей и слово «не судьба»,
Всё помню я. Какая в том нужда,
Коль ты меня однажды смог оставить
И убежать? Ах, если б знать куда
Ты держишь путь, и можно ли исправить
Ошибки прошлого? Иль нет уже пути
В тот милый храм, где ты играл хоралы?
И к счастью нам дороги не найти?
Ужели нам страданий было мало
Ниспослано? Но знай, средь этих бед
Мне не забыть, где музыка и свет...

Мне не забыть, где музыка и свет
Твоей свечи мне душу излечили,
Где стих читала я, и ты писал ответ,
Где сплетни нас с тобой едва не разлучили,
Мне дорог этот храм, ведь встречу подарил
Под сводами его Всевышний нам однажды,
И тихая молитва, что творил
За всех родных сюда входящий каждый
На Рождество, на Пасху и Адвент,
И в светлый день венчанья иль причастья.
Казалось нам, что места злобе нет,
В сердцах людей, и ждёт нас только счастье,
Во храме где (пусть это лишь мечтанья)
Венчали нас, где радость и страданья...

Венчали нас, где радость и страданья,
Где Музыка звучала, и стихи
Тебе читала я, где ищет оправданья
Моя душа, и все её грехи
Простили небеса, и дивный свет
Наполнил зал, и наши все моленья
Услышал Бог, и только людям нет
Покая, и от сплетен нет спасенья
Сегодня нам, ведь с раннего утра
Сидели рядом мы, и этим виноваты
Мы пред Христом, и нас давно пора
Изгнать из церкви той, где мы когда-то
Увидели, как Музыка и Свет
Слились в одно, и Солнцем стал сонет.

11

Слились в одно, и Солнцем стал сонет.
Весенние лучи и трепетные строки,
Что от любви рождаются на свет,
Но нам с тобой, увы, не по дороге,
Ты к тётке убегаешь, я к друзьям
С весёлостью притворной возвращаюсь,
Но щебетать подобно воробьям
Недолго нам, и с ними я прощаюсь,
Пустеет зал, а вместе с ним скамья,
Что нас с тобой однажды приютила,
Пустеет храм, и крики воронья
Пророчат нам разлуку, и нет силы
В стихах излить, как прежде, все страданья,
Наполнив вдохновеньем мирозданье.

12

Наполнив вдохновеньем мирозданье,
Ты музыку писал, и это волшебство
Живёт в душе, и все мои страданья
Не мучают уже, и больше ничего
Нас не страшит: ни сплетни, ни проклятья,
Ни подлости, ведь ангел нас хранит
От бед и зла, и знай, что буду ждать я
Приезда твоего, пока в душе горит
Огонь любви, пока не перестану
Дышать тобой и думать лишь о том,
Что день счастливый вновь для нас настанет
И радостью наполнит милый дом,
Признание где моё услышишь вдруг:
«Лишь для тебя пишу я, милый Друг».

13

Лишь для тебя пишу я, милый Друг,
К чему скрывать, ведь всё и так уж ясно
Мне с первых дней, и радостью вокруг
Всё наполняет песня, и напрасно
Пируют сплетники, и прочат нам финал
Цветаевой достойный, все несчастья
Уж позади, и счастье ты узнал
В лице моём, и нежность, и участие –
Всё для тебя, и снова небеса
На нас глядят с улыбкой, как и прежде,
Но верить научиться в чудеса
Не так легко, но в сердце есть надежда,
Что не узнаем больше мы разлук.
Нет сил уйти! Навек замкнулся круг.

14

Нет сил уйти! Навек замкнулся круг,
И нет пути назад, ведь ты – моё спасенье
От всех невзгод, несчастий и разлук,
И даришь ты мне радость вдохновенья,
И пусть сонет мой был не так хорош,
Как дивные творения Шекспира,
Он мил тебе, ведь в нём не встретишь ложь,
Что мне пронзает душу, как рапира,
Пусть сплетням нет числа, уходит боль,
Когда тебя с собою рядом вижу,
В пиесе новой нам подарят роль
Всевышний и Судьба, и снова я предвижу:
Финал счастливый ждёт нас впереди,
Замкнулся круг. Вовек мне не уйти.

15

Замкнулся круг. Вовек мне не уйти
От этих глаз, что мне до боли милы,
И сил уж нет сказать тебе: «Прости»,
К чему скрывать? И раньше я любила
Тебя лишь одного, и в том моя беда.
И слово каждое, и каждый звук рояля,
Храню в душе (и будет так всегда),
И встречу нашу в том пустынном зале
Мне не забыть, где музыка и свет
Венчали нас, где радость и страданья
Слились в одно, и Солнцем стал сонет,
Наполнив вдохновеньем мирозданье.
Лишь для тебя пишу я, милый Друг,
Нет сил уйти! Навек замкнулся круг...

148

Альметьевский десант «Казанского альманаха»

*Наиля Ахунова с молодыми поэтессами
Ланой Нафиевой и Айгуль Даутовой*

Фото Елены Сунгатовой

В солнечный июльский день с.г. в вечерней школе № 1 Альметьевска состоялась встреча с казанскими писателями и журналистами – главным редактором «Казанского альманаха» Ахатом Мушинским, редактором сайта «Культура и искусство в Татарстане» Еленой Сунгатовой и членом редколлегии «КА», руководителем литобъединения КГМУ «Белая ворона» Наилей Ахуновой.

В уютном светлом классе литературы и языка, где была развёрнута книжно-иллюстративная выставка на тему дня, собрались начинающие и уже известные литераторы, педагоги, библиотекари, любители литературы... Званный десант из Казани высадился в Альметьевске с целью презентации очередного «Казанского альманаха» (№ 8) и участия в литературном празднике «Огонь неугасимый», прошедшем в рамках первой годовщины литобъединения «Белое перо» (альметьевского филиала ЛитО «Белая ворона»), которым руководит молодая талантливая поэтесса Екатерина Аничкина.

За год у филиала появились новые молодые авторы, прошло несколько интересных творческих встреч на городском уровне, состоялся один из туров ежегодного фестиваля поэзии «Галактика любви» имени Вероники Тушновой при поддержке литобъединения КГМУ, местного отделения Союза писателей РТ и Управления культуры Альметьевска, а также вечерней школы № 1. В программе летнего праздничного заседания литобъединения «Белое перо» участвовали, помимо казанских гостей, известная альметьевская журналистка Анастасия Вакатова, студийцы, местные авторы Инна Беспечная, Роза Султанова, Алексей Мальцев, Тамара Бочина, Полина Гвоздовская, Лана Нафикова, Айгуль Даутова... Кстати, многие из них авторы сайта «Стихи.ру» и активно общаются в Интернете.

Главный редактор «КА», писатель Ахат Мушинский, поведал историю создания альманаха и заметил, что самой важной и интересной рубрикой издания для него представляется «Новое имя», где впервые публикуется талантливая молодёжь. Также в своих размышлениях вслух он поведал о своём взгляде на чувства доброты и милосердия в наш непростой, жёсткий (если не сказать: жестокий) век.

На праздничном заседании прозвучали стихи, рассказы, прозаические миниатюры... Было задано много разных вопросов и получено немало интересных ответов в диалоге хозяев вечера и гостей.

Отдельной темой заседания под названием «Их именами названы улицы

Альметьевска» стали воспоминания детей известных альметьевских писателей, классиков татарской литературы Рафаила Тухватуллина (1924–1994) и Гамиля Афзала (1921–2003). Рустам Рафаилович Тухватуллин и Рушания Гамилевна Афзалова рассказали много интересного о своих родителях, а Рустам Рафаилович иллюстрировал свои увлекательные рассказы документами, письмами, фотографиями из увесистой папки, которую принёс на вечер. Благодарный сын известного писателя проделал большую работу по увековечиванию памяти своего отца – он систематизировал его наследие, перевёл на русский язык, оцифровал...

Наиля Ахунова тоже рассказала о жизни и творчестве, об альметьевском периоде своего отца – народного писателя РТ Гарифа Ахунова (1925–2000), чьё имя носит одна из новых улиц Альметьевска. В нефтяной столице края её семья прожила более 10 лет.

Вела встречу преподаватель литературы и русского языка вечерней школы № 1, секретарь литобъединения «Белое перо» Елена Кильдюшева. В память о вечере Елена Сунгатова преподнесла ведущей вечера свою картину маслом, исполненную мастихином. Также гости подарили школе и городским библиотекам свои книги и экземпляры «Казанского альманаха», выразив надежду, что подобные встречи станут доброй традицией.

Надо заметить, что этим летом выездные заседания редколлегии «Казанского альманаха» прошли ещё в Центральной библиотеке Бугульмы и в библиотеке № 17 Дербышек.

Зухра Галикаева

Рафаил Тухватуллин

1924–1994

Цветок заиндевелый

Родился в д. Новый Иябаш Арского района ТАССР в учительской семье. Участник Великой Отечественной войны. Боевой путь – Брянск, Орша, Рига... Награждён орденами и медалями. Дважды тяжело ранен и контужен. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького в Москве. Автор книг прозы «Рассказы моей деревни» (1959), «Ягодные поляны» (1971) и др. В 1982–83 гг. вышли его «Избранные произведения» в 2-х томах. В 1995 году в Альметьевске учреждена литературная премия им. Р. Тухватуллина. Данные рассказы публикуются впервые. Публикация эта – плод выездного заседания редколлегии «КА» в Альметьевске

Первые заморозки наступили неожиданно и преждевременно. Только вчера солнце припекало по-летнему, и мы ходили в рубашках с короткими рукавами и в лёгких сандалиях.

Проснувшись рано утром, я выглянул в окно и подумал, что выпал снег, – всё вокруг было белым-бело. Я достал из дорожного мешка шерстяную рубашку, тёплую обувь и заспешил на улицу. Но это был не снег, а сплошным покровом иней.

Медленно шагаю, оставляя следы на тропинке. Внезапно передо мной на белой земле я увидел яркий красный цветок. Как же он уцелел при заморозках? Как называется это геройское

выносливое растение? Я подошёл... Нет, оказывается, не такой геройский и не такой уж и выносливый оказался этот цветок. И не ярко-красный. Просто утреннее солнце так необычно осветило его, что издали он показался мне ярко-красным.

Я долго стоял возле цветка, потерявшего летнюю свежесть, потемневшего по краям лепестков. Моей душой овладело болезненно-грустное настроение. И грустное настроение разбудило грустные воспоминания.

Наша артиллерия и так всегда на колёсах. Прицепив пушку к машине, обычно садимся сами в крытый кузов грузовика и айда на новое место, где наши огненные гостинцы нужнее всего!

На этот раз всё было по-другому. Полк погрузился в вагоны. Чувствуем, дорога будет долгой. Наконец-то в пути сможем поспать по-человечески, вытянув ноги на нарах! До сих пор ведь в дороге мы не только не могли разогнуть ноги, но даже толком прислониться к какой-то опоре надёжной усталыми спинами.

Когда погрузка в вагоны заканчивалась, для нас, связистов, поступил приказ: протянуть телефонную линию по всему составу, от паровоза до последнего вагона.

«Погода» стояла безоблачная – не поливала огнём снарядов, не сеяла минами и пулями, поэтому заданную работу мы выполнили быстро. Эшелон пока трогаться не спешил. Не было и команды «по вагонам!». Царил сентябрьский тёплый вечер. Солдаты и офицеры прогуливались вдоль эшелона, разговаривали. Часто слышался весёлый, беспечный смех. Дай волю, и у нас с Молдабаем не будет конца разговорам. Молдабай – казахский парень, выросший в деревне Оренбургского края, мы с ним друг друга хорошо понимали. Понимали, но... быстро начинали спорить. Первым обычно начинал Молдабай. Вот опять разгорелся спор... И вдруг совсем рядом раздался нежный

женский голос, к тому же на чистом татарском языке:

– Пусть ваши горячие разговоры никогда не остынут, земляки!

– Присоединяйся! – сказали мы. – Ты из каких краёв?

– С берегов Зая. – Она и деревню назвала, но память не сохранила незнакомое название. А вот имя хорошо помню – Фидая.

– Здесь меня Фаей зовут. С тех пор, как сюда попала, не только своё настоящее имя, но и по-татарски-то ни одного слова не слышала. Как я соскучилась по родному языку! Спасибо вам, наконец-то порадовали...

Эти простые слова девушки обрадовали нас.

До сих пор мы думали, что в артиллерийском полку женщины не служат. По дорогам встречали девушек-зенитчиц, регулировщиц, а больше всего девушки служили в санротах, санбатах... Смотри-ка, и среди нас, оказывается, есть милые создания!

И в самом деле, Фидая нам показала прекрасным ангелом, спустившимся с небес. Изогнутые, как крылья ласточки, брови, карие глаза с мягким и одновременно острым взглядом... Военная форма ладно сидела на ней. Широкий солдатский ремень на девичьей талии был как будто только для того, чтобы подчеркнуть стройность её фигуры.

– Впервые видим девушку-артиллеристку. Не тяжело ли?

– Мы из пушек не стреляем, – сказала Фидая, улыбнувшись ямочками на щеках. – Мы просто стираем бельё в хоззвезде.

Родная речь лилась, как полноводная река. Но тут разговор прервала команда «по вагонам!»

Там, где на фронте телефон, там уж всегда сидит солдат-связист, с привязанной к уху телефонной трубкой. Наше отделение дежурило в вагоне, где расположился штаб полка. Если одна половина вагона была оборудована двухъя-

русскими нарами, то на другой половине совсем другая жизнь. Довольно большой стол, неподалёку тумбочка с телефоном. А подалее, в углу, застеленная мягким одеялом широкая кровать с блестящими шарами-набалдашниками. На нарах, как и в наших вагонах, лежат штабные офицеры, и шинели им служат и матрасами, и одеялами. А на этой половине пружинная кровать командира полка в звании подполковника. Вот он, отодвинув белое покрывало в сторону, сел на краю кровати, задымил папиросой, между делом вставляя свои веские словечки в разговор офицеров. У меня же своя работа:

– Фиалка, я Астра, как меня слышите? – так я постоянно проверяю исправность телефонной связи, если вызовут, передаю трубку подполковнику или начальнику штаба.

Раз есть штаб, значит, у всех других вагонов к штабному дел не кончается. Звонят, а при остановках и прибегают. Вот на одной остановке женский голос попросил разрешения войти. Я поднял голову, услышав знакомый голос, – Фидая.

В руках – простыни, наволочки.... Войдя, сказала подполковнику «разрешите» и поменяла на кровати постельное бельё. При этом спросила меня татарски:

– Когда освободитесь, сержант?

– Меньше часа осталось дежурить.

– Приходи к нам, земляк. Очень соскучилась по родному языку.

Тут раздался приказ подполковника, резкий, недовольный:

– Прекратить тары-бары!

– Есть прекратить тары-бары, – отозвался я. Что поделать, такие уж воинские порядки!

Подполковник недовольно поскрёб горло кашлем, кинул на меня изучающий взгляд. Фидая вышла, опустив голову.

Когда пришёл мой сменщик Молдабай, поезд, тяжело пыхтя, остановился посреди чистого поля. Я быстрее побежал в сторону вагона хоззвода. Фидая будто только и ждала этого, спрыгнула навстречу.

По-детски взявшись за руки, мы сели на склоне дорожной насыпи.

– Знаешь, Рафаил, сегодня во сне я видела маму. Она сыпала курам корм. Это она, милая, нас звала. Двух моих братьев и меня. А ты какой сон видел?

– Тебя видел, Фидая.

– Нашёл, тоже мне, что смотреть во сне! Фи... У меня вот ещё один желанный сон есть. Только никак не опускается он ко мне.

– Какой, Фидая?

– Как сказать... Пришёл бы во сне ко мне мой Габдрахман. – Она задумалась на мгновение. – По правде говоря, наяву бы его лучше встретить. С надеждой на эту встречу я и поставила подпись в той бумаге.

– В какой бумаге?

– В той, что на фронт согласна идти...

добровольно-принудительно. О принудительности там, конечно, ни слова. Сколько уж слёз пролила после этой подписи! А ты случайно не встречал Габдрахмана? – спросила она, всхлипнув едва слышно. – Его легко узнать. На подбородке, вот здесь, родинка с десятикопеечную монетку. Не встречал?

– Может, и встречал. Разве уследишь, когда человек незнаком тебе! – Мне показалось, что я слишком бессердечно ответил землячке, и тогда добавил обнадеживающе: – Чем чёрт не шутит, может быть, ещё сойдутся наши пути-дорожки.

– Эх, если б раньше он мне повстречался! А сейчас уж что!.. – вздохнула девушка. – Сам, наверное, догадываешься о нашем положении. Дескать, родину защищать призваны. Видно, наложницы нужны были им... Ай, не знала ведь, не знала. И в голову не могло прийти.

– Ты о чём это, Фидая?

Она взглянула на меня и начала рыться в противогазной сумке.

– Совсем забыла, тёплое бельё вам принесла. Дни ведь холодают. Вот, одну пару Молдабаю передай. Будете носить, меня вспоминать. Как доедем до места, может, больше и не увидимся. Вы в огне, а мы, что не говори, немного сзади. Бери, бери, сержант, такого добра у нас хватает.

Прозвучала команда «по вагонам!», и мы, торопливо обнявшись, побежали в разные стороны.

Очередное моё дежурство началось вечером.

Когда я пришёл, офицеры уже лежали на нарах, а подполковник и майор сидели возле стола. Солдатским острым глазом я сразу заметил на столе бутылку, американские консервы...

Через некоторое время майор по-

прощался и вышел. Подполковник сел на свою пружинную кровать. Ковыряя спичкой в зубах, лёг на бок. Потом попросил у меня телефонную трубку.

– Двадцать третий, я Первый. Финика ко мне! Да, да, бестолковый... Выполняйте! Быстро!

Эшелон в это время стоял. Прошло немного времени, и в дверях появился широкоплечий старшина с красным лицом и пышными пшеничными усами. Он спустил с плеча на пол, как мешок картошки, лёгкое человеческое тело, отдал без слов честь подполковнику и исчез.

«Финик» встал на ноги. Только тогда я признал её. Мешком картошки оказалась Фидая.

– Сержант, закрой дверь с той стороны! – приказал мне подполковник.

Я исполнил, не повторив приказ и не отдав честь.

– Астра! Я – свинья... овца я! Как слышите? – так, коверкая позывные, начал я проверять исправность линии.

На том конце провода послышалась отборная брань:

– Астра! Ты что, с ума там сошёл, что ли, идит-кудрит...

Заиндевелый цветок, показавшийся издали ослепительно красным и свежим, напомнил мне эту историю.

Беспримерными подвигами, миллионами погибших, реками пролитых слёз добыта Великая Победа! Мы ещё не знаем точного числа погибших, а как измерить кровавые слёзы, разбитые судьбы, унижительные приказы?

Низко склоним головы перед героями войны и её жертвами!

Не забудем и про цветы заиндевелые!

1990, май

Рис. Людмилы Пельгасовой

Сосны шумят

155

Артиллерийский полк остановился в хвойном лесу Прибалтики.

В моих родных краях, в Кинере, где начиналась марийская тайга, сосны росли вперемешку с елями, пихтой, липой, берёзой, осиной. Под деревьями таились заросли можжевельника, волчьей ягоды, жимолости...

Здесь же, на латышской земле, сосны в лесу – единоличные хозяева. Такие стройные и высокие. Когда Харис посмотрел вверх, на вершины сосен, пришлось снять пилотку, чтоб не упала.

– Видишь нашего сержанта! Головной убор снял, чтобы поприветствовать землю своей любимой Розетты.

Пригнувшись, Харис взглянул на росшие под соснами уже начинающие желтеть листья осоки, папоротника...

– Розетта, это твоя родная земля!

Раздалась команда. Это старший лейтенант:

– Сержант Фатхуллин, командиры расчётов, ко мне!

Понятно, зачем вызывает командир дивизиона. Показывая на карте, где расположены огневые точки, наблюдательные пункты, а где штаб, старший лейтенант поставил задачу сержанту наладить между ними связь.

Когда линии связи были протянуты, солнце уже поднялось до вершин сосен.

Молодцы артрразведчики, хорошее выбрали место для наблюдательного пункта!

На опушке леса, на возвышенности, всё видно. Впереди – заросшая кустарником широкая долина, за ней начинаются взгорки. На них – немцы. Но их больно-то не видеть. Старший лейтенант лежит, опёршись локтями о землю, наблюдает в бинокль ту сторону, похоже, ему что-то видно, время от времени делает пометки на развёрнутой карте.

– Заря! Заря! Я Венера. Проверка связи. Как меня слышите? Я тебя хорошо слышу, Сергей, как настроение?

Это Молдабай в обнимку с телефонным аппаратом постоянно болтает с Сергеем, находящимся на том конце провода, рядом с 76-миллиметровыми пушками. Чуть в стороне артрразведчики, копающие траншею. Разведчики – народ осторожный. Откидываемую из траншеи землю тут же маскируют листьями папоротника, утыкивают ветками кустарника. Изредка над их головами со свистом пролетают и с грохотом рвутся в лесу снаряды да по стволам сосен чиркают пули. Но к этим фронтовым явлениям мы все давно привыкли. Не повторилось бы то недавнее светопредставление! Наверное, ни пяди земли тогда не осталось, куда б не упали снаряд или мина. Не успеешь соединить порванные в одном месте линии связи, уже в другом месте рвётся. Опять соединишь, оказывается, наблюдательный пункт, ёлки-палки, сменил позицию. То слева, то справа, то перед самым носом рвались снаряды, над головою, точно пчелиный рой, жужжали пули. Из того огненного ада живыми со всего отделения связи вышли только Харис да Сергей. «Это тебя Аллах хранит, детка. Значит, в душе твоей есть вера», – сказала бы бабушка Харису. Можно угадать, что сказала бы бабушка, а вот что сказала б мама? Или только улыбнулась бы своей понимающей улыбкой?

– Заря! Заря! Я Венера. Как меня слышите?.. Сергей, обед ещё не привезли? Кухня далеко?

Старший лейтенант оторвал глаза от бинокля, посмотрел на часы.

– Сержант! Молдабай правильно толкует, пора об обеде подумать. Потом пусть сюда ещё двух связистов пришлют. Если артсмерч начнётся... сам понимаешь.

Харис отправил Молдабая за обедом, а на обратном пути велел прихватить двух связистов (и фамилии назвал), а сам сел к телефонному аппарату. Привязав верёвкой трубку к уху, лёг на землю. Несмотря на начало

октября, день выдался тёплый, солнечный. В синем небе плывут пышные белые облака. Смотри-ка, ведь они идут на восток, эти белые облака. «Эй, облака! Когда долетите до нашей деревни, передайте привет от меня маме и папе, а потом Розетте. Ей привет передайте особый».

Тут сержант нахмурил брови, вспомнив, как утром солдаты шутили, что он приветствует землю Розетты, сняв пилотку. И зачем только рассказывал о ней?

Рассказал же всё-таки... Накануне в машине через полчаса хода старший лейтенант, смотревший в лобовое окошко, сказал: «До Латвии доехали, парни». У Хариса из груди неожиданно вырвался неудержимый лепет: «Это родные места моей невесты!»

В отделении все неоднократно рассказывали о своих девушках. Со вкусом, особенно, как целовались... И Харис не удержался. Поведал, как на лугу он крепко обнимал свою Розетту, как целовал перед проводами в армию.

Целовал, как будто!.. Крепко-крепко, как будто!.. А по правде, один раз только, и то как-то по-детски.

Уже в первый месяц войны прибыла она с матерью и двумя белобрысыми братишками в деревню Кинер. Называли их беженцами. Мальчишки быстро освоились в деревне. Играли со сверстниками на улице. Вскоре и по-татарски заговорили. Розетта появлялась на улице редко. Окликнешь её по-татарски, улыбнётся в ответ без единого слова. Щёки только покраснеют, и веснушки исчезнут, а из огромных карих глаз прольётся нежный, кроткий свет. По правде сказать, они только и делали, что улыбались друг дружке. И на улице, и в клубе, и на лугу во время сенокоса.

Улица райцентра возле военкомата была похожа на Сабантуй – песни плывут, гармошка наявливает, пёстрые платки развиваются на дугах и оглоблях запряжённых в телеги лошадей. Налицо тут все. Только её нет. Неужто так и не появится и не проводит его на войну?

Но вот из толпы бегающих туда-сюда детей, строгих дедов, стоящих возле телег, бабушек, вытирающих глаза кончиками платков, совсем неожиданно возникает Розетта.

– Уходишь, да? – сказала она чисто по-татарски. Глаза, как обычно, лучисто улыбаются, а ресницы влажные. Нет, не только влажные, крупные слёзы наворачиваются...

– Ухожу, Розетта, и вернусь, как только война закончится.

Розетта подняла на него свои большие карие глаза и быстро поцеловала в щёку. Голова у него закружилась. Пахнул на него с дуновением ветерка тонкий аромат духов, совсем перебив запах свежего конского навоза из-под колёс телеги. Нет, наверное, это был не аромат духов, это был еле уловимый запах самой Розетты, который невозможно передать словами.

– Заря! Заря! Я Венера! Как меня слышите?

– Я Заря. Хорошо слышу. Сергей, там Молдабай не дошёл ещё до вас?

Нет? Что-то долго он.

Эх, крепко обнять бы тогда Розетту да поцеловать... Как-то не человечески всё вышло. С крыльца военкомата прозвучала команда. Улица наполнилась вскриками, плачем, скрипом телег... Рыжий конь с белой отметиной на лбу попятился назад, наткнулся на бурую лошадь с расстёгнутой супонью. Харис шагнул к изгороди, чтобы развязать поводья уздечки... И в самом деле, как-то странно всё получилось. Не смог он сразу развязать поводья.

– Харис! Поскорее возвращайся.

«Надо же, будто наяву прозвучали слова Розетты», – подумал Харрис, не слыша оглушительных взрывов – немцы начали пристреливаться.

Харис достал из кармана гимнастёрки бумагу и огрызок карандаша. И почему раньше не сообразил? Вместо того, чтобы, как сумасшедший, передавать приветы через облака, надо просто взять да и написать письмо. Крышка телефонного аппарата – прекрасный письменный стол. И слова друг

за другом так и побежали на бумагу: «Живущей в моей родной деревне Розетте от сержанта Хариса Фатхуллина, дошедшего до твоей родной Балтии, огромный-преогромный привет!»

– Заря! Заря! Я Венера. Старшего лейтенанта вызывает Хозяин.

«Хозяин» – это командир полка Пермяков. Старший лейтенант его выслушал очень серьёзно, вставляя короткие слова: «Постреливают. Есть... Да... Есть». Вернув трубку Харису, подозвал к себе разведчиков.

– Наблюдаю и не могу понять, откуда стреляет многоствольный миномёт. Вот где-то здесь он должен находиться, – ткнул пальцем старший лейтенант в полевую карту. – Вот вам задание – уточните!

Как бы подтверждая важность задания, недалеко вновь прогремели друг за другом взрывы. Два разведчика в жёлто-зелёных масках о чём-то посоветовались, глянув зачем-то на вершины сосен, потом – на кусты в долине... Когда Харис, обернувшись, вновь посмотрел в их сторону, никого уже не было видно.

– Венера! Венера! Я Заря! Молдабай дошёл до вас?

До сих пор не дошёл. Странно...

Когда в третий раз вызывал Венеру, трубка ответила коротким звоном. Этот звон, словно электрический ток, ударил через всё тело, дойдя до пальцев ног.

– Товарищ старший лейтенант! Обрыв на линии связи. Разрешите устранить.

Старший лейтенант выругался многоэтажным матом. И только после добавил:

– Иди! Только быстро!

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите...

– Что ещё?

– Когда из штаба кто появится, не могли бы с ним отправить письмо?

На суровом лице старшего лейте-

нанта появилась едва заметная улыбка.

– Если написал, то, конечно...

Харис прополз сквозь колючие кустарники, вскочил и побежал. Конечно, и со стороны орудий, наверное, тоже вышли на устранение обрыва. Если Молдабай жив, он обязательно отправится на линию. У этого парня особое чутьё, и глаз зорок. Но всё равно надо торопиться... Судя по недавнему разговору старшего лейтенанта с Хозяином, приближается пиковое для связи время. Смотри-ка ты, какими редкими выстрелами перебили линию, сволочи!.. А если начнётся тот самый недавний ад, из которого кое-как выбрался с Сергеем... Быстрее, быстрее.

Вдруг мощный взрыв потряс землю. Сержанта, будто соломинку, откинуло к сосне. Харис нашёл силы провести ладонью по лбу. Взглянул на пальцы, они все были в крови.

Кружились, медленно кружились сосны. Кружились и шумели в вышине, словно намеревались поведать о чём-то. «Что вы шумите, родные?» – хотел спросить Харис, но не смог. Это было последнее, о чём он подумал и что хотел сказать.

В тот день, когда Розетта услышала новость об освобождении Риги и выходе наших войск к Балтийскому морю, ей вручили письмо от Хариса.

– Мама! Ригу освободили! И нашу Сигулду, значит, тоже. Давай, мама, поедем обратно, прямо сейчас отправимся в путь. Вон и Харис сейчас там, письмо от него пришло.

Девушка запрыгала радостно, заплясала и закружила свою маму.

– Подожди, доченька. Схожу-ка сначала к Бахар. Пусть знает, что сын её жив и здоров, пусть порадуетсся доброй вести.

– Я с тобой, – ответила Розетта. И они заторопились к матери Хариса.

1991, октябрь

Я услышал тебя, папа

ВМЕСТО послесловия

158

В июле 1994 года мама позвонила и сообщила мне, что папа мой заболел. Когда я пришёл, он лежал на диване и не мог ни двигаться, ни разговаривать, половина тела была парализована. От страха у меня завибрировали мышцы на груди, и я невольно воскликнул: «Папа, что случилось?». А он протягивал мне руку и всё пытался что-то сказать, но в устах его складывались только нечленораздельные звуки. Я закрепил в его руке карандаш, поднёс бумагу, но рука не слушалась, выходили каракули...

Отец никак не соглашался лечь в больницу, но через два дня мы его уговорили. В больнице за окном палаты на подоконнике ворковали голуби, он смотрел на них и улыбался. Таким я его и запомнил – улыбающимся. Через три дня его сердце остановилось – уставшее натруженное сердце фронтовика-инвалида. Мама потом неоднократно со вздохом повторяла: «Остались невысказанные слова у Рафаила, остались».

К двадцати годам отец уже дважды был ранен, один раз контужен. Вернулся в родную деревню инвалидом второй группы с тремя осколками в голове и всю жизнь мучился от головных болей и приступов, ломал позвоночник во время одного из приступов, временами у него сводило судорогами руки и ноги, отказывали почки, в последние десять лет жизни он дважды попадал в больницу с инфарктом.

Но он старался не показывать своего недуга. Постоянно работал. Папа автор 33 изданных книг. Также он – отец пятерых детей. На людях он всегда бывал улыбчив. И на большинстве фотографий он улыбается. Только на детских довоенных фотографиях серьёзен. Постоянно страдавший от боли, он стремился приносить людям радость, старался помогать молодым писате-

лям, остро чувствовал чужую боль. Наверное, неслучайно мой папа оказался первым профессиональным писателем, откликнувшимся на первую публикацию Фаниса Яруллина в газете «Яшь ленинчы» и поддержавшим его. Фанис-абый в своём письме мне от 3.01.2011 года через меня выразил благодарность отцу: «Хоть и с запозданием, спасибо тебе, Рафаил-абый!».

Папа никогда не жаловался. А своими болями и страданиями он делился только со своим дневником «Минуты раздумий», который я отыскал в его архиве и прочитал через много лет после его смерти. Больше всего в последние годы он переживал, что не может в полную силу писать. Вот его последняя запись: «Болит сердце. Есть только одно средство, чтобы унять эту боль – писать. Так хочется писать, забыв обо всём на свете, нырнуть с головой в творчество. Но нет, такое счастье приходит всё реже и реже... Начинает болеть голова, боль в сердце всё усиливается и усиливается».

В последние годы, в начале 90-х годов, отец писал в стол. Книги в те годы почти перестали издаваться. Но он работал, писал рассказы и свою последнюю повесть «Красно-гнедой» («Кызыл туры»).

Разбирать его архив я принял только в конце 2010 года. Не было времени, и, если честно, не думал, что смогу осилить весь этот огромный материал, расшифровать ужасный почерк, а ещё ведь оставалась масса совсем старых, пожелтевших рукописей, писем, в которых написано неизвестно что. И были естественные сомнения, нужно ли это кому сейчас в сильно изменившемся мире. Но меня вдохновила моя бывшая классная руководительница Венера Назиповна Закирова, с которой я встретился на 40-летию окончания школы. Она не только надумила меня

сестра за архив, но и постоянно поддерживала, помогала расшифровать самые непонятные места в рукописях, проверяла и исправляла мои ошибки в расшифрованных рукописях. И по мере работы над архивом я заново открывал для себя отца. Только сейчас я понял, что он был большим писателем.

Рафаил Тухватуллин родился и вырос в Тукаевских краях – в деревне Новый Иябаш, примыкающей к Кырлаю, жил в Кышкаре, Большом Менгере, Большой Атне. В 1938 году четырнадцатилетним мальчишкой он встречался с Абдуллой Алишем и получил от него первые профессиональные советы. Уже в том возрасте он поставил себе задачу стать писателем, публиковался в пионерских газетах и журналах. Вот что он пишет в письме, найденном в архиве, своему другу Махмуту Хусаину в апреле 1941 года: «На время я перестаю заниматься творчеством. Пока не пойму, как надо писать бессмертные вещи, не вернусь на литературное поле. Уверен, что проложу в литературе свою тропу и вернусь с произведением, рождающим в сердцах дух настоящего оптимизма и борьбы. Может, на это уйдет полжизни, а то и целая жизнь, но я достигну своей цели!»

Уже в мае 1941 года семнадцатилетним мальчишкой он уезжает на Донбасс, работает шахтёром, ищет ответы на свои вопросы. Осенью возвращается в родную деревню, становится трактористом, заканчивает 10-й класс. В 1942 году уходит на фронт, откуда возвращается инвалидом. Несмотря ни на что, устраивается работать ответственным секретарём в редакцию районной газеты. С утра до ночи на службе. По ночам пишет рассказы, начинает издаваться. В 1955 году его принимают в члены Союза писателей. В начале 60-х годов, после издания цикла «Рассказы моей деревни», повестей «Мой односельчанин

Рустам Тухватуллин на выездном заседании редколлегии «Казанского альманаха» в Альметьевске рассказывает о своём отце.

Фото Елены Сунгатовой

Наби», «Звезда моя», изданных как в Казани, так и Москве, он становится известным и популярным писателем. Об этом хорошо известно. Однако мало кто знает о последних годах жизни писателя, и почти никто не знает о его не увидевших свет рукописях.

Приведённые выше рассказы написаны по мотивам его личных фронтовых впечатлений и нигде раньше не были опубликованы. Я думаю, они будут интересны современному читателю. И только недавно, мне кажется, я понял, что же хотел сказать мне парализованный отец. Он хотел сказать, чтобы я не дал пропасть его рукописям, над которыми он работал последние восемь лет жизни, преодолевая страшные недуги. Я услышал тебя, папа, и постараюсь издать все твои неопубликованные произведения, переведу на русский язык всё, что не было переведено ранее и нуждается в этом.

Рустам Тухватуллин

Дотянуться до твоей руки

Полина Гвоздовская, внучка известного русского советского писателя Афанасия Коптёлова, родилась (1992) в городе Кызыл республики Тыва. Студентка экономического факультета филиала Университета управления ТИСБИ. Пишет стихи и песни, соло-гитарист рок-группы «Magnitizm» (Альметьевск). Владеет, кроме русского, английским, украинским, тувинским, старославянским языками. Участница выездного заседания редколлегии «Казанского альманаха» в Альметьевске

Полина Гвоздовская

* * *

Дотянуться до твоей руки,
Забегать – легко, как на страницу,
Обласкать дыханием ресницы,
Запятые сбросить со строки.

Отодвинув треск клавиатур
И дыханье виртуальных женщин,
Вдруг побыть – ни больше и ни меньше –
Самую влюблённую из дур...

Выпить с губ растерянность – до дна –
И, предназначения минув,
Осознать, что не меня-иную,
А меня, единственно меня

Начертило время впопыхах
Росчерком на ласковой ладони...
И устав, как будто от погони,
Заблудиться в сказках и стихах,

В голосе, в притихших зеркалах,
В том, что было, есть и даже будет...
Вытряхнуть безрадостные будни
Прочь из дальних ящиков стола,

И прикрыв для верности глаза,
Видеть мир лишь кончиками пальцев...
И дышать тобою, и касаться,
И ни слова больше не сказать...

* * *

Сыграем. Роли знаем назубок.
Готовы маски. Факелы пылают.
И каждый превосходно понимает,
Что перед ним – отличнейший игрок.
Улыбка. Жест. Движение ресниц.
О, цель игры понятна с полуслова –
Сыграем. Декорации готовы,
И тени на паркете пали ниц.
И мы плетём невидимую сеть
Из слов, из взглядов, из прикосновений...
И каждый – виртуоз на этой сцене –
Соперника мечтает одолеть:
То адом пригрозит, то манит раем...
Но нет игры прекраснее. Сыграем!!!

161

* * *

Когда молчат стихи, и сердце жить устало,
Когда дрожит рука, но нет кипящих слёз,
Летит душа во мрак за лунным перевалом,
За тысячею слов и сотней тысяч звёзд.
И пусто в темноте, в немых тысячелетях,
А искорки огней умчались тихо прочь.
И вдруг душе струна испуганно ответит,
Дрожаньем разбудив застынувшую ночь.
Гитары хрупкий гриф прильнёт к ладони нежно,
И по ступеням струн сойду из тишины
В неведомый мне мир, манящий и мятежный,
Без горечи ночей и призрачной луны.

* * *

Это же всё от такого отчаянья
Я полюбила тебя, бесполезного.
Были мы вместе хмельные, печальные,
А без тебя я весёлая, трезвая.

Это же всё от моей поэтичности,
Столько безумия в страсти и голосе.
Были мы глупые и неприличные,
А без тебя стали светлыми помыслы.

Сколько же трусости в этом молчании.
Знаешь, я сильная. Но не железная.
Это же всё от такого отчаянья
Я полюбила тебя, бесполезного.

По копеечной монете
 Набросайте счастья мне:
 Благо, что на этом свете
 Скоморошество – в цене!
 Сыплю шутки из кармана:
 Не кричи, что горяча...
 Сердце плачет от обмана,
 Как от раны, по ночам.
 Смех гримасой вызываю...
 Объясните: что со мной?
 Почему я разрешаю
 Ей смеяться над собой?
 Всё твердит, что несерьёзен,
 Что нескладен, не пригож,
 И не знатен, и не грозен –
 Не престижен ни на грош...
 До чего ж ей надо мало!
 Смех рассыплю, как горох:
 Смейся, старый! Смейся, малый!
 Скоморох так скоморох...

новая рубрика: наша почта

Под этой рубрикой альманах будет печатать наиболее злободневные и животрепещущие письма, поступившие в редакцию. Дорогие читатели, пишите нам обо всём, что вас взволновало или волнует долгие годы, обо всём, что представляет интерес и для широкого круга читателей. А пока первое письмо...

Мне почти тридцать...

Мне почти тридцать. Все мои ровесницы давно замужем, воспитывают детей. Какие они всё-таки счастливые! Ведь для каждой женщины быть матерью – самое большое счастье. А я никогда в своей жизни этого не испытаю, как и много другого, так как прикована с детства к инвалидной коляске... Мне не было в детстве знакомо чувство радости от выигрыша у девочки-подружки в «классики», «резинки» или «вышибалы». Я не могла и не могу ощутить твердь земли под своими ногами, хотя это ощущение знакомо каждому здоровому человеку с малых лет. Я никогда не почувствую сладость поцелуя любимого человека, и, конечно же, как это ни печально, никогда не надену наряд невесты...

Надо сказать, мне представился случай примерить фату, слегка пожелтевшую от времени. «Этот цвет ей придало время», – объяснила мама, доставая свою фату при наведении порядка в шифоньере. Помню, тогда я не устояла и попросила маму помочь мне надеть её (сама я ничего своими руками делать не могу, ну, почти ничего). И вот, глядя на своё отражение в зеркале, я начала мечтать, будто иду под венец с любимым человеком – самым красивым, добрым, отзывчивым и внимательным! И будто гости кричат нам «горько», и мама плачет от радости. Но, увы, это всего лишь мечта – несбыточная мечта.

Этого всего судьба не дала мне. Зато она подарила многое другое: возможность писать рассказы и сказки, которые нравятся людям, свой живой внутренний мир и доброе отношение к жизни. Но самое главное, что она дала мне, – это бесценное в моей жизни: мою семью – родителей и сестру, их любовь и заботу, которые проявляются ежедневно и ежедневно.

Да, моя семья меня любит, и я от этого счастлива! Мама вообще говорит, что без меня не представляет себе жизни. А я думаю, нет, это мне жизни не может быть без них, в особенности без мамы! Она же для меня – не только любимая мама, но и подруга, ангел-хранитель, няня и даже мои «ноги и руки», а иногда и «язык». Ведь моя болезнь отняла у меня и возможность свободно говорить.

Слава богу, всё это у меня есть! А ещё у меня имеется возможность путешествовать по миру, откуда я привожу массу впечатлений и электронные адреса людей, с которыми успеваю познакомиться и даже подружиться! Некоторые из них так западают в душу, что когда при долгой переписке наступает вдруг продолжительное молчание, то начинаю грустить. Я, конечно, всё понимаю, у каждого свои заботы и проблемы – это жизнь! Зато, когда захожу на электронную почту и вижу долгожданное письмо, то радуюсь, как ребёнок.

А вообще-то стараюсь по жизни не грустить. Только это не всегда получается, порой после фильмов про любовь накатывает такая грусть, что, когда ложусь спать, моя подушка становится мокрой от слёз – так хочется оказаться на месте этих счастливых героинь, так хочется услышать от любимого: «Я люблю тебя!», но...

Всё это я вам рассказала не для того, чтобы вы пожалели меня. Напротив, не люблю, когда меня жалеют. А для того рассказала, что хочу ещё раз напомнить о бесценном сокровище – здоровье. И если вы владеете им, то цените это счастье, которое досталось вам волею судьбы...

Гульнара Миранова,
г. Альметьевск

31.03.2012

Ленар Шаех

164

Конференция Международного ПЕН-клуба в Крыму

17–21 июня с.г. в Крыму (Украина) состоялась IV конференция группы «Урал-Алтай» Международного ПЕН-клуба с повесткой дня «Литературный перевод и языковое право национальных меньшинств». До этого такие конференции прошли в Турции, Венгрии и Монголии. Организаторами Крымского курултая выступили Уйгурский ПЕН-центр и Меджлис крымско-татарского народа. В работе конференции участвовали писатели и общественные деятели крымских татар, представители Уйгурского ПЕНа, а также делегаты ПЕН-центров разных народов из Турции, Кореи, США, Канады, Испании, Японии, Швеции, Финляндии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана...

Татарский ПЕН-центр на форуме представляли директор ТатПЕНа Ахат Мушинский и ваш покорный слуга.

День первый

В симферопольской гостинице «Москва», куда мы прибыли с железнодорожного вокзала, нас радушно встретили Президент Уйгурского ПЕН-центра Кайсар Абдурасул Озгюн и другие организаторы конференции. Здесь, в этой гостинице, и должны были состояться главные события форума. Но уже вечером стало известно, что произошли изменения – открытие конференции по настоянию принимающей стороны было перенесено в Бахчисарай.

А пока мы встречались с друзьями Татарского ПЕНа и знакомились с новыми интересными представителями тюркского мира из разных стран и континентов. Ахат Мушинский радостно обнялся со своим другом из Финляндии Юккой Маллинемом, к нам подошли

Ленар Шаех родился (1982) в д. Такталачук Актанышского р-на. Окончил КГУ. Кандидат филологических наук. Автор поэтических книг на татарском языке «Этажи», «Весь мир хочу согреть!...»; для детей – «Подушка из деревни», «Как ёжик стал колючим» и др. Руководитель секции детской литературы Союза писателей Татарстана. Главный редактор Татарского книжного издательства

мировое

разнообразие —

писатели из Казахстана, Узбекистана... Позже появились в гостинице Президент Международного ПЕН-клуба, канадец Джон Рэлстон Сол с Генеральным секретарём Международного ПЕН-клуба, японским писателем Хори Такеаки.

Вечером мы оказались в компании представительниц Уйгурского ПЕН-центра из города Аделаида (Австралия), сестёр Сююнгюль Чанышевой и Сафии Валиевой. Каково же было наше удивление, когда выяснилось, что обе они — наши соплеменницы! Дед их со стороны отца, Ибрагим, — уроженец деревни Средний Балтай Апастовского района, а дед со стороны матери, Ахматназип Сафин, — из села Арпаяз Кукморского района. После Октябрьской революции они вынуждены были покинуть родные края и отправиться в Китай.

Сююнгюль-ханум училась в медицинском университете. Будучи студенткой, подвергалась репрессиям по национальному признаку. Участвовала в протестных акциях. В 23 года была арестована и в течение десяти лет находилась в заключении, затем восемь лет жила под присмотром компетентных органов. Политическая оттепель в Китае позволили ей и её родным в 1981 году покинуть страну и обосноваться в Австралии. О годах, проведённых в тюремных застенках, Сююнгюль-ханум написала на уйгурском языке книгу «Земля, омытая слёзами». Она рассказала, что воспитывалась с сестрой на книгах,

вышедших в начале XX века в казанской типографии Каримовых.

— Наш язык — язык Тукая, — сказала она, — но у нынешних казанских татар язык заметно изменился.

Сафия Валиева активно участвует в деятельности татарской диаспоры в Австралии, пишет стихи на татарском языке, которые со временем зазвучали песнями. Наверняка любители песенного творчества слышали её «Урумче» в исполнении известного татарского певца Фана Валиахметова.

Сёстры интересуются жизнью в Татарстане, они побывали в Казани в качестве делегатов съезда Всемирного конгресса татар.

День второй

Торжественное открытие конференции состоялось утром следующего дня в знаменитом городе Бахчисарае, в Крымском историческом музее «Ларишес», расположенном в историко-архитектурном комплексе «Девлет-Сарай». Официальными языками конференции были тюркский (тюркская группа родственных языков) и английский (в ходу был и неофициальный русский язык). Кроме представителей национальных ПЕН-центров участвовали глава Милли Меджлиса крымских татар, народный депутат Украины Мустафа Джемилев, Президент Всемирного конгресса крымских татар Рефат

ДОСТОЯНИЕ

На открытии конференции в Бахчисарае выступают Президент Международного ПЕН-клуба Джон Сол (справа) и руководитель секции «Урал-Алтай» и Уйеурского ПЕН-центра Кайсар Озгюн

Юкка Маллинен (на первом плане, Финляндия) и Ахат Мушинский (Татарстан)

В первый день форума выступил делегат Татарского ПЕН-центра Ленар Шаех

Чубаров, крымско-татарские писатели и учёные.

— В этом здании, где мы сейчас находимся, — сказал в своём выступлении Рефат Чубаров, — Исмаил Гаспринский открыл школу, начал издавать первую тюрко-татарскую газету «Тарджеман», с помощью которой стремился выработать общетюркский язык и объединить на этой основе весь тюркский мир.

На открытии конференции выступили Президент Международного ПЕН-клуба Джон Сол, организатор группы «Урал-Алтай» Кайсар Озгюн, глава Милли Меджлиса крымских татар Мустафа Джемилев, поэт, лауреат Государственной премии Казахстана, директор издательства «Жазушы» («Писатель») Есенгали Раушанов (Казахстан), поэтесса, сценарист Дальмира Тилепбергенова (подборка её стихов была опубликована в №7 «Казанского альманаха»), поэт, дипломат Акбар Рыскулов (оба — Кыргызстан) и другие.

Ещё в Казани мы подготовили для конференции текст выступления на трёх языках — татарском, русском и английском. Озвучить его было доверено мне, и я рассказал об основных направлениях деятельности нашего ПЕН-центра, где главным является перевод татарской литературы на английский и другие языки. Часть выступления была посвящена тюрко-татарской рукописной и, конечно же, печатной книге, которой в этом году исполнилось 400 лет. Также я довёл до собравшихся мнение нашего центра о том, что правильной было бы назвать тюркоязычную группу Международного ПЕНа «Идель-Урал-Алтай». Для англоязычных делегатов конференции содержание выступления довёл упомянутый выше Юкка Маллинен.

Нас, поволжских татар, здесь на конференции называли уважительно «казанскими». Много было вопросов о современном государственном устройстве Татарстана, о его культуре, образовании, книгоиздании... Немало делегатов совсем неплохо знали о нашей республике. Приятно удивил в не-

принуждённой беседе во время одной из экскурсий Есенгали Раушанов. Он прочитал по памяти стихотворение Габдуллы Тукая «Родной язык» и отрывок из стихотворения «Пара лошадей»:

– О, Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!..

Затем спел татарскую народную песню «Сарман» и рассказал несколько смешных историй, случившихся со среднеазиатскими писателями в Казани.

Конечно же, интересно было узнать о делах издательства, которое он возглавляет. Казахское издательство «Жазушы» («Писатель») ежегодно выпускает в свет по 200–250 названий книг. Занимается оно и учебной литературой. Средний тираж учебников – 20 тысяч, максимальный – 100 тысяч экземпляров.

Есенгали оказался большим шутником и в то же время его интересы самым серьёзным образом были всеохватны. Он не выпускал из рук «Казанский альманах», читал, расспрашивал и давал изданию самые высокие оценки. Зачитывался нашим альманахом и бывший киргизский дипломат Акбар Рыскулов. Буквально до приезда в Крым он в течение двух лет безвылазно писал роман, связанный с историей киргизов. Получилось целых три тома.

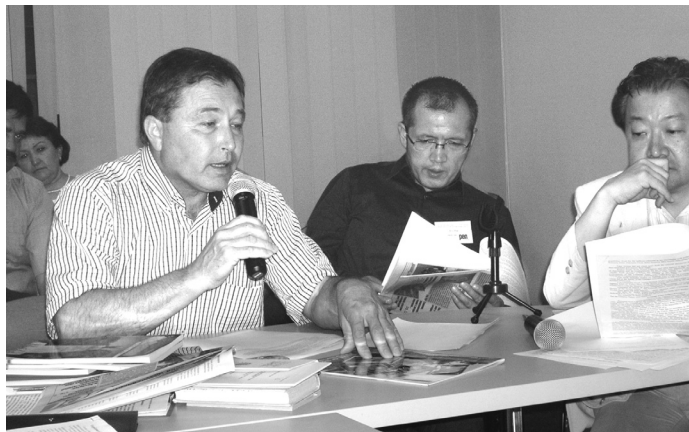
– Практически не выходил из дома, сидел, будто прикованный к письменному столу. Борода выросла, как у Карла Маркса, – смеялся он. Но когда говорил о киргизской литературе, ему было не до смеха.

В Бишкеке работает всего одна национальная школа. И татарские школы в республике закрываются. Если так пойдёт дальше, то тюркские народы не смогут в дальнейшем свободно общаться, понимать друг друга, потеряют свой многовековой исторический облик.

В этом отношении тяжёлая ситуация у крымских татар. Об их прошлом и сегодняшнем дне мы повели разговор на третий день конференции.

«Казанский альманах» на конференции пользовался большой популярностью. За чтением альманаха директор казахского издательства «Жазушы» («Писатель») Есенгали Раушанов

Выступает гл. редактор крымско-татарского журнала «Йылдыз» («Звезда»), поэт Диливер Осман

Танец крымских татар

День третий

Утром мы встретились в малом конференц-зале гостиницы «Москва» за круглым столом. Были заслушаны доклады, посвящённые вопросам состояния и перспектив развития родных языков в мультязыковой среде. Основное внимание было обращено крымско-татарскому языку.

Крымские татары были депортированы в 1944 году со своей родины в Узбекистан, Казахстан и Сибирь. В результате были переселены 238 тысяч человек, представлявших весь крымско-татарский народ, половина из которых погибла в течение первых трёх лет переселения. Крымским татарам было запрещено возвращаться на родину, язык их запрещался в общественных местах. На пути борьбы за право возвращения домой, многие были брошены в тюрьмы. Дорога на родину открылась только после падения советской власти в конце 80-х годов прошлого столетия. Сегодня крымские татары составляют 13 процентов населения Автономной республики Крым. Это около 270 тысяч человек. У них нет национальных детских садов и средних учебных заведений. 15 начальных школ, открытых с большим трудом, лишь на 16 процентов удовлетворяют потребность народа. Крымско-татарский язык занесён ЮНЕСКО в Атлас Языков мира, которым угрожает вымирание.

По словам секретаря Союза крымско-татарских писателей, главного редактора журнала «Йылдыз» Диявера Османа, за годы депортации и за последние двадцать лет катастрофически сократилась среда употребления крымско-татарского языка, что, конечно же, не на пользу молодым литературным дарованиям, пишущим на родном языке.

Конечно, крымские татары стараются сделать всё возможное для возрождения своего языка. Практические шаги в этом направлении очевидны. О многом говорит и то, что очередная конференция «Урал-Алтай» международного

сообщества писателей проходит именно здесь, в Крыму, на их исторической родине.

— В современном мире на грани исчезновения находятся около 100 языков, — сказал на закрытии конференции Президент Международного ПЕН-клуба Джон Рэлстон Сол. Сохранение национальных языков, литератур, культур во многом зависит от нас, писателей. Экономика, политика — это важно, однако язык и культура много важнее. — Он высоко оценил проделанную крымскими татарами в течение последних двадцати лет работу на пути сохранения и развития родного языка. — Но по большому счёту — это только начало многотрудной и кропотливой работы, — отметил Президент.

Очень тепло было принято собравшимися выступление директора казахиздата «Жазушы» Есенгали Раушанова, который обещал один номер казахского литературного журнала посвятить произведениям крымско-татарских писателей.

На конференции единогласно были приняты две резолюции по сохранению и развитию уйгурского и крымско-татарского языков, их литературы и в целом — культуры. Руководство Международного ПЕН-клуба приняло во внимание предложение о создании Крымско-татарского ПЕН-центра.

Обе резолюции были составлены и приняты на основе «Жиронского манифеста лингвистических прав», принятого в прошлом году Комитетом по переводу и лингвистическим правам Международного ПЕН-клуба. Там, в частности, записано: «Языковое разнообразие — это мировое достояние, которое необходимо ценить и защищать», то есть любой язык, имеющий практическое применение каким-либо народом, его носителем, достоин жизни и уважения.

День четвёртый

В этот день состоялась экскурсионная поездка в Бахчисарай и Ялту. Мы побывали во дворце крымских ханов, ознакомились с удивительными красотами Сада-дворца (так переводится с татарского «Бахчисарай») и уникальными предметами быта правителей Крыма средних веков. Знакомство с редкой выразительности дворцом приумножило чувство уважения к народу, так бережно относящемуся к своей истории и ведущего борьбу за своё историческое выживание. Не могли мы, конечно же, не задержаться у знаменитого Бахчисарайского фонтана, воспетого Пушкиным.

Главным пунктом ялтинской поездки стала Ливадия, где в 1945 году прошла Крымская конференция глав правительств трёх союзных держав во Второй мировой войне.

Уже на пятый день – в день отъезда – Президент Уйгурского ПЕН-центра

Кайсар Озгюн и мы, делегаты Татарского ПЕНа, были приглашены в Крымский инженерно-педагогический университет на торжественное собрание, посвящённое итогам учебного года и отличившимся учащимся, студентам и преподавателям крымских татар в школах и вузах автономии.

В университете и вернувшись в гостиницу, мы всласть наговорились со сверхзанятым в основные дни форума организатором конференции и ведущим всех заседаний Кайсаром Озгюном. Мы говорили на татарском, он – на уйгурском, и особых проблем в понимании друг друга не было. Вопросы были разные, но всё об одном – о жизни наших народов.

На прощание Кайсар высказал желание: «Хорошо бы одну из наших конференций провести в Казани».

Об этом, кстати, на протяжении форума говорили многие.

*Екатерина
Мурганинова*

78-й конгресс Международного ПЕН-клуба

В южнокорейском городе Кенджу с 9 по 15 сентября 2012 г. прошёл очередной конгресс Всемирной ассоциации писателей (Международного ПЕН-клуба) под девизом «Литература, СМИ и права человека». Открытию Ассамблеи делегатов, рабочего органа каждого конгресса, предшествовали заседания комитетов («Писатели в тюрьмах», «Писатели за мир», Женского и Лингвистического), а также совещания рабочих групп.

Открывая Ассамблею делегатов, Президент Международного ПЕНа, канадский писатель Джон Рэлстон Сол, огласил скорбный список видных чле-

нов Международного ПЕНа, ушедших от нас за прошедший год, в числе которых был назван и первый президент Татарского ПЕН-центра Туфан Миннуллин. Зал почтил память товарищей стоя. Далее Джон Сол выразил сожаление по поводу того, что не смог приехать вице-президент Международного ПЕНа, президент Русского ПЕН-центра Андрей Битов. Его обращение к делегатам (на английском языке) на тему давно назревшей необходимости сделать русский язык четвёртым рабочим на конгрессах (наряду с английским, французским и испанским) уже лежало на каждом столе. Андрей Георгиевич не

мог не отметить, что Корея для Русского ПЕНа имеет символическое значение, ведь 24 года тому назад именно на Сеульском конгрессе было принято решение о создании Русского Советского ПЕН-центра. Потом Джон Сол представил новые центры, впервые принимающие участие в конгрессе: Камбоджа, Бахрейн и Украина. Украинский ПЕН хотя и существует номинально с давних времён, но был скорее «дремлющим»; будем надеяться, что с новым президентом Мирославом Мариновичем у нас наладятся дружеские отношения.

В этом году все резолюции были разосланы заранее, и на пленарном заседании обсуждались самые актуальные, написанные «по горячим следам» событий, в числе которых была и резолюция по России. Международный ПЕН пристально следил за развитием политической ситуации в нашей стране, его весьма обеспокоило вынесение неправомерно жёсткого приговора панк-группе «Пусси Райот», и председатель Женского комитета, мексиканка Люсина Катман предложила текст резолюции. ПЕН не мог не откликнуться и на события в Белоруссии, призвав освободить находящегося в заключении известного белорусского правозащитника Алеся Беляцкого (кстати, все они номинированы Европарламентом на премию Андрея Сахарова).

Единогласно была одобрена резолюция о языке крымских татар, предложенная Комитетом по переводу и лингвистическим правам и сетью ПЕН-центров, входящих в группу «Урал-Алтай» Международного ПЕН-клуба. Первоначально она была принята на IV конференции «Урал-Алтая», прошедшей летом нынешнего года в Симферополе по инициативе Уйгурского ПЕН-центра и при поддержке Меджлиса крымско-татарского народа. В этой конференции приняли участие делегаты Татарского ПЕН-центра Ахат Мушинский и Ленар Шаехов. «Успех крымско-татарского народа в воссоздании своего языка и своей культуры на протяжении двух последних десятилетий вызывает восхищение, — говорится в резолюции. — Однако Международный ПЕН обе-

спокоен тем, что язык крымских татар по-прежнему находится в опасности».

Большой интерес у делегатов вызвал предложенный ПЕН-центром США проект Декларации по свободе слова и цифровым технологиям. Текст был одобрен единогласно.

Ассамблея делегатов заседала три дня, и повестка дня была очень насыщенной. Это были и отчёты всех официальных лиц, включая наглядный отчёт Международного казначея, американца Эрика Лакса, как на блюдецке продемонстрировавшего на экране, из чего складывался и куда расходовался за отчётный год бюджет ПЕНа. Кстати, вопросы «фандрейзинга», то есть нахождения денег, актуальны на всех уровнях и во всех центрах.

Потом были выборы. Свои посты сохранили Международный президент Джон Сол, казначей Эрик Лакс, председатель Комитета «Писатели в тюрьмах» Марион Ботсфорд Фрейзер, а вот Женский комитет теперь возглавила египтянка Экбал Барака. Вице-президентом Международного ПЕНа была избрана президент Сербского ПЕН-центра Вида Огненович.

В ПЕН-содружество были приняты два новых центра — Ливанский и Северокорейский в изгнании. Делегация северокорейских писателей была встречена овациями. В категорию так называемого «дремлющего» был переведён Греческий центр.

Организаторы конгресса постарались на славу, культурная программа изобиловала яркими, запоминающимися мероприятиями. Поэтические чтения, экскурсии, литературные выступления сменяли друг друга. Почётными гостями конгресса стали два Нобелевских лауреата — Воле Шойинка (1986, Нигерия) и Жан-Мари Гюстав Леклезьо (2008, Франция).

Незабываемые впечатления оставил мюзикл «Йодук» (“Yoduk Story”) об ужасах концентрационного лагеря в КНДР. Спектакль поставил переехавший в 1995 году из Северной Кореи режиссёр Чжон Сон Сан.

Следующий конгресс состоится в сентябре 2013 года в Рейкьявике.

СТИХИ
разных
лет

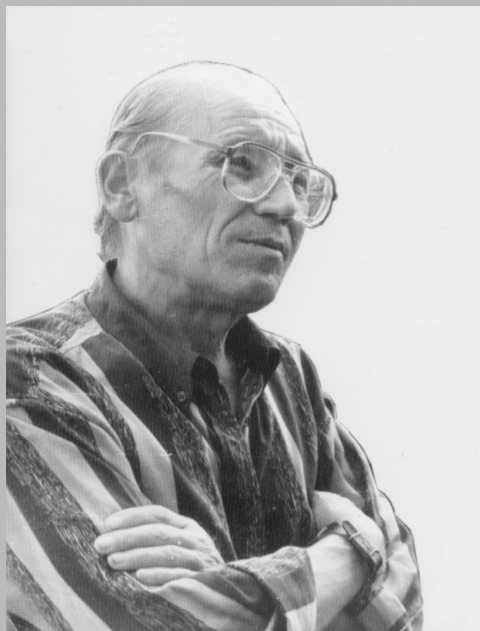
*Рутем
Мингалим*

Улыбаюсь без причины звёздам

171

* * *

Школьный глобус на пустом столе,
Жёлтый глобус с голубым отливом –
Это всё, что знал я о Земле
В детстве беззаботном и счастливом.
Издалёка я пришёл сюда...
Пальцем тронь – и скрипнет ось земная,
И меридианы на себя
Наматывают нить воспоминаний.
Лёгкое движение руки –
И уже, послушные, кружатся
Океаны и материки,
Реки, острова и государства.
Города родные нахожу,
Вижу, как земля моя поката.
Целый мир я на руках держу.
...Как он прост и лёгок был когда-то!

Рустему Мингалиму – 75

Родился (1937) в д. Юлдуз (Звезда) Куйбышевской области. С юности исколесил полстраны, работал трактористом, комбайнером, слесарем, участвовал в геофизических экспедициях. Окончил Казанский государственный университет. Был ответсекретарём республиканской детской газеты, литконсультантом Союза писателей Татарстана. Автор многих поэтических книг, изданных на татарском и русском языках в издательствах Казани и Москвы. Активно работал и в жанре прозы и драматургии. Лауреат Госпремии РТ им. Г. Тукая, народный поэт РТ

Причина

Говорят, я выгляжу моложе
Лет своих. На то причина есть...
Не щадили и меня морозы,
А невзгод не вспомнить и не счесть.
Пронеслись они вороньей стаей, –
Мама заслонила нас собой.
Как её метели исхлестали!
Как состарил ветер огневой.
Всё живое на земле калеча,
К нам дошёл войны смертельный вал.
Матерям на их худые плечи
Каждый дом разрушенный упал.
В эти годы им с лихвой хватало
И невзгод, и горьких вдовьих слёз, –
Столько, что телега провисала,
И они тянули этот воз.
Руки, затвердевшие, как камень,
На коленях складывает мать.
Было всё. А этими руками
Только колыбель бы и качать.
И когда я прошлое итожу,
Боль моя становится острей:
Говорят, я выгляжу моложе...
Мать в заботах старится быстрей.

Следы

1

...Но жизнь однажды трещину дала.
Вот-вот она расколется, казалось.
Такой она беспомощной была,
Что глянешь – сердце пробирает жалость.
Потом была сплошная маета:
Связать пытались белым, синим, алым,
Перебирали разные цвета,
Но всё казалось: дело лишь за малым –
И рухнет всё, развеется, как дым...
И – ничего в итоге не осталось.
Кольцом связать пытались золотым,
И маленькая девочка пыталась,
Обняв, спасти надтреснутый сосуд,
А он давно уж пересох от жажды.
И срок пришёл, и в несколько минут
Всё на глазах рассыпалось однажды.

2

Ту маленькую девочку давно,
Давным-давно не видел я. Но здесь ли,
В других краях брожу ль, и всё равно
В глазах моих – следы тех ножек детских.
Повсюду вижу детские следы!
Гляжу на снег, на маленьких прохожих.
Со времени случившейся беды
Покоя нет – везде ищу похожих.
След на песке – он чем-то мне знаком.
Кто здесь прошёл походкой осторожной?
Так долго шёл куда-то босиком
И на пыли остались придорожной
Следы.
Её следы? Наверно, да!
Быть может, и она со мною рядом...
Уйти бы мне отсюда навсегда.
А я смотрю на след застывшим взглядом.

* * *

Костры весны, небесные костры
Вновь на Идели растопили льдины.
«Лёд тронулся!» – и крики детворы
На берегу уже слились в единый:
«Лёд тронулся!» – мне подхватить бы весть,
Что вновь весна и вновь свободны реки.
Но на душе такие льдины есть,
Которые не растопить вовеки.

* * *

Улыбаюсь без причины звёздам,
Тем, что забываем впопыхах,
И вздыхаю глубоко, а воздух –
Словно спелым яблоком пропах.
Мне прохожий улыбнулся встречный,
Слышен сзади чей-то звонкий смех.
И как будто радость бесконечна,
И она роднит сегодня всех.
Смотрят на меня дома Казани,
Лунный свет ничем не затемнить.
Улицы как будто нанизали
Фонари на шёлковую нить.
Улыбаюсь без причины звёздам,
Тем, что забываем впопыхах.
Я вздыхаю глубоко, а воздух –
Словно спелым яблоком пропах.

Перевёл В. Бояринов

* * *

*Памяти моей
рано ушедшей одноклассницы
Эммегульсум*

Исчез у берега родник
И не журчит ручей,
Но те, кто по воду ходил, –
Все в памяти моей:

Я слышу девичьи шаги,
Я помню имена.
Вот на меня из глубины
Глядит из них одна.

О, не смотри... О, поменяй
На чёрный платья цвет!
Ведь я же знаю, что давно
Тебя на свете нет.

О, не смотри так, не смотри
И чёрное надень!
Не нагладелась разве ты,
Пока не пала тень?

О, не смотри, Эммегульсум,
Из вечной немоты!
Во что играешь ты со мной?
Зачем приходишь ты?

Лишь одного теперь ищу
На свете я пути:
Успокоенья для души
Своей хочу найти.

И вот оно! Звезда моя
Сверкнула мне сейчас:
Друзья, что раньше нас ушли, –
Они счастливей нас.

* * *

Я беспокойным был всегда,
По свету кочевал.
С годами и чуть-чуть ума
Скопила голова.

Скажу, итоги подводя
Стрелой летящих дней:
Лукавых в жизни сто дорог,
А верных – мало в ней.

Но сила в родичах моих
Особая живёт.
Какой бы нам ни выпал путь –
Никто не пропадёт.

* * *

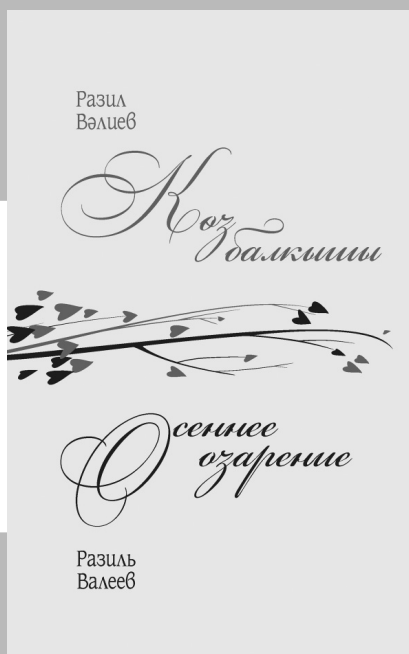
Ах, друзья мои бывшие,
Жизни спутники моей!
Вы теперь – воспоминанья
В глубине моих ночей,
Вы укрылись под камнями
Надмогильными в тиши...
С каждым шагом ноша эта
Тяжелее для души.

Ах, друзья мои бывшие,
Жизни спутники моей!
Вас за всё благодарю я
На земных исходе дней.
Но невольная обида
Мне покоя не даёт:
Разве дело укрываться
От меня который год?

Кто уйдёт из нас последним?
Где убежище найдёт?

Перевёл Б. Вайнер

176

Рамиль Сарчин

поверить
алгеброй
гармонию

Осеннее озарение Разиля Валеева

Одним из типологических черт татарской поэзии мне представляется стремление к гиперболизации поэтического образа, возведение его в ранг мирозданческих категорий. Это целиком относится и к лирическому субъекту, по большей части представляющему собой романтический образ и при всём своём романтизме сохраняющем в своём облике приметы земной

реальности. Я думаю, со временем указанная особенность художественного образа татарской поэзии найдёт свою национально-историческую и социально-психологическую мотивировку. Сейчас же речь о лирике одного из ярчайших её представителей – Разиля Валеева.

Его последняя на сегодняшний день поэтическая книга «Көз балкышы»

Рамиль Сарчин родился (1975) в с. Калда Барышского р-на Ульяновской области. Окончил Ульяновский педагогический университет им. И.Н. Ульянова. Кандидат филологических наук. Автор поэтических книг, монографий, сборников статей об отечественной поэзии. Лауреат премий Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (Хельсинки, 2011) и Международного песенно-поэтического конкурса «Журавли над Россией» (Москва, 2011). Член Союза писателей РТ и Объединения русскоязычных писателей Финляндии

(«Осеннее озарение») (Казань : Татар. кн. изд-во, 2011) открывается стихотворением «Мгновение» (пер. Ю. Дулесова):

Облокотясь на шар земной,
курил, пуская кольца дыма
в беззвёздный мрак.
Затем слонялся
по островам и континентам
и сосчитал, как много горя,
как много радости на свете.
Я видел ясные глаза.
Я видел страх в глазах
закрытых.
И захотелось слёзы взвесить,
но слёзы продавили землю.
Искал звезду, забыв на миг,
что звёзды на рассвете гаснут.
Но не нашёл.
В ладони взял
свою огромную планету,
и на неясное мгновенье,
одно счастливое мгновенье
я стал поэтом.

Это стихотворение «программно» по своему назначению, в нём задан масштаб лирического героя. Это, безусловно, герой одический, «пространства» которого измеряются масштабами «шара земного». Он равен всему мирозданию, о чём в виде поэтической декларации заявлено в стихотворении «Человек» (пер. Л. Барбас): «Мира живого живая частица, // малоизвестный, но я – материк»; «Я – материк. Я зовусь Человеком». Реализуя в этом произведении известный философский и художественный принцип «Всё во мне, и я во всём!», сформулированный Ф.И. Тютчевым, Разиль Валеев вслед за русским классиком утверждает Человека в качестве отдельного предмета изображения, целого мира.

И в Человеке этом, как неком фокусе, сведены различные времена и пространства, «сходятся» разные эпохи. В «Идели», устанавливая своё родство с великой Волгой, катящей на своих волнах историю Отечества, автор так итожит свои эпические видения: «Река и я». Такое понимание лирического героя позволяет поэту свободно путешествовать по пространственно-временным

далям. В основе стихотворения «В стране булгар» – тоже исторические мотивы, становящиеся в процессе художественной реализации поэтической мысли координатами, приметам внутреннего мира автора. Они – история, древность, прошлое, легенда – впитаны его душой, словно губкой. Стихотворение «Пожар в музее» основано на конкретном событии, оно «перекидывается» на большие историко-национальные и духовные пространства (огонь «кидается на землю, на народ // дракон свирепый, угрожая душам»). Трагедия пережита как своя, кровная: «горит музей, горит, как отчий дом. // Горит музей, как дом, который тушим». Отсюда столь проникновенный лиризм, даже в таких эпических произведениях, как упомянутые здесь стихотворения, которые условно можно объединить в единый цикл. Все они переведены Равилем Бухараевым. Ему тоже было свойственно постижение действительности в «больших масштабах», но осознанной как нечто субъективно личное.

Неудивительно, что и лирическому герою Валеева присуще планетарное мышление, ведь и он поэт, назначение коего – выражать боли и радости Земли. При всей земной конкретности образа, он устремлён к постижению высокого, надмирного: «В ладони взял // свою огромную планету...». Это и значит – стать поэтом. Хотя, памятуя о пушкинском «Пока не требует поэта...», Разиль Валеев понимает, что это состояние «быть поэтом» – лишь «на неясное мгновенье, // одно счастливое мгновенье». Но это и есть его момент истины, миг прозрения мудрости жизни, его озарение, в «осенности» которого мне тоже видится поэтическое влияние Пушкина, узаконившего осень как поэтическое время года.

Если в «Мгновении» заданы «пространственные» просторы лирического героя, то в следующем за ним «Я жизнь свою ещё не начинал...» (пер. Д. Даминова) как бы определены его временные горизонты. Стихотворение продолжает размышление о сущности и назначении

поэзии, которая здесь видится как некий долг перед ушедшими, как исполнение нереализованного ими в жизни: «Как будто продолжаю брата жизнь»; «Я весь – как будто прошлых дней завет: // Иду простором, что открылся деду...» Таковы «пространства», на которых ведёт свои нравственно-философские искания автор. Хотя я и назвал их «временными», по сути своей они вневременные: «Дожди времён, ветра веков во мне // Шумят, гудят неистребимой болью. // Пою ещё я не свои стихи, // А те, что до меня не спеты были».

В процитированных строках несколько режет слух кажущееся отсутствие рифмы, хотя в предыдущих строфах, как и в конечной строфе оригинала, она есть. Но она имеется, хотя и запрятана в аллитерациях *б, л** и держится на звукопереключке «боли» и «были», сопрягая таким образом два корневых понятия. Они и лежат в основе стихотворения и реализуют его ключевые мотивы – горя-боли и прошлого, особой чуткостью к которым и характеризуется образ лирического героя, а через него и поэта. Той степени чуткости, которой, видимо, обладают некоторые матёрые моряки-подводники, сквозь толщи воды чувствующие невидимые глазом, но прозреваемые сердцем глубинные бомбы. Эффектом глубинных бомб как раз таки и обладают как удачно найденная рифма переводчика, которая настроена на слух столь же чуткого читателя, так и глубокие рифмы самого поэта, в которых, помимо ударной, совпадают ещё и предупредные звуки и слоги: *килмэгэн – күлмәге, кайгым да – калдырган, жирне – шигырьне*. Это примеры того, когда форма как нельзя лучше реализует содержание, в данном случае: глубокая рифма – глубину раздумий поэта.

Такая глубина присуща разве что седовласому, умудрённому жизнью старцу – на такое читательское вос-

приятие поэта настраивает и название книги, и первые её стихи. Если это и так, то это старец, в котором ничуть не угас пыл молодости. А иного и не дано: поэт должен и может быть только молодым, о чём утверждал Разиль Исмагилович, даря мне своё «Осеннее озарение». Вот почему «программным» мне представляется и его короткое, как сама юность, стихотворение «Молодость»:

**На этом корабле без якорей
Одно желанье у его матросов:
Свирепый шторм пусть налетит скорей,
Чем к берегу теченьем их отбросит!**

Перевод Д. Даминова

Через аллегорические метафоры корабля и шторма, кстати, – традиционных символов поэзии, автору удалось вписать стихотворение о молодости в общее пространство стихов «творческой» тематики. Оно тоже о поэзии, которая и есть молодость, с её максимализмом, с постоянным поиском неизведанного и идеального, с напряжённостью и динамизмом чувств.

Ох, как тяжело с годами сохранить в себе это состояние, матерья в жизни – оставаться поэтом! Раздумьям об этом посвящено стихотворение «Я ещё вернусь», посвящённом памяти Сибгата Хакима в переводе Равиля Бухараева: «Ты вот напиши, если пряди седы, // а в юности всяк пишет резво... // Дерзни, если рот зажимают тебе, // взлететь, словно вправду на воле, // всей горькою жатвою в пику судьбе // засеять грядущее поле...» Но подобные размышления не заводят поэта в дебри пессимизма, а ведут, согласно духу молодости, к утверждению веры в бессмертие поэзии, неподвластной законам «физического» времени: «Я лебедем белым однажды вернусь, // не верьте в бессмыслицу смерти».

И возможно это бессмертие благода-

* Такие «аллитеративные» рифмы, которые держатся на созвучии согласных, причём уходящего глубоко внутрь строки, часто встречаются в стихах Р. Валеева. Например, на них целиком построена вторая строфа стихотворения «Кыз сурәте»: *кабат – кебек, карашы – карасы*. Впрочем, в последнем случае рифма поддержана и ассонансом *ы*.

ря людской любви и памяти, которыми проникнуты и строки Разиля Валеева о поэтах-предшественниках. Одному из его стихотворений предпослан эпиграф из Хади Такташа: «Мир прекрасен – и потому // Не могу удержаться от крика...». Солидаризуясь с ним, поэт упоминает ещё одного своего предшественника: «Такташ, понятен мне такой восторг. // Улыбчив мир, он – как стихи Тукая» (пер. И. Фаликова). Заканчивается стихотворение утверждением характерной для Валеева мысли о «пространственно-временном» единстве и общности поэтических судеб: «...оттого что гонят нас года, // Опять бегут за горизонт дороги». Так – и вполне заслуженно! – собственная жизнь и творчество вписываются в общее пространство национальной поэзии. Об этой общности ведётся речь и в несколько фантазмагоричном сюжете стихотворения «В трамвае»: «Попасть бы с Арской стороны // в бессмертные поля! // К Тукаю, как к себе домой, // прибыть бы и – шабаш!» (пер. Р. Бухараева). Впрочем, у стихотворения такой финал: «В какой приехали мы край? // Ни друга, ни огня... // «Конечный пункт. Слезай давай!» – // и гонят вон меня». И хорошо, что это так. Дай Бог творить поэту долгие годы жизни, верой в которую, таким образом, оборачивается и это произведение!

А пока что в стихотворениях, написанных поэтом в светлую пору юности, Разиль Валеев утверждает свою безграничную веру в счастье. «Актуальность» счастья автор подчёркивает, в частности, тем, что пишет его с прописной буквы: «Ялгыз үтеп булмый // Кайгы белән Бәхет арасын» (ст. «Син күрмисең, әйе, күрмисең син...»); в пер. Д. Даминова – «Останься, проникнись участием!...») Смысл этой фразы в том, что одному не одолеть путь между горем и счастьем. Понятие Счастья столь велико для по-

эта, что одно из стихотворений он так и называет – «Счастье» (пер. И. Фаликова). Каково же счастье Разиля Валеева, о чём печётся его душа?

«Счастье» начинается со строк, в которых определено место лирического героя, поэтическая точка зрения автора: «Взобравшись на скалу, я высек стих – // я высек стих о счастье. Он таков, // что я в лучах сияю золотых // и головой касаюсь облаков». Итак, поэт – на горной скале. Попутно отмечу, что горы, небеса – частое место обитания его лирического героя. Это та высота, которая и позволяет ему определить своё понимание счастья, составляющего истинную ценность жизни. И счастье это – в чувстве родства со всем миром: «Сегодня люди все мне так близки, // на отчий край похож весь белый свет». Во встрече с любимой: «Вернулась из разлуки и тоски // любимая ко мне, в руках букет». В ощущении благодати жизни: «Груз радости на плечи положив, // легко проходят месяцы, года...»*

Всё это, так сказать, частное счастье отдельного человека. И для этого, может быть, и не стоило браться за перо, хотя почему бы и нет... Но ведь цель-то заявлена изначально: «высечь стих о счастье». Поэт понимает это, поэтому после строк о легко проходящих годах ставит многоточие. Далее – речь о счастье «эпическом», «всенародном»: «...вечерами водят хоровод // народы, взявшись за руки дружной, // и душу распахнёт любой народ, и в круг само добро свело людей». Но чтобы эта мысль не звучала в духе ложнопатетических статей на известную тему о «мире во всём мире», поэт «уплотняет» её, «материализует», «оживляет», делает своей путём ввода в неё мотива детства и «малой родины», органически связывая их в едином «пространстве» раздумья о счастье: «Внизу народы дружат, каж-

* Перевод в данной цитате не отражает всей поэтичности оригинала (ср.: «Иңнәренә шатлык йөгә төяп, // Сизелми дә үтә ай, еллар...»), более того – непреподъёмно грузна и корява первая её половина.

дый жив, // лишь бьются пацаны, с ордой орда. // Игрушечно звучат «огонь!» и «пли!», // гремит парад, играют марш и туш... // Бумажные уходят корабли // на дно морей, разлившихся из луж». Правда, на фоне этом аляповатым и лубочным начинает видаться картина хоровода народов, но и она мне представляется художественно обоснованной. Дело в том, что стихотворение по сути своей – одическое: и по тематике, и по пафосу, и по образности, и с точки зрения лирического субъекта... Другое дело – не запоздал ли Разиль Валеев, а вместе с ним и вся татарская литература, с выражением одических мыслей и чувств? Или на определённом этапе истории отдельного народа, в данном случае – татар, такое возможно? Тогда возникает ещё один, более существенный вопрос: если поэты – выразители чаяний народа, не запоздал ли сам народ в своём развитии?..

Но вернёмся к стихотворению. Итак, поэт прежде всего заботит мысль о народном счастье, что составляет и предмет собственного счастья. И для него это очень органично, потому и веришь в искренность сказанного поэтом, ведь в основе характера и его лирического героя – альтруизм, составляющий нравственный принцип его жизни. Наиболее наглядно он явлен в стихотворении «Конечно, судьба не щедра на подарки...», точнее – составляет его сердцевину:

Бывает, ты радостно молишься небу
за то, что стоит ясных дней полоса.
Но вспомнишь, как тяжело
деревьям и хлебу –
и молишь у неба, чтоб дождь пролился.

Бывает, от ветра сгибаешься вдвое,
дорога трудна, изнурителен путь.
Но вспомнишь про парус
над мёртвой водою –
и ветер желанен, и думаешь: пусть!..

Ты ночи грядущей боишься и хочешь
бегущему дню натянуть удила.
Но вспомнишь влюблённых,
язычников ночи, –
и просишь, чтоб ночь подлиннее была...

Перевод Д. Даминова

Стихотворения с подобными строками я склонен относить к «молодым» произведениям автора. Хотя если вспомнить изречение поэта о том, что поэзия должна быть только молодой, то таковой следует воспринимать всю его лирику, по крайней мере – лучшую её часть, к каковой я отношу и процитированные стихи. Они – «молодые» (речь отнюдь не о времени их написания) по жизнеспособности, по характеру лирического героя – самоотверженного, готового поступиться собой ради счастья других. Более всего его заботит тревога никого не осчастливить в этом мире: «Мин дөньяда беркемгә дә, ахры, // Бәхет бирә алмам» (дословно: «видимо, никого на свете я не смогу осчастливить»; ст. «Кабатлана язлар», в пер. И. Фаликова – «Вернётся весна»).

Измерение своей человеческой состоятельности в мире масштабами этого самого мира, счастьем народа, позднее (особенно в стихах «Афганской тетради») мыслимым в связи с интернациональной темой, требует от поэта разобратся прежде всего в самом себе. С этой целью он прибегает даже к такой субъектной организации стихотворения, которая позволяет взглянуть на себя как бы со стороны, как на другого (кстати, согласно учениям М.М. Бахтина, непременное условие творчества). В частности, в «Зрителе», вроде бы обращённом к некоему адресату. Но если соотнести всё сказанное с характером, с психологией лирического героя поэта, со всей его лирикой, то станет ясно, что речь идёт о самом себе. А если и обращено оно к кому-то, то только к своему сердцу, которое и есть истинный предмет изображения, чем обусловлен и лиризм поэтического самовыражения, и явно выраженная психологическая установка стихов автора. В стихотворении «Всеми виной весна. Она...» (пер. Д. Даминова), «обвиняя» в любви к Ней весь белый свет, поэт приходит к выводу, что исток чувства всё-таки в сердце – где же ему и быть-то: «А может, звёзд неясный свет... // А может, луч рассвета... // Весна... Тропинка... Ветер... //

Нет! // Наверно, сердце это...». Быть может, скажете – банально! Но весь секрет и глубина стихотворения как раз в том, что вместе с любовью, сердце становится истоком и первопричиной всего сущего, как бы проекцией человека на весь мир. Так устанавливается искомая гармония человека с миром.

И в поисках этой гармонии, на путях обретения которой приходится преодолевать различные жизненные противоречия, которые в одном из стихов символически выражены с помощью антистетического сопряжения чёрного и белого цветов: «Кара жирдэн ап-ак бэхет эзлэп» («На чёрной (мрачной) земле ища белое (светлое) счастье»). Но таков путь к счастью, обнажающий свойственное поэту внутреннее ощущение парадоксальности жизни, её несоответствий: «Бывает, продрогнешь ты в полудень жаркий // и жаром горишь в самый лютый мороз». Не являются ли они истоками более поэта, которые то и дело будут аукаться в его стихах, отражая парадоксы судьбы?..

Так или иначе, парадоксальность я бы выделил в качестве одной из важных черт лирики Разиля Валеева, помогающей ему неординарно решать поэтическую мысль произведения, как например, в «Весеннем стихе», начинающем в «Осеннем озарении» любовную тему. Поэтическая традиция приучила нас к тому, что весна воспринимается как время любви, а осень, по полярности, время разлуки, печали, минора. У Валеева же осень «дарит» лирическому герою возлюбленную, а весна становится временем тревоги, заботы, печали, отнимающим её у него: «Хоть тебя подарила мне осень, // Но отнимет, наверно, весна...» (пер. И. Фаликова). Эти финальные строки стихотворения заставляют задуматься над вопросом, а почему это так? На него нельзя ответить, не разобравшись в образе этой самой возлюбленной, точнее, в её художественном воплощении.

Она дана на фоне лесного пейзажа, можно даже сказать – она принадлежит лесу. Вот она среди берёз, от

которых белизна её кожи; вот она моет свои волосы в озере, любит дубами, обнимает сосны... И ко всему этому лирический герой её ревнует. В итоге она ему и не достаётся, растворяясь в объятиях леса, соперничать с которым у него просто нет никакой возможности, потому что – весна, пора расцвета, буйства леса, представшего по весне во всей своей красе и силе. Другое дело – осень...

В такой необычной для любовной лирики картине и ситуации ясно обозначается скрытый на первый взгляд, неявный смысл произведения: о возможностях человека, о его месте в мироздании, что в своё время даётся в виде поэтической декларации: «Или мир я изменю сегодня, // Или сам сегодня изменюсь» («Плача и скорбя, искал свободы...», пер. Д. Даминова).

Эти строки, подкупающие молодцеватой силой уверенности в безграничных возможностях человека, отражают основной нерв лирики Разиля Валеева – её жизнотворческий характер. Поэт в своих стихах ничего не отражает, как мы привыкли говорить в отношении произведений искусства, а всегда пересоздаёт действительность, вернее – создаёт новую реальность в соответствии со своими нравственно-философскими устремлениями и творческими задачами, как, например, в стихотворении, названном в автопереводе «Любовью...»:

Капелька воды бесцветна.

Воздух, которым дышим, бесцветен.

А небо – синее-синее.

И океан – синий-синий.

Ещё вчера

**твои глаза были для меня бесцветны,
а сегодня... синие.**

Преобразующая сила любви лица. А если учесть, что синий цвет – это цвет океана и неба, то оказывается, что синий цвет – это ещё и цвет поэзии – так сказать, «неба» души автора.

Но вернёмся к преобразующему характеру лирики Валеева. Есть у него показательное с этой точки зрения стихотворение «Превращения» (пер. И. Фа-

ликова), начинающееся со строк, в которых с ходу определены масштабы лирического героя, равного целому миру и слитого с этим миром в единое целое: «Смотрел на мир – и миром очи стали. // Мир рос и рос – и захлестнул зрачки».

В превращениях, бесконечной динамике и изменениях жизни – её вековая суть – такова поэтическая мысль стихотворения. И в этом родственны Жизнь и Поэзия... Итак, Поэзия – это и есть Жизнь, слита с ней в едином бытийном потоке. А в метаморфозах жизни заключена её высокая поэтичность. Так сходятся две ключевые темы в лирике Разиля Валеева, которые разъять можно лишь условно: философская тема Жизни и тема поэта и поэзии. И главная их общность – в «Любви без края и конца», как о том художественно оправданно написано в переводе, точно отражающем её всемерность и всемирность.

В стихотворении «Сколько звёзд во тьме высокой!..» мы видим приём низведения изначально «высокого» образа до уровня образа «земного», что в оригинале дано ещё «ниже» – «су төбэндә» («на дне реки»). Поэт как бы наблюдает: а что будет?

Но для поэта всё же более характерен другой принцип лепки образа: конкретный предмет, явление наделять изначально несвойственными ему качествами, смыслом, возводя их до символа. Как это происходит с заглавным образом стихотворения «Рельсы», органично выросшим в процессе развития поэтического сюжета в символическую метафору двух судеб – Его и Её, – судеб «параллельных», которые сойдутся разве что в видении, в мечте: «Два рельса, две судьбы, как две мечты, // Вдали соединяются обманно» (пер. Д. Даминава). Впрочем, если верить науке, параллельные всё-таки соединяются, но хватит ли жизни дожидаться этого...

Итак, предметно говорить о душевных переживаниях человека, мире его мыслей и чувств – ключевое свойство поэтического мышления Разиля Ва-

леева. В стихотворении «Төн карасына каләмемне манып...» он так выражает своё любовное томление: «Йөрәгеңне кулларыңа тотып // килмисең», что в дословном переводе значит: «в руках держа своё сердце, // ты не придёшь». На русском, согласитесь, звучит смешно, хотя подобная «операция» с сердцем была в своё время поэтически разыграна именно в русской литературе – Максимом Горьким в легенде о Данко. Но ведь и на татарском фраза валеевского стихотворения – столь же поэтична! Видимо, в этом типологическое свойство татарской поэзии и языка вообще: о высоком – по-земному.

Остановимся на стихотворении «Яблоко», которое, на мой взгляд, одно из самых пронзительных в любовной лирике Разиля Валеева и занимает особое место в его творчестве, как и сама любовь – столь же особая Вселенная. «Земля особой стати» – так о ней сказано в стихотворении «Любовь» (пер. Д. Даминава), в котором автор воссоздаёт её контуры и приметы. Её пространства измеряются лишь ей присущими координатами, существует она по своим законам, преображённым в соответствии с установками души, с велением сердца. В общей картине поэтического мира автора Любовь формирует пространство, так сказать, чистой поэзии. Она, по сути, и есть настоящая поэзия. Неслучайно, поэтическое стихотворение «Рәсем» завершается образом молнии (к сожалению, в переводе В. Баширова неявленной), которая озаряет сердце поэта, когда он видит слёзы в глазах возлюбленной. Любовь, как и поэзия, призвана преображать человека, делать его нравственно чистым, одухотворять, возвышать над действительностью, напоминать ему о его божественном происхождении. И так же, как поэзия, она жизнотворна, благодаря ей осуществляется вечное таинство возрождения жизни в природе: «Юккамыни һәр ел саен жирдә // Кабатлана язлар» (дословно: «Не зря же каждый год на земле // Повторяются вёсны»; ст. «Кабатлана язлар» –

«Вернётся весна»). Видимо, сведение излюбленных тем – любви и поэзии – в единое тематическое пространство стихов, общий пафос которых в гимне Жизни, и делает произведения Р. Валеева особо проникновенными и лиричными.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать здесь прекрасное стихотворение «Обещание» – о любви самой что ни есть земной, даже «семейной», но измеряемой вечностными координатами рая и ада:

**Я тебе не обещаю рая.
Сам не знаю, с чем его едят.
Всё, что я имею, – предлагаю –
Всё, что я умею, чем богат!**

**Есть стихи в избытке, хватит хлеба.
Что ещё прикажешь для души?
Я тебе не обещаю неба.
Но звезду достану... Прикажи!**

**Что ещё имею за душою?
Невысок мой потолок... Прости!
Небо – высоко над головою,
значит – есть куда ещё расти.**

**Будешь ли счастливою, – не знаю.
Слёз твоих себе я не прошу!
Я тебе не обещаю рая...
Но и в ад, конечно, не пушу.**

Перевод В. Баширова

А любовь, по Валееву, – это и есть рай, чему имеется и конкретное указание в стихотворении «Соңгы мәхәббәт», данное через связь любви с образом сада: «...Сәю бакчасында // Бар агачлар яфрак койганнар» (досл.: «В саде любви // Все деревья сбросили листья»). Любовь – райский сад!

И сила любви поэта такова, что нельзя не поверить его заверениям. Как нельзя не поверить и в то, что ему по плечу изменить ход времён года, если

на то будет веление любви. Об этом – четвёртая строфа стихотворения «Сине озатканда». Преисполненный любви, лирический герой уподоблен Всевышнему.

Но чаще он дан в «позе» возносящего молитвы к своей возлюбленной, к своей Богине, названной в заглавии одного из стихотворений «дочерью гор» («тау кызы»)*. Настоящими любовными заклинаниями, воплощёнными в «сквозных» повторах, параллелизмах, рефренах, становятся стихотворения «Сөйләмә мәхәббәт турында», «Чакырма» и др. Как же всё-таки много теряется при их переводах, если не сохраняются эти излюбленные поэтические приёмы Разиля Валеева!

А сколь поэтичен образный строй стихотворения «Син күрмисең, әйе, күрмисең син...», с помощью того же параллелизма превращённого в плач по любви! Это настоящая Песнь Любви, исполненная в духе соломониновских песен. В том смысле, что это не только и не столько даже любовь-страсть, сколько любовь-мудрость – с глубоким пониманием мира и человека. Видно, что ум и сердце лирического героя в ладу: «Акылым булды, булды йөрәгем» («Мәхәббәттә алданганнар жыры»). Но проникнуться такой любовью в полной мере может только читатель, владеющий татарским языком, так как в переводе начисто утрачена высокая песенность стихотворения.

Песенность – очень важная черта лирики Разиля Валеева, без учёта которой любой перевод его стихотворений грозит обернуться творческой неудачей. Она воплощена в сквозных повторах, параллелизмах (психологическом и синтаксическом), рефренах и иных приёмах этого «повторительного» ряда. Благода-

* В переводе Д. Даминова она названа «горянкой», что, на мой взгляд, поэтически неточно, так как утрачивается хронологическое значение горы, которое в заглавии первоисточника существует всё-таки в виде отдельного слова «тау», сохраняя при этом свой символически высокий смысл. В «горянке» же он становится лишь частью слова, пусть и корневой. В итоге стирается «духовная высота» героини. Даже если она идёт «тау юлынан» (по горной тропе) в другом стихотворении, это не просто тропа, а – стезя, во всей высокой поэтичности, духовности этого слова.

ря им, стихи поэта так легко и ложатся на музыку, становятся песнями, хотя главное не в этом, а в том, что повторы помогают выражать истинные человеческие ценности, которые неустанно, стих за стихом, утверждает автор. И функция их – не только формально-эстетическая, но и – эмоционально-смысловая, поэтому они столь органичны у Валеева. Например, стихотворение «Ядкарь». Оно было переведено И. Фаликовым («Память»), но в данном случае на перевод ориентироваться сомнительно, поскольку в нём совершенно утерян основной принцип его построения – параллелизм, и песенность сошла на нет. Впрочем, в конце перевода появляется упоминание о песне, песенных мотивах, но они положения не спасают, а стало быть, данный перевод переводом считать неверно, скорее, это стихотворение, написанное по мотивам...

В стихотворении же «Ядкарь» песня воплощена в мотивно-образной структуре произведения, в его композиции, к тому же в содержательном смысле очень органично связана с темой памяти о юности, о родном крае, по сути, является этой памятью. В этом и заключается основной пафос произведения, чеканно выраженный в его финальной строке: «Ул жыр безгә – яшьлек ядкаре» (досл.: «Та песня для нас – память о юности»). Песня – явление молодости, прошедшей в деревне, льётся именно оттуда, потому и окрашена особым светом поэтичности, так лирична.

Песенность лирики Разиля Валеева, большое количество в ней повторов и параллелизмов обусловлены ориентацией на традиции народно-песенной поэзии и в целом фольклора. При создании ряда стихов, поэт часто обращается к пословицам и поговоркам, выражая с их помощью народные представления о мире и человеке, как это происходит в стихотворении «Говорят, что первый снег...» («пер. И. Фаликова»): «Иң беренче төшкән карлар // Иң соңыннан эри, диләр» («Говорят, что первый снег // исчезает позже всех»); «Иң беренче янган йолдыз // Иң

соңыннан сүнә, диләр» («Говорят, поздней иных // гаснет первая звезда»); «Күп еласаң, бер көләрсен, // Бик күп көлмә, бер еларсың, диләр» (здесь прибегну к более точному переводу, чем поэтический: «Говорят, много слёз – к смеху, // Не смейся много, будешь плакать»). Но процитированное стихотворение интересно тем, что в нём автор как бы спорит с народными афористическими формулами, выражая своё сомнение в их истинности («Мин боларның кайсына да // Ышанырга белмим»). Таким образом утверждается, при всём уважении к народной мудрости, свой незаёмный жизненный опыт, особость и неповторимость индивидуальной судьбы человека. Поэтому и для финала стихотворения у автора находится оптимистическая жизненная формула, данная теперь уже в оригинально-авторском «афоризме»: «Бу дөньяга // Көлеп килсәм киләм, // Ләкин елап үлмим» (досл.: «На этот свет // Если прихожу – прихожу со смехом (с радостью), // Стало быть, и умру не плача»).

Высокой степенью песенности и психологизма обладает в лирике Разиля Валеева пейзаж. Воспроизводя традиции народно-песенной поэзии, автор умело пользуется приёмом психологического параллелизма, «обременяя» пейзаж функцией выражения состояния души человека, его чувств, мыслей, переживаний. Этот приём использован, в частности, в столь же добротном, сколь и равнозначно переведённом Д. Даминовым стихотворении «Ничто тебя сегодня не тревожит...»:

* * *

I

Ничто тебя сегодня не тревожит,
Скажи мне, кто весну тебе вернул?
Ведь ты другая. Грустная. Быть может,
То тёплый ветер с севера дохнул...

II

Ничто тебя не радует с рассвета.
Печальна ты, всё валится из рук.
Ведь ты другая. Радостная. Это
Дохнул холодный ветер с юга вдруг...

Образ возлюбленной мыслится как целая Вселенная. При его создании автор пользуется традиционными песенно-поэтическими мотивами – звёздами, лунами, ивами, цветами... Своим присутствием Она наполняет мир смыслом, одухотворяет его. А если уходит, всё в мире напоминает о ней: «Тебя являла мне везде // Одушевлённая природа. // Был отсвет лунный на воде // Дорогой твоего ухода. // Тальник незримый начертал // Твой силуэт в вечернем свете. // Твоё мне имя прошептал // Усталый одинокий ветер...» («Ушла... Всё было как во сне...», пер. Д. Даминова). Как видим, её образ также гиперболизирован, как и образ лирического героя. В этом смысле они равны, хотя поэт и сетует на то, хватит ли юности для познания любви: «...Найти любви не хватит // Юности моей одной» («Экспромт», пер. Д. Даминова).

Тут не только юности, а и целой жизни будет мало! Зная об этом, поэт как бы искусственно «замыкает» свои стихи с помощью композиционных «колец», приводя расколыхавшиеся в нём чувства к некоей гармонии («Сине озатканда», «Хатларыңны утка яктым синең...», «Онытылды инде күз яшьләре...» и др.) Но любовь, как и душа, «не ведает границ» и с каждым новым стихом всё шире разливается по пространствам поэзии, как в стихотворении «Саубуллашыр өчен баргач...». Здесь в финале произведения о любви в пословичной форме выражен очередной урок жизни, полученный в результате разрыва с любимой: «Саубуллашыр өчен баргач // Исәнләшмә икән...» («Когда идёшь прощаться, // не здоровайся...»).

И подобных уроков у жизни предостаточно, успевай только усваивать. Вот стихотворение «Поэт», уже по названию программное. Оно посвящено французскому поэту-символисту Шарлю Бодлеру. Здесь Разиль Валеев словно бы сверяет свою судьбу с судьбой великого предшественника. Как не вспомнить в связи с этим его фразу, высказанную в одном из последних ин-

тервью, данном Галине Зайнуллиной: «Шутя, я разделяю поэтов на дворцовых и дворовых». О поэтах «двора» и «дворца» размышлял поэт и в разговоре со мной. Взгляд поэта «двора» замыкается, по Валееву, на личностных, «узко местечковых» проблемах. Поэт же «дворца» тревожим болями нации и всего человечества. Такие стихи, как «Поэт», свидетельствуют о том, что художник устремлён к постижению вечного, общечеловеческого – сквозь пространство и время.

Тематически близким «Поэту» является стихотворение «Памятники» (пер. Д. Даминова). Определяя своё место в ряду поэтов, Разиль Валеев ясно видит ту «высоту», на которую возносит человека Поэзия: «өстөн карый шагырь» (поэт смотрит с высоты). Но эта «высота» не связана с величием, с категориями богоизбранности поэта – такое понимание для Валеева, мусульманина по вероисповеданию, в принципе невозможно: «А мы не великие, мы не из камня, // Из крови и плоти сработаны мы». Дважды в стихотворении сказано, что поэты – «простые, обычные люди». Но что же тогда отличает их от людей, за что им ставят памятники, в чём «высота» поэта? На этот вопрос и дают ответы судьбы и творчество художников, в том числе и Разиля Валеева: в способности прозревать и утверждать Вечные Истины жизни, её непреходящие ценности.

Поэзия не профессия, не род деятельности, не ремесло. Поэзия – это особое состояние, и поэтом, пусть даже на какое-то время, может стать даже самый обычный человек, как, например, старик, склонивший голову у вечного огня у ног Неизвестного солдата. В образе камня ему представляется живой однополчанин, в вечном огне – его «по-прежнему горящее» сердце. Как пишет переводчик, «вопреки законам смерти». Вот это – вопреки законам смерти, сквозь года – ощущение «живой жизни», гимн ей и есть «вечный огонь» человека, его поэтическая высота.

В стихотворении «Вечный огонь» (пер. Д. Даминова) в образе лирического субъекта «сошлись», стали общими переживания героя произведения (старика) и самого поэта. Умение пережить чужую боль как свою собственную, то есть способность сопереживать, сострадать, а благодаря этому – искренне и высокохудожественно воплотить в поэтическом слове, ставит Разиля Валеева в ряд видных поэтов современности.

В «Вечном огне» болью поэта становится боль старика. В стихотворении «Я – сверстник бомбы атомной...» (пер. И. Фаликова) – боли и тревоги всего человечества. Соотнесённая с индивидуальной судьбой поэта, публицистическая, остро актуальная тема «мира во всём мире» вновь переплавляется в лирическую тему «жизни», равную теме самоутверждения и вообще человеческого существования в «атомном» мире: «Я – сверстник бомбы атомной. // Нельзя нам сосуществовать на белом свете!»

Такова истина поэта. И, как любая истина, она является одной из составных его жизненной философии. Какой бы отвлечённой она ни была, к её постижению поэт приходит через раздумья о своём жизненном опыте. Этим объясняется сокровенно-исповедальный характер поэтической интонации стихотворений Разиля Валеева.

Глубокий анализ перипетий своей судьбы и основ собственной личности, художественно воплощённый в стихотворениях поэта, позволяют причислить его творения (такие как «Ожидание», «Надежда» и многие другие), к лучшим образцам психологической лирики. Автор неустанно ведёт в них свои нравственно-философские поиски, в конкретных сюжетах разрабатывая сложнейшие бытийно-психологические категории Веры, Надежды, Любви. Или, как в стихотворении «Иң беренче тирәк» (в пер. Д. Даминова – «Меня приучали к работе...»), Мечты о счастье – залогом нескончаемости жизни.

В мечте этой воплощена мысль о

связи поколений и всего сущего в мире. Установить её возможно, лишь прозревая собственные истоки. В этой поэтической установке я усматриваю корни мотива возвращения в лирике Разиля Валеева. Одно из его стихотворений так и называется – «Возвращение» (пер. Д. Даминова), в котором тема «малой родины» реализована в чеканно исполненных стихах и блестящем образе, так и греющем сердце теплом родства с отчим домом: «Лишь здесь, лишь здесь, в родном ауле, // Печёным хлебом пахнет дым!» Вроде бы локальный, «дворовый», образ, но возносится-то он в небо, с высоты которого взору поэта открываются просторы всей Вселенной.

Стихи о малой родине – самые оптимистические, самые светлые в лирике Валеева. Даже названия их говорят об этом: «Сабантуй», «Свадьба в деревне»... И свет этот прежде всего проистекает от духовной общности людей, к единению с которыми постоянно устремлён поэт. А исток этого стремления именно здесь – в деревне.

И здесь же – его «язычество», обнажённое в стихотворении «Язычник». В деревне обнаруживаются ещё более глубинные корни лирического героя, я бы сказал – «до-рожденческие» и «до-исторические». Это – его природные начала. Так сын земли (в крестьянском значении) становится сыном Земли (в значении планетарном, общечеловеческом). Или так: поэт «двора» – поэтом «дворца» (в валеевском словоупотреблении), не утратившим связи и со своими «дворовыми» истоками.

«Язычеством» лирического героя я объясняю и восприятие им природы как живого создания. Таков, например, лес в одноимённом стихотворении.

Впрочем, пейзажными подобные «Лесу» произведения и назвать-то сложно, так как поэт и в них озабочен прежде всего постановкой и решением нравственно-философских проблем, среди которых – тема взаимоотношений человека и природы, его места и роли в мироздании. Среди стихотворений этой тематической группы – «Лес»,

«Охотнику», «Ода Земле» и др. В контексте его лирики они столь живые. «Живость» их и в том, безусловно, что поэтическая мысль сконцентрирована в ярких по изобразительности и ёмких по смыслу образах, которые выражают целую систему мироотношений, порой вплетаясь в мощные афористические формулы: «Һәр агачның үз урыны – // Күккә чөймә имәннәрне» («У каждого дерева своё место – не возноси до небес только дубы»).

В определении же своего места поэт то и дело оглядывается на свои истоки. Сквозь наслоения времени перед его взором встаёт светлый образ бабушки, чётки которой становятся символом рода, её сохранности, веры, истории, семьи, а через песню – и поэзии (ст. «Чётки»). Или образ деда, вместе с бабушкой являющийся для поэта хранителем жизни на земле и всего человеческого на ней. Таким образом, и здесь личная, «дворовая» тема переплавляется в тему общечеловеческую.

В упомянутом выше интервью Разиль Исмагилович так сказал о деде Нуретдине: «Он до революции был довольно состоятельным человеком, так называемым «кулаком», держал мельницу, кузницу, зерносушилку, просорушку. Его не сослали в Сибирь только потому, что народ на сходе решил Нуретдина отстоять – иначе некому было бы управлять с мельницей. Двухэтажный дом и всё остальное состояние у него отобрали, в колхоз он тем не менее не вступил и своим сыновьям заповедывал не вступать. С ним спорил мой отец, убеждённый коммунист и председатель этого колхоза. А Нуретдин-бабай на все его аргументы твердил одно: «Так жить нельзя!» – за долго до Станислава Говорухина, между прочим. Ещё пословицу повторял: «Уртак малны эт ашамас» – «Общую пищу не ест даже собака».

По тому, с какой гордостью и уважением сказаны эти слова, чувствуется, что и поэт «на стороне» деда. Стихотворение, посвящённое ему, называется «Род земледельцев». Прислушаемся к

словам «земледелец», «земледелие». Они ведь от «землю делать», то есть творить на ней жизнь. Поэт тоже из этого рода творящих жизнь людей. В его творчестве ненарочито сближаются два понятия: «жир» (земля) и «жыр» (песня) – родственные даже по звучанию. Только поэт возделывает не землю в прямом смысле слова, а песню, поэзию, но это тоже его земля. Этим определяется место поэта и в «роде земледельцев», и в «роде» всего человечества.

Его «Земля» – эта вся планета, и пишет он её с прописной буквы. Но это возможно, ведь всё на Земле – живое. Надо только уметь прислушаться: «Колагыңны жиргә карат!» (ст. «Кояш көлә» – «Солнце смеётся»), что значит «Прислушайся к земле!», проникнись её болями и тревогами, ведь она тоже «человечна».

Самому поэту в лучших стихах это вполне удаётся. По сути своей, они – лирико-философские. Иначе и быть не может: автор выражает себя путём осмысления общих законов бытия. С годами эта тенденция в творчестве Разиля Валеева усиливается, что поэт и сам сознаёт, говоря об этом в финале стихотворения «Суть жизни», взятом в качестве эпиграфа к книге «Осеннее озарение»: «Тихонько-тихо в осень я врываю, // Суть жизни начинаю понимать» (пер. А. Гаврилова).

Осень как время года становится осенью жизни поэта, обострившей его раздумья о собственной судьбе и жизни в целом. Да, это время утрат и неизбежных с ними тоска, печаль. Но эта печаль – пушкинская, светлая, поскольку согрета надеждой:

**Деревьев позолота молодая
Своим сияньем высветила даль.
Летит листва к земле, в душе рождая
По лету уходящему печаль <...>
И всё-таки надеждою согрета
Душа среди засыпающих долин.
Ей ведомо:**

**не на зиму, на лето
Указывает журавлиный клин...**

*«Осенний небосклон»,
перевод Д. Даминова*

У Разиля Валеева целый ворох великолепных стихотворений об осени – верное свидетельство его любви к ней. В «Осени...» он даже, как замечалось выше, сводит две свои излюбленные темы – любви и осени – в едином стиховом пространстве, рождая прекрасные по своей сердечности строки, получившие вторую жизнь в переводе И. Фаликова:

* * *

Осень.
Красивая девушка в плаче
меняет привычное платье своё,
и запахом плоти её,
не иначе,
пронизано всё –
дерева, ковыльё.

Осень.
Стыдясь наготы, затаится
красивая девушка.

Кружит в степи платок кружевной
или белая птица...
А может, на счастье
упала ресница...

Осень.
Терпи,
моё сердце,
терпи.

Ритмико-интонационный строй этого стихотворения, которое для пущей наглядности я и процитировал полностью, и в переводе, и в оригинале при всей их «осенности» всё-таки выражает весеннее настроение. Наверное, и этим тоже автор даёт понять, что его осень устремлена не на зиму – на лето. И осеннюю-то книгу он вполне закономерно завершает весенним стихотворением «Ищу подснежник» – о полноте жизни, настоящем гимне её разноцветью. Таково «осеннее озарение» поэта.

ПОЭЗИЯ

Осени меня сном и

189

Лоренс Блинов

свободой

Из цикла «Осенние мотивы»

Элегия

Остыла голубая речь
почти безоблачного неба.
Мы всё глядим вперёд,
а с тыла подкралась осень –
рушить, жечь.
Зелёных сосен и огня
не выправить противоречье –
уже сутулит осень плечи,
едва палитру приподняв.
Но клён всё ярче, всё светлей...
Седым предчувствием задета,
синица ищет меж ветвей
последние крупички лета.

Родился (1936) в Казани.
Композитор, поэт, философ,
педагог. Окончил Казанскую
консерваторию. Автор
симфоний, поэтических книг,
философских трактатов.

Его произведения
широко публиковались
и исполнялись как у нас
в стране, так и за рубежом.
Участник международных
философских конгрессов,
поэтических и музыкальных
фестивалей

Внезапно сгинул звон стрижей.
В полях – грачей напев картавый.
Кочуют лунные октавы
между забытых рубежей.
И ни к чему уже стеречь
желтеющую песнь поляны.
...Поэт бормочет, словно пьяный,
про остывающую печь,
про догорающие клёны,
про тайну чёрных лебедей,
про пруд, морозцем остеклённый,
не чуя, что скользит по склону,
сгорая, собственная тень.
Всё суета! – устало море,
устали травы
шелестеть.
А осени – не всё равно ли:
сжигать поэта
или – степь...

Последний лист

Осени меня, осени лист.
Осени меня сном и свободой.
Осени своей тихою одой,
морозящей судьбы пианист.
Осени светом солнца – в прожилках,
лёгким отзвуком давних надежд.
Знаю: трудно считать старожилом, –
кто так ветрен в листве и промеж
этих листьев, и этих падений,
этой жаждой истлеть до конца! –
между медленным жаром прозренья
и – внезапным ледком у крыльца.
Ты мгновенен. И – всё-таки – вечен!
Вечен твой обнажённый полёт –
и тогда, когда светом отмечен,
и тогда, когда иней падёт.
...Осени меня инеем писем –
тех, что, может, меня не найдут.
Первый снег будет чист, независим.
Ровно не было этих минут.

У портрета Оскара Уайльда

Юрию Евграфову

Я не хочу идти налево.
И не хочу идти направо...
Возьму индусское полено,
зажгу смолу, вдыхая прану.

Мне правила осточертели –
я хочу петь и чертить птицариусов где попало.
У Ганга для меня качались ели,
в Уганде – снег блистал;
и явью были мне следы Сарданапала.

Соборы гор, веков далёкие равнины –
я всё бы мог отдать; но за сияние луны – в ответе.

И тот, кто прежде парадоксы плёл и был мне мил
в своём достоинстве ленивом
(а для иных, казалось, он отец и мать), –
на дориановском холсте остался истлевать,
лишь сардонической усмешкой светел...

11/VIII- 09. XXI.

г. Сортавала

191

Лоренс Блинов:

наши интервью

«Между музыкой речи и речью музыки»

Р. Усеинова. Все мы, живущие сейчас, в начале XXI столетия, ощущаем особенности своего времени. Возможно это условность, но время это принято считать поворотным в судьбе всего нашего мира. Могли бы вы сказать как, каким образом влияет всё это на искусство, на процесс творчества современного художника?

Л. Блинов. А ничего и не меняется – исторические процессы ведь многомерны, многозначны, с различного рода ответвляющимися тенденциями в самых разных областях культурной и общественной жизни. Хотя, конечно, кризисные явления всё нарастают.

Едва ли кто будет это сегодня отрицать. Они проявляются и в природных катаклизмах, и в сфере мирового социума. Возрастает противостояние, лучше сказать, противодвижение: терроризм – антитерроризм... Никто не знает, как снять эту туго закручивающуюся пружину, грозящую мировым коллапсом. Не удивительно, что в мировом сообществе набирают силу апокалиптические настроения. Люди словно жаждут воочию убедиться в справедливости «финитных» предсказаний. Появляются фильмы о якобы предстоящем в самое ближайшее время «конце света» (и художественные, и наукообразные).

Да что говорить! У меня есть приятель, инженер-электронщик, который часто повторяет: «Нам повезло: мы – свидетели!» Он убеждён (да разве он один!) в том, что наша земля завершает очередной виток общественного и культурного развития. Так называемая «наша эра» с её немыслимыми прежде техногенными «завихрениями» неумолимо движется к своему неизбежному окончанию.

Р.У. Лоренс Иванович, а если всё-таки поближе к искусству, настроениям в художественной среде...

Л.Б. Сейчас. Мне только хотелось бы завершить мысль. Ведь вот что поражает (!): несмотря на все эти «финитные» настроения, связанные с тщетными надеждами на позитивные преобразования в различных сферах жизни, люди – в массе своей – продолжают следовать установившимся тенденциям «общества потребления», продолжая игнорировать угрозу всеобщего катаклизма. Как и в стародавние времена настроение «пира во время чумы» всё более захватывает сознание обывателя; и всё быстрее вращается карусель шоу-бизнеса, становясь довлеющей силой в современной масскультуре.

Всё это, конечно же, сказывается на подсознательном (да и на сознательном) настрое серьёзного художника, вызывая своего рода «уход в себя», который, несомненно, является реакцией на вызов враждебной ему среды. Как сказал Оскар Уайльд, искусство чаще всего стремится не столько раскрыть, сколько скрыть художника. Творец защищается. Чуткий художник изыскивает хитроумные способы, дабы не всякий праздно-любопытный посторонний взгляд смог бы проникнуть в потаённые глубины его «Я».

Как говорили древние: «Procul este profani», то есть «Прочь подите, профаны!» Отсюда и соответствующий, часто весьма индивидуальный, своеобразный (порой экстравагантный) язык высказываний. Своя манера, свой способ самовыражения.

Р.У. Кстати, о самовыражении. Вы ведь не только хорошо знакомы с со-

временным искусством, но и сами его творите. Говоря высокими словами: устанавливаете законы его бытия (по крайней мере в своём собственном творчестве). Хотелось бы услышать ваше мнение: как вы ощущаете, есть ли какие-то общие внутренние закономерности в развитии современного искусства (музыки, в частности) или, как вы только что сказали, у каждого из ныне живущих творцов свой, не зависящий от какой-либо общей тенденции путь развития, своя манера самовыражения? Проще говоря, нынешние поэты, живописцы, композиторы пишут «кто во что горазд»?

Л.Б. Дело не в технике или в манере высказывания. Я ведь говорил о так называемом «чутком художнике», который, как говорил Оскар Уайльд, старается не столько раскрыться, сколько скрыть себя с помощью своего искусства... Как бы защититься от профанической среды псевдокультуры.

Но есть, конечно, и общие тенденции в развитии любого из видов искусств. Как и прежде, продолжают существовать направления, у каждого из которых имеются свои приверженцы (как из числа творящих, так и в среде воспринимающих создающиеся произведения). Есть художники традиционалисты, следующие в своём творчестве устоявшимся, академическим нормам технической оснащённости (пусть и в достаточной степени модернизированном ныне). Есть противоположный полюс – крайних авангардистов... Всё это достаточно тривиально. Я говорю об этом, дабы обозначить полярности, между которыми, конечно же, множество разного рода переходных стилей, в той или иной мере отклоняющихся от, условно говоря, экваториальной полосы.

Но не в этом, повторяю, суть. Все упомянутые мною в начале нашего разговора глубокие общественные потрясения, невидимые доселе преобразования в различных сферах жизни затронули, как оказалось, отнюдь не лучшим образом фундаментальные

основы самого процесса художественного творчества.

Вот, скажем, если взять композиторскую среду. Сфера, как вы понимаете, отнюдь не безразличная для меня. Так вот, за многие годы пребывания в этой весьма своеобразной среде деятелей искусства, я не наблюдал столь резкого снижения творческого тонуса, так характерного для нашего времени. Приходится констатировать: как-то исподволь и незаметно произошла утеря общей мотивации творческих исканий.

Р.У. Неужели у всех композиторов поголовно, Лоренс Иванович? Я имею в виду эту «потерю мотивации».

Л.Б. Нет, конечно, – я говорю о тенденции... Исключения есть. И они всё же довольно значительны.

Р.У. Какие же, например?

Л.Б. Ну, мотивация определённого рода присутствует у тех из моих коллег, которые могут позволить себе писать музыку по заказу. Это уже давно заявившие о себе «мэтры от композиции»; это – композиторы, работающие для киноиндустрии, различного рода музыкальных шоу и так далее. Наконец, к числу таких исключений относится тонкая ветвь так называемых «авангардистов», которая всё ещё жива, и раз от разу цветёт «своим особым свойством неизбывным цветом», как сказал поэт.

Р.У. Кстати, о поэзии. Вам ведь так же не чужд этот род искусства. Уже вышло три ваших поэтических сборника, не считая многочисленных публикаций в журналах у нас и за рубежом. Так что, наряду с композиторским (и как бы параллельно ему) развивается и ваше поэтическое творчество. Возникает ощущение, что слово поэтическое и музыкальный звук для вас нераздельны. Так ли это?

Л.Б. И так, и не так. Когда я пишу музыку, моей задачей, как и всякого, наверное, музыкального сочинителя, является отыскание звукового эквивалента того настроения, того звукового художественного образа, который рождается вместе с замыслом, вместе с темой сочинения.

В стихотворении – иное. Здесь, если и является музыка, то это музыка иного свойства, это – музыка стиха. К примеру: «Провал пророчеств, рост идей».

Р.У. А не возникает желание соединить стихи и собственно музыку? Может быть, написать какое-либо музыкальное произведение на собственный поэтический текст?

Л.Б. Никогда. Если стихотворение написано, то в нём уже содержится весь тот строй мыслей и чувств, который делает его самодостаточным и не допускает вторжения какой-либо иной структуры, даже такой, каким является музыкальное сопровождение. Для меня, по крайней мере теперь, не представляется возможным написать музыку на свой собственный текст.

Необходимо нечто чужеродное, иное, где бы проглядывало непроявленное, допускающее возможность выявить недосказанное, дополнить его с помощью соответствующих звуковых образов. Вот почему я пишу музыку на поэтические тексты других авторов.

Р.У. Действительно, ваши стихи, насколько я знаю, и по своей структуре и жанровым особенностям сродни музыкальному искусству, часто обращены к музыке, а иной раз и само слово пытается стать музыкой. Что заставляет вас покидать сферу нотных знаков и обращаться к звучанию фоном?

Л.Б. Видите ли, меня никогда не покидало ощущение, что Слово какими-то непостижимыми узами связано со звучащими структурами того явления, которое мы привыкли называть музыкой. Они сопряжены между собой и движимы каким-то единым дыханием, наподобие сообщающихся сосудов.

Ещё Мусоргский говорил, что «звуки человеческой речи как наружные проявления мысли и чувства должны без утрировки и насилования, сделаться музыкой». Причём он подчеркнул именно эти три слова: «звуки человеческой речи». – Не мысли, не смысл речи, именно – звуки. Чуть позднее это стало предметом исканий футуристов (и прежде всего – Велимира Хлебникова,

Алексея Кручёных и других), которые в «самоценном, самовитом» слове (и даже в таком крайнем проявлении «самовитости», каким является заумный язык) искали тот смысл, каким обладают лишь музыкальные звукоорганизмы. Причём, подобные звукотворческие изыски в области фонетических языковых конструкций не самоцель, а способ наиболее адекватного выражения своего поэтического мироощущения, способ выявления тончайших нюансов в своём восприятии пограничных зон между музыкой речи и речью музыки. Эта поэзия, образная система которой построена на пересечении звуковых реалий фоном и тонов, фиксируемых нотными обозначениями, – это другая музыка.

Р.У. Очень интересно: именно это словосочетание я встретила как обозначение одного из разделов вашего поэтического цикла, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге в сборнике стихотворений о музыке и музыкантах с любопытным названием «Тріоль».

Л.Б. Да, и это, в самом деле, «другая музыка», когда стихотворение выстраивается по тем же принципам, что и музыкальное сочинение, только исходным материалом служат не ноты, а буквы. Причём, этот раздел цикла подготовлен двумя другими, из которых один имеет название «Лики музыки», и разделом, имеющим название «ОПОФОМы», расшифровывающимся как «Опыты поэтико-фонетической музыки», где обнаруживается уже чисто фонетическое звучание, без намёка на возможность восприятия стихотворения в логико-понятийном ключе.

Р.У. Лоренс Иванович, а как возникла идея создания сборника «Тріоль», в котором наряду с вами выступают два других автора, каждый из которых имеет собственный поэтический блок?

Л.Б. Идея подобного рода издания принадлежит известному лермонтовед, редактору Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» РАН, члену Союза писателей России Александру Николаевичу Князеву. Большой знаток и лю-

битель музыки, он явился также автором и режиссёром многих музыкально-поэтических программ. Так что, замысел книги, которая включала бы в себя стихотворения о музыке и музыкантах, оказался далеко не случайным. Оставалось только найти авторов, которые были бы также близки в своих пристрастиях как к музыке, так и к поэзии. Сам то он, как оказалось, уже давно сочинял стихи, посвящённые музыкальному искусству.

Впрочем искать долго не пришлось. Он уже был знаком с замечательным сборником «Сады Си-Ми-Ре-Ми-До» волгоградского историка искусств, поэта Виктора Пермякова. Сборник стихотворений целиком посвящён музыке и иным видам художественного творчества. Так что естественным было предложить автору продолжить работу в этой области и пригласить к сотрудничеству в задуманном весьма необычном мероприятии.

Что касается моего участия в проекте, тут было и совсем всё просто. Мы с Александром Князевым были знакомы на почве нашего общего интереса к теме «Лермонтов и музыка». Уже были выпущены Князевым компакт-диски в серии «Поэзия М.Ю. Лермонтова в музыке», были организованы им концерты в рамках акции «Страсти по Лермонтову». Он, так сказать, сподвигнул и меня на создание вокального цикла на стихи Лермонтова, и цикл этот, имеющий название «Шесть стихотворений Михаила Юрьевича Лермонтова» был исполнен как в Казани (на моём юбилейном концерте), так и в Москве. А затем – и в Санкт-Петербурге.

Не только к музыке моей проявил интерес Александр Николаевич. К тому времени им был выпущен компакт-диск «Ночные зеркала» с записью моей симфонической, хоровой и камерно-инструментальной музыки. Но он познакомился и с некоторыми моими поэтическими сочинениями, уже опубликованными как в России, так и за рубежом. В частности, он обратил внимание на мой цикл сонетов «Фортепи-

анная музыка», который и вошёл, наряду с другими моими стихотворениями, посвящёнными музыке, в задуманный Князевым сборник. Предложенное мною название «Триоль» с энтузиазмом было встречено как автором проекта, так и третьим участником книги, – Виктором Пермяковым. В ней под одной обложкой поместилось как бы три самостоятельных сборника трёх разительно отличающихся друг от друга авторов.

Р.У. Сам факт появления такого замечательного художественно-поэтического издания, включающего иллюстрации оригинальных картин Аллы Ивашинцовой, аргентинского художника Роберта Вольты, итальянца Эрнесто Треккани и певицы Зары Долухановой, на мой взгляд, является событием культурной жизни страны. Прошедшие в апреле в Санкт-Петербурге и Москве в рамках культурной программы «Танго с виолончелью» концерты с презентацией книги явили слушателям интереснейшие (судя по прессе) встречи с музыкантами и авторами этого сборника.

Как непосредственный участник программы, расскажите как и где это происходило, кто из музыкантов-исполнителей принимал участие в программе концертов?

Л.Б. Сначала книга была представлена в одном из прекрасных залов Шереметьевского дворца в Санкт-Петербурге. Чтение собственных стихотворений каждым из авторов сборника чередовалось с исполнением музыкальных номеров из сочинений специально написанных для упомянутой вами акции «Танго с виолончелью».

Р.У. Не вспомните ли, кто был в числе авторов этих сочинений?

Л.Б. Прежде всего, петербургские композиторы – Ольга Петрова, Ирина Цеслюкевич, Валерий Пигузов, а также Антон Танонов и Дмитрий Смирнов (ныне живущий в Англии).

Р.У. Кажется, тогда же состоялась премьера и вашего сочинения – «Поэмы о Земле Танго»?

Л.Б. На этом вечере она прозвучала в исполнении замечательных музыкан-

тов – виолончелиста Дмитрия Янов-Яновского и молодого пианиста Ивана Александрова.

Р.У. Уже известно, что презентация книги прошла и в легендарном питерском арт-кафе «Бродячая собака», где в своё время выступали Хлебников и Кручёных, Есенин и Блок, Маяковский, Каменский и многие другие.

Л.Б. Мы были, как говорится, весьма польщены тем, что и нам удалось приобщиться к числу тех, кто выступал в этом, так сказать, намоленном месте поэтических встреч. Причём, звучали тут только стихи. Музыки не было. Она вновь присоединилась к нашему тройственному союзу уже в другом месте – на встрече с читателями в престижнейшем магазине Санкт-Петербурга на Невском проспекте.

Р.У. А как проходили выступления в Москве?

Л.Б. Они состоялись в основном так же, как и в Петербурге в Шереметьевском дворце и в соответствии с принципом чередования музыки и поэзии. Однако здесь надо упомянуть о присоединившемся к нашей «триольской компании» молодом петербургском художнике Дмитрие Ивашинцове, который также принял участие в наших творческих вечерах, выступив с интересными сообщениями о своём творчестве, в частности, о своей работе над нашим поэтическим сборником, где он проявил себя в качестве графика оригинального дизайна для этого издания. Кстати, среди иллюстраций, помещённых в книгу, есть репродукция с полотен его матери – замечательного художника и поэта Аллы Ивашинцовой, которая уже была вами упомянута.

Наши московские встречи проходили в концертных залах двух центральных библиотек: Российской государственной (бывшей «ленинке») и Научной педагогической библиотеке им. К. Ушинского (Демидовский особняк близ Третьяковской галереи). Их программа, как и в Петербурге, выстраивалась в соответствии с принципом чередовании музыки и поэзии.

Концертное обеспечение наших творческих вечеров взяли на себя замечательные молодые московские музыканты. В частности, московская премьера моей «Поэмы о Земле Танго» состоялась благодаря энтузиазму двух аспирантов Московской консерватории. Это – лауреаты международных конкурсов виолончелист Евгений Прокошин и пианистка Наталья Казакова.

Конечно, музыкальные номера, включённые в программу поэтического вечера, помогали аудитории удерживать внимание на чтении стихов из «триольного сборника». И здесь нельзя не отметить ещё одного виолончелиста – Александра Пашкевича и удивительного гитариста Глеба Мусатова, совершенно покоровших публику своим исполнением современной музыки.

Р.У. Лоренс Иванович, на этом ваши «весенние гастролы» не окончились, и вам вновь предстояло поехать в Санкт-Петербург на презентацию теперь уже вашей персональной поэтической книги «Три мира»...

Л.Б. Не совсем так. В Петербург я был приглашён в начале июня для участия в программе XV Международного фестиваля искусств, связанного с именем известного композитора и пианиста Сергея Осколкова, традиционно являющегося своеобразным стержнем и душой этого форума.

На одном из концертов фестиваля должна была исполняться моя Соната для фортепиано. Она и прозвучала 25 июня в Зале Фонда художника Михаила Шемякина в оригинальной интерпретации колоритнейшего музыканта, лауреата международных конкурсов Фёдора Амирова, который, кстати, в немыслимо короткий срок сумел сделать студийную запись большинства моих фортепианных вещей. Результатом этого явился выпущенный недавно компакт-диск, куда вошли все эти записанные Амировым сочинения. В том числе и фортепианная Соната.

Р.У. Это ведь уже второй альбом ваших сочинений, выпущенных в записи на компакт-диске?

Л.Б. Первый включал в себя мою хоровую, органную, а также инструментально-симфоническую музыку.

Презентация этого альбома, под названием «Ночные зеркала», состоялась в Казани. Конечно, оба этих диска едва ли могли быть выпущены без активного участия их редактора – всё того же Александра Князева, который, кстати, был одним из организаторов того самого фестиваля искусств, о котором я только что говорил.

Р.У. И на котором была представлена ваша книга «Три мира»...

Л.Б. Это вышло совершенно случайно. В рамках культурной программы фестиваля была предусмотрена выставка современной живописи. Она была открыта в Центральной библиотеке Петергофа, и там же состоялся поэтический вечер, на который в числе многих других участников был приглашён и я.

Вначале я подумал, что было бы логично продолжить презентацию «Триоль», и уже хотел было прочесть несколько своих стихотворений из этого сборника. Но, вспомнив о названии всей этой петергофской художественно-поэтической акции – «В поисках смысла», решил изменить намерение. Я захватил с собой на всякий случай несколько экземпляров другой своей книги «Три мира», где я попытался в художественно-поэтической форме воссоздать образ трёх столь отдалённых от нас миров – древней Индии с её всеохватной мудростью, загадочной и трагической цивилизации Майя и культуры Среднего Поволжья с его глубинными пластами почти забытого фольклора. И я совсем не ожидал, что моё поэтическое видение реалий тех далёких эпох вызовет столь живой интерес у нашего современника.

Р.У. Лоренс Иванович, мне бы хотелось спросить вас вот о чём: как соотносится ваше творчество со всем строем современной жизни, от чего зависит воплощение замысла в конкретную форму музыкального или поэтического произведения?

Л.Б. Я делаю в избранной мною области искусства, всякий раз то, что делаю. Что считаю необходимым сделать. Искусство для меня – это своеобразная линза, увеличительное стекло. И занятие музыкой, поэзией ли – это как бы попытка уловить мгновение, запечатлеть его в звуке, в слове, усмотреть в жизни постоянно ускользающего от нас мгновения приметы вечности. Они струятся эти мгновения, рождая целые миры разнообразнейших эмоциональных состояний.

Р.У. И это, видимо, те «Струения мигов», тот образ, то словосочетание, которое стало названием вашего цикла миниатюр с характерным подзаголовком: «Двенадцать стихотворений Велимира Хлебникова для фортепиано и чтеца». Написанное ещё в начале 60-х годов прошлого века, сочинение это до сих пор не перестаёт волновать и привлекать всё новых слушателей. В чём секрет столь постоянного внимания публики к этому произведению?

Л.Б. На этот вопрос, конечно, должен отвечать не я. Это дело критиков, музыкальных теоретиков, искусствоведов, что ли. Я, со своей стороны, могу – и то лишь отчасти – пояснить смысл, художественную задачу, которые возникли передо мной при написании этого сочинения. Мне было интересно и заманчиво уловить тот настрой, те эмоциональные сдвиги, с которыми Хлебников овеществляет ускользающие мгновения, превращая образ Времени то в камыш-времышу на берегу некоего озера, то в камень... Время у него проносится как один миг в образе табуна кобылиц сутконогих, чьи тела «временшерстны», то есть покрыты шерстью времени и так далее. Мне захотелось дать звуковой эквивалент этому струению образов, не иллюстрируя их, не впадая в соблазн звукоподражания. Этот поток, все эти «струения мигов», в конце концов, выносят наше сознание за пределы художественных образов, заставляя по-новому взглянуть на окружающий мир.

Р.У. И задуматься о сущности Времени?

Л.Б. Конечно. Мы ведь привыкли смотреть на время с точки зрения обыденного его значения, то есть имея в виду его хронометрическую функцию. Хлебников показывает нам посредством своей образной системы, что любой предмет, любая вещь или явление – это персонифицированное время. Собственно, все мы, как и любая вещь на Земле, являем собою его овеществлённую ипостась. Само Время является вещью.

Р.У. А слово, музыка? Они так же являются «веществом времени»?

Л.Б. Слово и Музыка, как и любое художественное явление, не исключение.

Р.У. То, что вы сейчас говорите, это, по-видимому, тезисы одной из ваших философских работ? Вы ведь доктор философии, и проблемы, касающиеся феномена Времени, уже давно привлекают ваше внимание?

Л.Б. Действительно, эти проблемы меня занимали давно. И стихотворения Велимира Хлебникова лишь подтолкнули меня к тому, чтобы попытаться осмыслить сущность времени в философском ключе. Одна из работ моих называется: «Становление реальности как процесс овеществления субстанциального времени». В ней я пытаюсь показать, что именно Время, его изначальная субстанция и порождает пространство со всеми его атрибутами. Более того, само Время является пространством. Собственно, пространство – есть бесконечно распротёршееся Время, овеществляющее и высвечивающее движение Вселенной со всеми её образованиями – от мельчайших частиц до предметов и явлений видимого мира, от косных структур до одушевлённой мысли.

Наша с вами сегодняшняя беседа, Рамзия Галеевна, есть конкретный случай овеществления времени. Весь наш диалог, со всеми его тематическими ответвлениями, становится, в результате, овеществлённым временем.

Р.У. Равно, как и тот диалог, который возникает между автором сочинения и публикой?

Л.Б. Более того, потому-то, быть может, и близки слушателю не только образы овеществлённого времени в моих «струениях мигнов», но, по-видимому, ему становится близок хлебниковский образ мифического героя всё более вырисовывающийся в процессе развёртывания сочинения, в диалоге фортепиано и чтеца.

Р.У. В одной из аннотаций к этому вашему сочинению сказано, что в нём отражена сложная драматическая судьба большого художника с жертвенной непреклонностью осуществляющего своё предназначение.

Л.Б. Несомненно. Одним из моих намерений и было – сделать партию чтеца своего рода лирико-трагедийной исповедью героя, способного приблизиться к моменту художественного овеществления реальности, не растеряв себя в потоке времени и обстоятельств. Собственно, это, по-видимому, являет-

ся задачей любого художника, и, если вернуться к началу нашего разговора, это, быть может, единственный способ обретения художником самого себя, своего истинного бытия.

Всякое искусство – это своего рода процесс овеществления времени, порождающий некое «увеличительное стекло». Эта, как я уже говорил, своеобразная ирреальная линза позволяет художнику не только уловить приметы постоянно ускользающей реальности, но и пробудить, открыть в душе ту светоносную сущность, которая по-разному зовётся на разных духовных наречиях: совесть, истина, Божественное откровение... Но это качество, лучше сказать – свойство души художника, позволяет по-новому воспринимать вибрации времени, овеществляемые всякий раз по-разному. И в музыке слова, и в речи музыкальных звучаний.

*Беседовала
Рамзия Усеинова*

Никогда ещё
в подлунной
не кипел столь
страшный бой

199

1812

*Страницы
военно-исторического
очерка Н. Колесникова
с предисловием и очерком
о народном ополчении
в Казанской губернии
Е. Герна
из книги «1812»,
изданной в Казани
в 1912 году,
а также стихи
из поэтического сборника,
посвящённого
Отечественной войне
1812 года*

Главнокомандующий князь Михаил Иларионович Кутузов - Смоленский.

Предисловие

Едва ли найдётся в летописях мира история более интересная и поучительная, нежели история Наполеона.

Ста лет не прошло ещё со дня его смерти, а жизнь его и деяния кажутся волшебными страницами чудесной сказки.

Родившись в скромной корсиканской семье в Аяччо, ещё в 1793 году незаметный артиллерийский капитан путём гениального военного дарования и блестящих дипломатических способностей в два года достигает положения командующего парижскими войсками, в четыре года – поста консула, в одиннадцать лет – имперского трона!

Прежний сторонник республиканского правления, соратник кровожадного Робеспьера, он объявляет себя неограниченным монархом.

Поддавая всякую общественную самостоятельность, ссылая и казня своих

противников, закрывая десятки газет, дабы заглушить голос общественного мнения, он не стеснялся распоряжаться в Европейских государствах, как в собственном дворце.

Маленький скромный корсиканец смещает на тронах прирождённых государей, диктует свои требования и при малейших попытках к протесту или сопротивлению – является сам во главе своих великолепных войск, занимает столицы, разрушает города, оставляя на своём пути потоки крови и полчище трупов.

Он не знает предела своим желаниям.

Счастливый баловень судьбы, он не ведаёт преграды своим требованиям.

«Я захочу и сотру Пруссию с лица Европы», – говорит он.

И слова его не шутка, не бахвальство.

Земной бог, он и в самом деле держит в руках короны государей, спокойствие стран и жизнь миллиардов людей.

По его слову рушатся державы и падают на плаху герцогские головы.

Единым движением пера он громит вековые основы.

Сегодняшний рядовой – завтра министр.

Сегодняшний король – завтра ничто.

Его милость даёт могущество, власть и почести.

Его гнев – нищету, гибель и позор.

За его улыбку и взгляд охотно жертвовали жизнью.

Его гений прославляли поэты и музыканты.

«Не сотвори себе кумира», – сказано в писании.

Но не ведает препон гордый полубог и, сделавшись властителем прекрасной Франции, покорив половину Европы, он не покидает мысли о владычестве над миром.

Свою прихоть делает он кумиром.

Своё властолюбие – законом.

Французы по самой природе своей легкомысленны.

Военные успехи храброго монарха восхищали их: славные победы воодушевляли национальную гордость, и они радостно приветствовали свои новые завоевания, забывая, что последние покупаются ценою жизни многих тысяч людей.

Судьба дала Наполеону гениальность полководца.

Дала ему великую власть.

Он захотел большего.

«Пусть Бог владыка неба – я владыка земли!»

Но гордый полководец забыл, что «нет власти, аще не от Бога», и поднявши меч свой против Высшей Воли, он сам погиб от меча своего.

В тщеславных помыслах завоевания мира он покорил почти все государства Европы. Лишь Россия и Англия остались ему неподвластными. Правда, в 1805 и 1807 годах мы воевали с

Наполеоном и воевали неудачно, но для России эти войны большого значения не имели, так как мы боролись не за свою самостоятельность, а лишь поддерживая угнетаемых соседей: Австрию и Пруссию.

Победы Наполеона под Аустерлицем, Прёйсиш-Эйлау и Фридландом заставили нас отказаться от борьбы.

Был заключён мир в Тильзите, мир для нас крайне невыгодный.

Наполеон уверил императора Александра, что желает дружбы с Россией, но потребовал помощи для покорения царицы морей – Англии.

Россия должна была прекратить с ней торговые сношения и тем ослабить её могущество.

Однако покорив Англию, Наполеон, конечно, не пощадил бы и России.

Император Александр прекрасно понял это и уже с 1810 года стремился освободиться от последствий Тильзитского мира.

Запретив ввоз в Россию французских предметов роскоши, он дозволил ввоз английских товаров в том случае, если они провозились под нейтральным флагом (то есть держав, не воюющих с Францией).

Наполеону это не понравилось, и он решил раз и навсегда покончить с Россией.

Собрав войска, он вывел их из Франции и без объявления войны переправился через Неман.

Так началась великая война 1812 года.

Воюя с русскими и ранее, Наполеон мыслил увидеть в них лишь храбрых солдат и доблестных полководцев, но уже дойдя до Смоленска, безумец понял свою роковую ошибку.

Не с одними ядрами и пулями придётся иметь ему дело, но с подъёмом духа народного, с тем великим, неугасимым подъёмом, что неизменно объединял Россию в годы её наивысших страданий.

Привыкший убивать плоть – забыл о бессмертии духа.

Но как один человек поднялась

Россия. С огнём в сердце и с оружием в руках вышел великий народ навстречу врагу, принеся в жертву отечеству богатства своих полей, сокровища городов, священные стены Московского Кремля и самую жизнь свою.

Дух народный столкнулся с вражеской плотью и победил её – и из полумиллионных полчищ «дванадцати языков» в пределах родины не осталось ни единого вооружённого воина...

Со времени Отечественной войны звезда великого завоевателя быстро пошла к закату.

Вслед за Наполеоном и русские войска вышли за пределы родины.

Вся Европа вооружилась против тирана, и Наполеон после ряда кровопролитных битв был принуждён отречься от престола.

В 1813 году русские войска вступили в Париж, и императору Александру I, как избавителю народов от владычества Наполеона, было даровано название «Благословенного».

Сто лет прошло с тех пор.

Ещё свежи предания великой войны, ещё имеются в живых свидетели пережитых событий.

Сто лет прошло с тех пор, но ещё не померкла слава величайшего полководца мира, блиставшая столь ярким солнцем над высотами Аустерлица и столь скорбно закатившаяся в холодных снегах России.

Некогда эта слава, верная спутница и верная раба невиданного гения возбуждала панический ужас народов.

Ныне, когда прах исполина, придавленный тяжестью саркофага Парижского Пантеона, превратился в ничтожнейшую пыль – рука седого времени стёрла всю ненависть, всю минувшую злобу, и его история вписана в страницы мировой правды, мирового страдания.

Сто лет прошло с тех пор, но памяти нашей священны великие подвиги народных героев.

Из тьмы годин встают перед нами их славные образы.

Слава Вам, спасителям отечества!

Вечная память благодарных сынов!

Наступление

В июне 1812 года во главе 600 000 отборного войска, составлявшего цвет населения западной Европы, Наполеон подошёл к русской границе. В своём знаменитом приказе он говорил: «Солдаты, Россия увлекается неизбежным роком, она не избегнет судьбы своей. Вперёд! Перейдём через Неман, внесём оружие в пределы России!» 12 июня император Наполеон с блестящей свитой выехал на берег реки Неман.

На высоком обрыве он слез с коня и, окружённый маршалами, остановился, рассматривая катившую широкие, голубые волны могучую реку и целое море покорной каждому его слову армии. Вдали тихо качались наведённые нити мостов... Казалось одно мгновение, какое-то раздумье набежало на черты императора, но это было только мгно-

вление и отрывистым жестом он махнул рукой; тотчас же где-то грянула пушка. Красивые линии войск дрогнули и потянулись к мостам; в это время адъютант, почтительно наклонившись к императору, сообщил, что командир польского уланского полка просит разрешения переправиться уланами вплавь на глазах у своего императора. Наполеон устало кивнул головой, и целый полк, оглашая небо громкими криками «Да здравствует император!», пронёсся, как буря, к реке, потонул в её голубых водах, и, хотя были посланы лодки, противоположного берега достигло только несколько десятков смельчаков. Но эти беспрдельно преданные безумно храбрые солдаты, уносимые крутящейся рекой, всё ещё оглашали воздух громовыми раскатами «Да здравствует император!», а там,

Переходъ французъ черезъ Нѣманъ.

вдали, по мостам, уже тянулась пехота, гроыхала артиллерия, поблѣскивая орудиями, победно шелестели знамѣна с орлами, распростѣршими хищные крылья, и нетерпеливо ржали тысячи коней блестящей конницы. Так совершилось неизбежное. С этого момента началась знаменитая в нашей истории Отечественная война.

Русский император Александр I мог собрать и противопоставить не более 200 000 войск, да и то разделѣнных на две армии, которые сразу оказались оторванными друг от друга. Первой армией, сосредоточенной в Виленской губернии, командовал военный министр Барклай-де-Толли, а второй, находившейся в Гродненской губернии, командовал князь Багратион. Генерал Барклай-де-Толли был одним из выдаю-

щихся военачальников того времени: человек высокообразованный, сведущий и опытный; он отлично понимал, что сопротивляться гениальному полководцу, каковым был Наполеон, с такой малой армией крайне рискованно и поэтому стоял на увлечении неприятеля вглубь страны. Другой, командующий князь Багратион, герой Австрийской кампании 1807 года, был учеником и соратником Суворова; целая вереница блестящих подвигов была совершена им во время итальянского похода, когда Суворов при императоре Павле I громкими победами при Требии и занятием целого ряда итальянских крепостей, а также знаменитым Швейцарским походом облѣк ещё невиданной славой российские полки.

С Наполеоном перешло границу России 600 тысяч войска, в числе ко-

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

торых, кроме французов, были итальянцы, баварцы, саксонцы, поляки, вестфальцы, виртембергцы, баденцы, пруссаки, австрийцы. «Великая армия» разделялась на гвардию, 12 пехотных корпусов и 4 корпуса кавалерии. Таким образом, армия Наполеона обладала численным превосходством, и во главе её стоял великий полководец, военный гений которого признавался всеми. Правда, половина этой армии была составлена из народов, которых увлекал за собою гений Наполеона и которые не знали, за что будут драться, но зато другая, большая половина, были французы. Знамена их полков видели славу Египетского похода, славу Ваграма, Иены, Аустерлица, Моренго. Солдаты были ещё теми испытанными поседевшими в боях львами, для которых император и родина были всё. «Каждый солдат носит в своём ранце маршальский жезл», — говорил император, и это была правда: так как все знали, что великолепный начальник кавалерии, король Неаполитанский Иоахим Мюрат был сыном трактирщика, сам Император — простым артил-

лерийским поручиком; Лефевр — рядовым солдатом, Онсеро — сыном лакея, Ней — сыном ремесленника, Ланн — сыном крестьянина, Массена — бывшим контрабандистом, и все эти маршалы достигли своей славы и положения исключительно на полях сражений. Наконец, отношения офицеров и солдат были чисто товарищескими.

После одной из блестящих атак император, благодаря кирасиров, обнял и поцеловал перед фронтом их генерала Откуля; этот последний кричит: «Чтобы показать себя достойным такой чести, мне следует умереть за ваше величество!» — и сдерживает слово на другой день в сражении при Эйлау.

Старый гренадёр, участвовавший в египетских и итальянских походах, является во время раздачи крестов Почётного легиона и требует себе крест. «Но что же ты сделал, — говорит император, — чтобы заслужить подобную награду?» — «Я? В Яффской пустыне, ваше величество, в страшную жару подал вам арбуз». — «Ещё раз спасибо! Но это не стоит креста Почётного легиона». Тогда солдат кричит всюю: «А! так вы считае-

те за ничто семь ран, полученные на Аркольском мосту, при Лоди, Костильоне, при пирамидах, Сен-Жан-Д'Акре, Аустерлице, Фридланде, 11 кампаний в Италии, в Египте, Австрии, Пруссии, Польше, в...» Но император прерывает старого солдата: «Те-те-те! Как ты рассердился, дойдя до самого главного – с этого и следовало начать». – И лично, сняв со своей груди крест, нацепил старому ворчуну. Император был кумиром своего войска; за одну его улыбку, ласковое слово, добродушную шутку, солдат, офицер, генерал охотно жертвовали жизнью. Так вот какова была та «великая армия», которая стальным лесом штыков, как грозная туча, двигалась на нашу матушку Россию. Наша армия того времени, будучи сравнительно немногочисленной, тем не менее представляла из себя грозную силу. В её рядах были ещё соратники великого Суворова, знаменитые «чудо-богатыри».

Если французы шли за славой в туман будущего, то каждый наш солдат сознавал, что за его спиной стоит вся Россия, трепетно следящая за каждым шагом борьбы.

Исход борьбы и участь нации решал высокопоставленный вельможа наряду с бедняком; все столпились около своего государя, готовые отдать всё на алтарь отечества. Сыпались рекою жертвования, шли добровольцы, двигались полки ратников, а между тем с Наполеоном шла только его армия, состоявшая наполовину из ненадёжных иностранцев, тогда как Франция оставалась почти равнодушной.

Наполеону приходилось бороться с нашим героем-солдатом не только на полях сражения, нет, он действительно встретил в каждом дворянине Пожарского, в каждом гражданине – Минина и в каждом духовном – Палицына. В стране, по которой ему пришлось двигаться, у него не было друзей, а были только враги, и когда счастье повернулось к капризному баловню спиной, целые тысячи вооружённых вилами, косами мужиков и даже баб обрушились на его отряды. Искусно подготавливаясь к кампании, Наполеон упустил из виду, что он боролся не с армией, а с народом. И в этом – разгадка его поражения и первые шаги к гибели славы и трона.

Очерк народного ополчения в Казанской губернии

6 июня 1812 года император Александр I подписал Высочайший Манифест, призывающий землю русскую к ополчению.

«Божьей милостью, мы, Александр Первый Император и Самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая...»

Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своём злобное намерение разрушить славу её и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах

несёт он вечные для неё цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попрасть, опрокинуть его, и то, что остаётся не истреблённого, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твёрдую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против неё бодрствования. Сего ради при всей твёрдой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри Госу-

Бородино.

дарства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жён и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдёт он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам...

Для первоначального составления предназначенных сил представляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет Главный над всеми Предводитель.

В лагере близ Полоцка 1812 года, июля 6 дня.

На подлинном собственной Его Императорского Величества рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДР.

*Печатан в С.-Петербурге
при Сенате,
Июля 10 дня, 1812 год».*

Манифест этот был послан с курьером и в Казанской губернии получен 18 июля. Казанский гражданский губернатор Мансуров отправил немедленно два экземпляра Манифеста к первосвященнику, который от своего лица пожертвовал 2000 рублей и этим положил начало дальнейшим пожертвованиям. Директор Казанской первой гимназии Яковкин перевёл Манифест на татарский язык. Было отпечатано 200 экземпляров и разослано по всей губернии. 21 числа состоялось собрание Казанского дворянства, и губернатор обратился к нему с речью.

Казанское дворянство от 82 000 душ дало 3280 ратников, в том числе 280 конных, приняло на себя снабжение их оружием и одеждой, а также и содержание их на всё время существования ополчения. Начальником ополчения был избран артиллерийский генерал-майор Булыгин, который сам вызвался служить в составе ополчения. После Булыгина, явившегося начальником при формировании ополчения – командование Казанскими полками перешло к генерал-лейтенанту Муромцеву и наконец к генерал-майору Гурьеву. Запись дворян в полки шла очень успешно. В Казанском университете стали учить студентов фронтовой службе, дабы они были всегда готовы, на случай на-

добности, вступить в ополчение. Высочайшим рескриптом предписано было дворянству Казанской, Пермской и Оренбургской губерний обмундировать 2-й Костромской полк.

Несмотря на то, что в Пермской и Оренбургской губерниях ревизских душ было больше – Казанское дворянство пожертвовало щедрее: всего 58 000 рублей. К сожалению, настоящими данными исчерпывается почти всё существенное, что удалось извлечь из сохранившихся бумаг, так как местных документов по данному вопросу в Казанских архивах не сохранилось: все дела архивов губернского правления и дворянского депутатского собрания сгорели во время случившегося пожара.

Казанское ополчение состояло из одного пешего полка и одного батальона конных казаков. Соединившись с Вятским ополчением, оно поступило под верховное начальство командующего третьим округом графа Толстого, коему, за исключением 3-го учебного батальона в Казани, подчинены были все войска, квартировавшие в губерниях этого округа. В ноябре Казанское ополчение, вместе с другими ополчениями третьего округа, было двинуто в Малороссийские губернии через Муром, Рязань, Орёл и Глухов, а в декабре, вследствие Высочайшего указа от 8 числа, направилось в Волынскую губернию. По словам В.Г. Апухтина, в истории Казанского ополчения мы видим, во-первых: единодушный и горячий отзыв Казанского дворянства на обращение к нему Государя; во-вторых: кропотливую работу: обучение ратников, вооружение их и, наконец, медленное передвижение всё далее и далее от родной губернии.

Французы въ обратномъ пути.

Наибольшей яркости и красочности эта история достигает в 1913 году, когда казанцы храбро сражались под Дрезденом, и вписали славное имя в бессмертные страницы Отечественной войны.

1812 год в русской поэзии

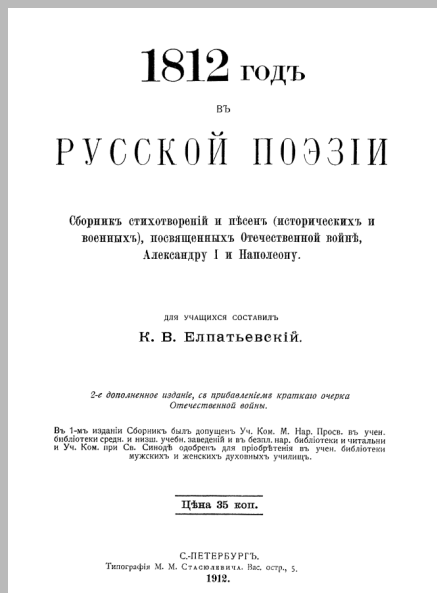
Навроцкий

Бородинская битва

208

Сжатые нивы ржи колосистой,
Скошена всюду трава;
Лист опадает в рощи тенистой –
Осень вступает в права.
Но незаметен сельского стада
Выгон на ниве родной.
Пахаря жизни кончилась страда,
Пахарь трудится иной.
Всюду окопы, всюду преграды,
Взрыта поспешно земля;
Засеки, ямы, вала ограды
Пересекают поля.
Вместо покоя нивы холмистой –
Шумы идущих полков;
Вместо колосьев ржи золотистой –
Лес заострённых штыков.
Дым непроглядный клубами вьётся,
Вылетит облаком вдруг,
Что-то сверкнёт – и со свистом несётся,
Смерть рассеивая вокруг.
Блещут на солнце медные брони,
Дул смертоносных ряды;
Выются знамёна, мечутся кони –
Всюду объятья вражды.
Блески и громы. Грохот орудий,
Ружей глухая пальба.
Пиром кровавым тешились люди –
царств разрешалась судьба.
Силы несметной размах исполинский
Встретил преграду защит –
Бой небывалый, бой Бородинский
С раннего утра гремит.
Стойки дружины; храбр и отважен
Всё наступающий враг;
Трупами полный, кровью увлажен,
Перед окопом овраг.
Жарче и жарче, кровью не сытый,
Всё разгорается бой.

Не отдают без стойкой защиты
Наши ни пяди родной.
Перемешались... Яростны лица,
Крики, удары и кровь.
То отойдёт бойцов вереница,
То надвигается вновь.
Выше и выше, жертвы картечи,
Груды поверженных тел.
Тысячам жизней в день этой сечи
Смертью положен предел.
Смолкло... устали... затихла тревога.
Битву сменив, тишина
Стала бойцов холодить понемногу,
Ужасом смерти полна.
Тёмная ночь опускалась дождливо,
Словно хотела скорей
Смыть с переполненной трупами нивы
Кровь враждовавших людей.
Мы под покровом её отступали.
Тёмно... устали идти...
Бросили мёртвых, живых сосчитали –
Нет половины почти.
Вечная память погибшим со славой!
Памятен будет тот бой,
Где обрели в грозной сече кровавой
Тысячи вечный покой.

Поминки по Бородинской битве

Милорадовича помню
В битве при Бородине:
Был он в шляпе без султана
На гнедом своём коне.
Бодро он и хладнокровно
Вёл полки в кровавый бой;
Строй за строем густо, ровно
Выступал живой стеной.
Только подошли мы ближе
К средоточию огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Перед ним к ногам коня.
И, сердито землю роя
Адским огненным волчком,
Не затронуло героя,
Но засыпало песком.
«Бог мой!» – он сказал с улыбкой,
Указав на вражью рать. –
«Нас завидел неприятель
И спешит нам честь отдать».
И Кутузов предо мною,
Вспомню ль о Бородине:
Он и в белой был фуражке,
И на белом был коне.
Чрез плечо повязан шарфом,
Он стоит на высоте,
И над старцем блещет ярко
День в осенней красоте.
Старца бодрый вид воинствен,
Он средь полчищ одинок,
Он бесстрастен, он таинствен,
Он властителен, как рок.
На челе его маститом,
Пролетевшею насквозь
Смертью раз уже пробитом,

Пламя юное зажглось.
Пламя дум, грозой созревших,
В битве закалённых дум.
Он их молча вопрошает
Сквозь пальбу, огонь и шум.
Мыслью он парит над битвой,
И его орлиный взгляд
Движет волею и силой
Человеческих громад.
А его молниеносцы
Ждут внимательно кругом,
Чтоб, по слову полководца,
Зарядить крылатый гром.
День настал. Мы ждали битвы,
Все возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Приунывших усачей.
И на пир весёлый словно,
Каждый радостно летит:
Будь у каждого три жизни –
Он всех трёх не пощадит.
Никогда ещё в подлунной
Не кипел столь страшный бой:
Из орудий ад чугунный,
Разразившись, поднял вой.
Целый день не умолкает,
Извергая смерть кругом;
Строй за строем исчезает
Под убийственным огнём.
Словно два бойца во злобе,
Набежала рать на рать;
Грудью в грудь схватились обе,
Чтоб противника попрасть.
Но победа обоюдно
То даётся нам, то им;
В этот день решить бы трудно,
Кто из двух непобедим.
Крепнет боевая вьюга,
Всё сильнее растёт она;
И вцепившихся друг в друга
Разнимает ночь одна.
Грозный день сей Бородинский
Им и нам в почёт равно;
Славься битвой исполинской,
Славься ввек, Бородино!

Из фонда
Национальной библиотеки РТ.

К печати подготовил
Филипп Пираев

ПОЭЗИЯ

Нэлли Шук

До тебя, с тобой и без тебя...

В прошлом году казанская поэтесса Нэлли Шук отметила своё семидесятилетие. Нэлли Брониславовна родилась в блокадном Ленинграде и, вывезенная оттуда по «дороге жизни», вместе со своей мамой попала в Казань. Отец её погиб под Ленинградом, мать же, чудом перенёсшая страшное военное время, дожила почти до ста лет. Нэлли посещала литературное объединение при музее М. Горького под руководством М. Зарецкого, работала в научной библиотеке КГМУ. В родном вузе трудилась тридцать три года. Её стихи и проза печатались в местных изданиях, коллективных сборниках, выходили отдельными книгами. В творчестве Нэлли Брониславовны особое место занимает тема войны. Но костяк её поэзии составляют строки о любви – не всегда счастливой, часто полной драматизма – всегда оставляющие светлое «послевкусие». Нэлли Шук была и остаётся искренним, ясным лириком. Неслучайно в последние годы она стала писать стихи в стиле хокку.

* * *

Жёлтые листья летят на асфальт.
Где-то вдали заливается алы.
Кружится осень мелодии в лад.
Не умолкая шуршит листопад.
Осень, помедли, тускнеть не спеши.
Стань камельком для остывшей души.
Хочется радости, счастья, тепла...
Пёрышки-листья роняет ветла.

* * *

Ты возьми меня за руку,
За собой поведи,
Мы не будем загадывать,
Что нас ждёт впереди.
Стали белыми волосы
По прошествии лет.
Спой мне песню вполголоса
Про лазурный рассвет.
Он к нам в окна заглядывал,
Словно в старом кино,
В южном городе маленьком
Очень-очень давно.
Там, у моря осеннего,
Нас баюкал прибой...
Ты возьми меня за руку,
Поведи за собой.

* * *

Толку нет о любви просить,
Всё равно что воду носить
Решетом из колодца в реку.
Ну не любитя человеку,
Не хмелеется, хоть ты плачь.
Не сули ты ему калач
И не трогай его покой.
Уродился, видать, такой.

* * *

Всё ушло. Осталась оболочка.
Вот такой немислимый расклад.
Разбежались. Разошлись. И точка.
Слишком долго жили невтопад.
А душа, что роца без пернатых,
Онемела раз и навсегда.
Перед ней мы оба виноваты,
А прошу прощенья я одна.

* * *

Я нужна тебе по праздникам,
 Ну а в будни ты с другой.
 Дождь отчаянным проказником
 Выгибается дугой.
 Я иду под ним, невечная,
 Задыхаясь от беды.
 Встреча наша скоротечная,
 Словно в зной глоток воды,
 Выдох ветра в час удушливый,
 А верней всего – мираж.
 Не зови меня отдушиной.
 Занедужил праздник наш.

* * *

Жизнь свою делю я на три части –
 До тебя, с тобой и без тебя.
 Как нужно мне доброе участие,
 Неуютно жить мне не любя.
 Наше телефонное общение
 Всё короче, паузы длинней.
 ...В суматохе одиноких дней –
 Вдруг стихи, как позднее прощенье.

* * *

Люди копят деньги,
 Я коплю слова.
 Добрые, как совесть,
 Злые, как молва.
 Лёгкие, как радость,
 Тяжкие, как грусть.
 Накоплю – и снова
 Выпускаю в путь,
 И восходит песня
 Робко, как заря.
 ...Угодила осень
 В сети сентября.
 Расписную осень
 Тихо подберу.
 Биться новой песне
 На крутом яру.

Хокку

* * *

Вновь ветер
Раскидал по веткам
Снежинки – лепестки зимы.

* * *

Блуза на мне
Парусом белым трепещет.
Грусть, улетай!

* * *

Знойное лето
Запомню прохладой
Тихого озера.

* * *

Вновь небо на твоём холсте
В лиловых облаках.
Мне зябко.

* * *

И втайне от меня
Оно тебя простило,
Слепое сердце.

* * *

Что видно вам
С высоты вашей,
Сосны, подруги мои?

* * *

Так рано
Порыжел ты отчего,
Скажи мне, август?

* * *

Разомкнули сосны хоровод.
Машут. Зовут.
Узнали.

* * *

Его любовь –
Бумажные цветы.
Её – живые.

эссе

Эдуард Угаров

Дерево Веры Арямновой

Корнями оно уходило в небо. Макушкой касалось лета. Пышное.

Летнее. Дерево.

Хорошо, что во дворе растёт. Хорошо, что из груди питается токами человеческими да разумом из головы моей. Было бы обыкновенным парковым – обрубili бы ему руки – как это модно сейчас. Вот и посмеялся бы заштатный ландшафтный дизайнер над порожде-

Родился (1978) в Тольятти. Окончил юрфак Академии труда и соцотношений. Живёт и работает в Казани. Автор книг стихов «Подворотня», «SOСстояние весомости». Публиковался в сетевых (РФ, Финляндия, США) и печатных изданиях Москвы и регионов. Призёр литературного конкурса журнала «Лексикон» (Чикаго, 2010), лауреат различных литературных фестивалей и конкурсов

нием души человеческой. И плевать ему было бы, что небо корнями уходит в него.

**...Пахло небо тёплым молоком,
и никто под ним не знал печали.
Наверху звенели и стучали –
звёзды прибавляли молотком...**

Из молочной почвы по кисельным облачным берегам тянулось древо отдать свою крону нам во исполнение небесного закона. А я – ничего не знающий, сидел себе за компьютером, смотрел в окно и не видел его. А хотел. Смутно различал штрихи. Откуда ж мне было знать тогда, что это ветви его? Откуда ж мне было знать, что смотреть надо не в окно, а в себя? Вчитываться в строки, прорастающие из корневых глин в меня самого.

**Сладко лету в дереве моём
на ветвях берёзовых качаться.
Мы согласно с деревом живём,
как сестра с её зелёным братцем...**

Всматриваться в себя. Вслушиваться. Вчувствоваться в эту гармонию. Шорох листьев совсем близок. Покачивание веток на ветру – невесомо. И пение птиц. В этой широкой и густой кроне – голос пернатых созданий, прозревающих свою жизнь. Поющих о начале дня. Приветствующих солнышко.

**Я скукаю по блестящим пёрышкам,
птичий нрав порою трудно скрыть.
И умею сытою быть зёрнышком...**

Ничего не требующим. Только дай им полететь вволю. Дай кусочек синевы да зелени. И голос будет крепчать в перламутровом утре. Щебетанье накаляться. Слова – отдаваться в сердце каждого прохожего. Звучать музыкой из радиоприёмников и телевизоров. Шуршать колёсами проезжающих машин. Простукиваться вбивающейся строительной сваей неподалёку. Слышаться запоздалым грохотом уже пролетевшего самолёта...

**...Знать, ещё не «попросили»,
рано полнить мёртвых рать.
Мне в России о России
столько надо написать!..**

И отзовётся нечто древнее, живущее во мне с рождения. Голос крови ли? Вера отцов? Выйду на улицу в тёплый ещё августовский день. Подойду к дереву и скажу: «Ну, здравствуй, родное...» Обхвачу ствол руками. Прижмусь всем телом и почувствую ток его. Жизнь, спрятанную под толстой рельефной корой. Спрятанную вечность...

**...Чёрным я пишу на белом,
и волнения не унять:
«Бог – в России. Занят – делом.
Спрятан – значит, хранят».**

А потом можно сходить погулять у Фуксовского садика. Спуститься вниз по каменным ступеням. И идти овалами, по серпантину дороги спускаясь к Казанке. И опять меня со всех сторон окружают деревья. Ветви раскинуты по всему небу. Поддерживают его на весу. Листья острая, узкая. Полыхает зеленью за версту. Некоторые отклеившиеся листочки уже на земле. Пожухли. Смялись. Ветки недовольно корчатся без одёжки. Но ближе к стволам, в кроне, ещё густо, ещё есть откуда вспорхнуть.

**...Ангел нахмурится,
с ветки вспорхнёт –
строит гнездовье.
– Мается вечно этот народ
с глупой любовью...**

Как много часов проведено здесь в вечерних прогулках одичавшей души. В размышлениях обо всём на свете. Томлении по непознанной ещё любви. Беседах с самим собой. За поворотом стоит единственный свидетель тому – кудрявый красавец клён. Раскинулся вширь. Богатырскими взмахами ветвей помогая себе расти высоко вверх. На его коже уже кто-то нацарапал любовные руны.

**...как бы ни обидели его –
хоть ножом на коже вырезали,
дарит тень и свежесть – никого
нет светлее древа моего,
нет добрее древа моего,
и мудрей его найти едва ли.**

Когда-то, ещё в школе, мы сбегали сюда, прогуливая скучные уроки. Дере-

вья, растущие по склону Казанки, казались огромными и непролазными. Тянулись они почти до берега, до старой полузатопленной баржи. Здесь мы играли в войнушку, из сучьев и сухих опавших веток мастера себе автоматы. Пробовали курить. Просто лежали закинув руки за головы, всматриваясь в густоту крон. Здесь было хорошо. Интересно. Причудливо. Пока однажды зимой не подъехал грузовик, и на склон из него не вывалили кучу собачьих скелетов. Результат отлова бесхозных животных. Больше к этому склону мы не спускались.

**Скань раздетых ветвей
на холсте обнажённых небес,
дрожь остывшей земли,
перепаханной, чёрной и голой...**

Уже совсем стемнело. Пройтись вокруг НКЦ, и пора возвращаться домой. У Министерства финансов мужик поливает из шланга клумбы. Заглядываюсь на красивые оранжевые и ярко-алые цветы. Интересно, как они называются? Думаю о том, что, наверное, я хотел бы быть садовником. Прекрасное же дело – растить живую красоту. Заботиться о цветах, ухаживать. Тихо. Размеренно. В гармонии с самим собой...

**Я сажаю примулу в саду,
между пальцев пропускаю землю...
А недавно я была в аду.
И теперь я многое приемлю,
не считая за беду – беду...**

Прохожу мимо Площади Свободы. Смотрю на деревца боярышника у скамеек. В детстве мама собирала нас, дворовых ребятишек, и приводила сюда. Она садилась на скамейку и всматривала наряд милиции, постоянно патрулировавший здесь. А мы в это время забирались на хилые и скрюченные деревушки и срывали ягоды. Сочные и очень вкусные – если спелые. Когда поблизости появлялась милиция, мама предупреждала нас, и мы всей гурьбой сразу же слетались на скамейку, а потом, когда опасность прошагивала мимо, принимались вносить за деревозащитные.

**Минуты счастья прошлого во мне
необратимо, как снежинки, тают.
Как свет колючих мелких звёзд
во мгле,
когда светает...**

Вот я и во дворе дома. А встречает меня всё то же дерево. Могучее. Непредложное – как вечный закон бытия. Соскучилось. Поигрывает листьями на ветерке. Сгребает к себе доброту и любовь, оброненные людьми, и готовится поделиться этим светом со мной. Я приветственно машу ему рукой.

**...Вольно ветру листьями играть,
любю птицам отдыхать в прохладе.
Дерево моё – то брат, то мать,
и о друге с ним скучать не надо...**

Подхожу к нему ближе. И оно шепчет мне:

**Сгорели султаны сирени:
любая краса – на пока...
Но жар твоих стихотворений
дойдёт до сердец сквозь века.
Разрушится крепость строений,
спадёт голубая вода.
Но боль твоих стихотворений,
она, мой родной, навсегда.
Как ропот древесных листочков,
как треск согревающих дров.
Как градус вина – тот, что в бочках –
крепчает и сила стихов.
Ты бос, неуверен, отвергнут,
ты раб – над тобою цари,
но их позабудут, поверь мне.
Ты просто живи и гори!**

Тимур Алдошин и цикл стихотворений «Мама»

Нас пишат – и мы пишем. Блуждаем в потёмках, ворочаемся беспокойно, словно в утробе матери. Скользко, темно, неясно. Наружу хочется. К свету. А не преждевременно ли мы туда вознамерились? Пиши себе о понятных вещах. Взрослей. Матерей. Может, к концу – забрезжит путь.

Встанешь потом на полное своё собрание сочинений, глядишь, и рукой дотянешься пощупать, что там было то, наверху. Что тебе всю жизнь покоя не давало. Что за отголоски ты слышал и записывал как умел. Где там этот чёртов самописец скрывается, что жизнь твою по два целковых за лист строчил и роздыха не знал.

Ты строчил – и о тебе строчили. А ты как думал? Хорошо ли, плохо ли. Графоман над тобой поработал, или гений руку приложил – это и есть судьба. И никуда от неё не деться. За исключением одного особого случая. Взять, и родиться заново.

Уникальная вещь! Страшная. Опасная. Горькая. А может быть, наоборот: Прекрасная! Но именно, для одного человека на миллион вещь, абсолютно необходимая и единственно верная.

К чему это я?

Знаю одного такого человека. Мало того – читал дневниковые записи об этом невероятном событии. Всё там, конечно же, зашифровано, да ещё и в стихах. Но сути это не меняет.

Вот они – роды преждевременные.

...Для пятидневных нет могил.

Я б тебя, как сына, полюбил.

Ты канализацией ушёл.

Там тебе теперь хорошо...

Хорошо ли тебе девица? Хорошо ли тебе ясная? Процесс запущен и необратим. Канализацией, батенька, канализацией. А ты как хотел? В белом фраке с гвоздичкой на лацкане – за то, что смелый такой оказался. А вот этого не хочешь?

...Кресло. Сталь. Кровянка. Тазик.

Обморок.

Встань, иди. Оденься потеплей.

Помолись собаке или облаку

за грядущих Божьих Матерей...

Очнулся? Протёрли тебе глазёнки? Спала кровавая пелена? Назад не хочется? Знаю, что хочется. Не то ты ожидал увидеть в прозрении своём творческом.

Где фанфары, где литавры? Где великие темы, раскрытые тебе по пунктам? Где пружинящая сила, тол-

кающая на великие свершения? А пуговица перерезана. Всё что было – в прошлом. Теперь только где ползком, где мелкими корявыми шажочками, но только вперёд.

Я твой сыночек, ты моя третья мама.

«Если нет выхода – иди прямо».

Иду прямо в рай твоего чрева,
в нерождённых небо апостолом
по водам...

Видишь, снимает плоть,
как платице на ночь, Ева,
возвращаясь ребром в клетку
твою, Адам.

И теперь ты ползёшь, ковыляешь, бежишь – в чрево другое. Чрево познания. Ничего пока не соображаешь. Ни о чём не думаешь. Но уже что-то примечаешь. Лишь бы дойти. Страшно. Одиноко. Жизнь царапает – бока в кровь обдирает. И холодно и голодно, а ты всё наверх поглядываешь.

Свет пень пнём стоит городовым
на пути к садам дородовым.

Слишком стал для входа я огромен,
как верблюды, зазубрен и бездомен.

И вроде, казалось, дошёл уже. Стоишь в предвкушении великих открытий. А таинство сквозь тебя как нож сквозь масло проходит. Бежал, карабкался, полз – всё зря. На месте ты топтался. Ничего тебе нового не открылось.

Выяснилось: дело не в зарядах,
электроны просто любят ядра.

И не гравитация в объётах
держит хороводы звёзд, планет...
Никакого новенького платья
у познания – не было и нет.

Ведь всё это было. Знакомо. Незначимо. А незначимое и оказалось самой жизнью. Самой её сутью. Неуловимо трепещущей. Обманчивой – для тех, кто так хотел обмануться! Вот же она – жизнь! Лови её – руками, сачком, пером ухватывай. Только это фантом. На кончике пера – ложь изречённая. В голове гудит – бу-бу-бу, размер, что ли? Бежать надо. К классике. К столпам. К основам.

...Слуга почтительно-лукавый
пустил вдоль воздуха крыла
назад, чтоб не схватить руками
пунцовый воздух – так лгала,

так пудрила самозабвенно
кругом всё рисовой мукой
жизнь-госпожа – но розовела
то нежным ухом, то щекой!

Потому что не было никакого пере-
рождения. И быть не могло. Тебя об-
манули. Ты сам себя обманул. Ты умер
вчера, когда уснул, а утром родился.
Твоя мама – день сегодняшний. И несть
им числа. И каждая – родная, любимая,
добрая, хорошая. И ты прижимаешься
к этому дню, как в детстве к мамочке.
Пытаешься обхватить этот день ручо-
ночками своими неловкими, смотришь
доверчиво и ясно – и опять понимаешь
– обман!

...Автор погиб с помпой,
пытаясь, в числе других, местный
залить вулкан.

Предположительно,
изображение Бога.
Материал: пепел, обсидиан.

Се сукин сын. Больше сказать
не в силах,
экскурсовод в спазмах бежит
к ведру...
Город заснул, хлопьями слов
засыпан,
листья страниц корчатся на ветру.

И тогда ты совершаешь свою пер-
вую попытку разоблачения. Прежде
всего себя. А вместе с собой и бытия
этого ненастоящего. Иллюзорного, не-
познаваемого себя – можно ощупать,
можно даже в этом странном простран-
стве определить – но нельзя узнать.
Вперёд, мой друг. Мы отправляемся
обратно.

...Письменном в почтовый ящик
сыгнать хотел, как ящер,

но себя назад в конверте
получил нежданно он;
«Изменился адрес смерти», –
поясняет почтальон...

Этого и следовало ожидать. Как же
я раньше не догадался. Невозможно
уничтожить то, чего нет. Что же делать?
Прикинуться китайским болванчиком?
Жить как все? Создавать видимость
нормальности всего происходящего?
Бороться?

...Мужики шарахаться от судьбы
ззорно,
улыбнись навстречу ей,
выйду на перрон:
нежная алхимия не свинец,
но золото
впавила в единственный
наш с тобой патрон.

Живёшь, якобы. Стараешься, прав-
да, свести своё существование в этом
абсурде к минимуму. А вот именно ког-
да совсем не ждёшь – что приходит?
Любовь... Такая же иллюзия?

...Люби мене, как я тебе,
до гробовой доски,
до фотокарточки в избе,
до холмика тоски.

Я видел Любящих вчера:
они светились, как
сполохом твоего бедра
пересечённый мрак!...

Если это и иллюзия – то самая вели-
кая иллюзия в мире! Чистая – как гор-
ный хрусталь. Шаткая и колеблющаяся
– как досочка кенара. Невозможно в ил-
люзорном мире жить без иллюзии люб-
ви. Или не так: только иллюзия любви
делает этот мир для нас настоящим.
Вот то великое открытие и рождение
сделанное путником!

...Хоть бы ты мне позвонила,
детка, дурочка, душа,
сердце мира ты разбила
грифелем карандаша.

Целы в гранях древа дверцы,
живы буквы, но внутри,
хрустнув, грифельное сердце
пропадает, посмотри...

И тогда приходят слова. Они рожда-
ются сами по себе. Они сами по себе
всё могут. Животворящие строки цели-
тельны даже тогда, когда мы терзаем
себя любовью.

...Полунеструна над вишнёвым адом
глаз твоих, над раем, где и Адам
не успел взгрешнуть –
отравился ядом
от анчаров, мчащихся по садам.

Мчатся по груди янычары текста,
вырывая в ночь на скаку ребром
недоношенных до любви младенцев
не-стихов, звенящих под топором.

И так будет всегда, когда звучит Поэзия. Поэзия будущего. В стихах Тимура оно уже наступило.

Белый день энтомолога с Алексеем Кирилловым

Самый конец июля. Жара. Не такая, конечно, как в том году – но всё же... А у меня холодильник сломался. Чертыхаясь, наливаю в большой цинковый таз воды примерно наполовину и отправляю в него плавать большую кастрюлю с воображаемой снедью. Денег пока нет механизм починить – а тут хоть на день, но сохранность мифических продуктов гарантирована. Голь на выдумки хитра...

Что-то во мне просыпается. Уже напеваётся ещё не вспомнившийся мотив. Подходят строки. Разгибаюсь, и четверостишие вскакивает в моё сознание, как запыхавшийся гражданин на подножку трамвая.

Сегодня умер холодильник

.....
А он стоял все эти годы,
Работал, не жалея сил.
И тем любезен был народу,
Что под героя не косил.

Теперь я знаю, с чем, вернее, с кем выйду в этот день на улицу. С Алексеем Кирилловым.

Совсем недавно я придумал себе увлекательнейшую игру. Каждый день я выхожу на улицу с выбранным мною

поэтом. Классиком или современником – не важно. Важно уловить созвучия его поэзии с этим днём. Я шагаю по городу и строчками, словно сачком бабочек, ловлю силуэты домов, прохожих, автомобилей, небо, деревья, солнце, трещинку на асфальте, капли дождя...

Кстати, взять ли зонт сегодня? Вчера ничего не предвещало – и я насквозь промок. Выручай, Кириллов.

Зонтик.....

.....
...Он однажды может даже
Стать укрытием от дождя...

Я буду сегодня светлым, чистым и непосредственным, как эти строки. Я выйду в белый день и буду счастливым:

**Выходишь, шикарно одетый,
Сквозь пагубный времени ток.
И пьёшь апельсиново-светлый
Из пачки надорванной сок...**

Мне сегодня нужно добраться почти до речного вокзала. Недалеко от него, по правой стороне, должен располагаться книжный рынок. Самопальный. Надо разведать, когда и как он работает. И находится ли он всё ещё там.

Просто очень хочется кушать, и есть несколько ненужных книг – чем не удачное стечение обстоятельств?

Не люблю транспорт вообще. А городской и общественный тем более. Менее всего подозрительно отношусь к трамваям. Их лязганье и дребезжанье меня успокаивает. В них более просторно. Можно притвориться, что тебя и нет вовсе. Только это на кондуктора почему-то не действует. А так – вполне получается...

**Жаворонки ещё не вернулись.
Еле свои сны досыпают.
Надо же, живут среди улиц
Яркие, как небо трамвай!**

**Может, их капли умыли,
Или они вымылись сами.
Лаково мерцают из пыли
Алыми своими боками.**

Лучшее, что есть в трамвае – это открытое окно на задней площадке. Просовываешь в него голову в знойный денёк и

начинаешь ловить на себя ветер. И ещё кажется, что ты находишься под гильотиной. Это по-особенному щекочет нервы. Так острее воспринимаются запахи.

Денег только на одну поездку. Туда или обратно – пешком. Решаю, что прокачусь сейчас. Захожу. Задняя площадка свободна. Достая сачок и ловлю строки...

**Летних улиц ветер сладкий
пахнет каменной кладкой
и калёным миндалём.
И подчёркнуты углём
пятна света в переулках
и надбровья улиц гулких.**

Чуть свою остановку не проловил. Выхожу. Иду мимо автовокзала. Большой тольяттинский автобус приветливо поблёскивает. Нет, дружок, не сегодня. Когда-нибудь ты меня ещё прокатишь, не грусти...

Прохожу под железнодорожным мостом. Справа парк. По-моему, книгами торговали чуть дальше. Прохожу ещё два перекрёстка, возвращаюсь. В тени на скамеечке сидят бабушки. Атрибут городской философской невозмутимости.

Спрашиваю. Оказывается, торгуют только по воскресеньям. Прямо в парке. Сегодня четверг. Желудок возмущённо ворчит...

Иду на речной вокзал. Оттуда набережная тянется до самого Кировского моста. Это одно из моих любимых мест. Можно идти вдоль каменных перил и любоваться Волгой. Можно пробираться с другого края дороги – по липовой аллее. Густой. Сочной. Где тебя никто не увидит и никогда не найдёт...

Вот и речной вокзал.

**...И неизменная картина
На протяжении берегов:
Плывёт своим путём путина,
На поплавок, без поплавок
Мальчишки ловят окуньков,
А из затонов тянет тиной...**

И над всей этой красотей – огромное небо. Прямо над головой. Руками можно достать. И я wygrебаю из сачка...

**Удивительно непорочное
И глазастое,
Небо плакало этой ночью.
Небо, здравствуй...**

По этим местам можно пробродить остаток дня. Присесть на каменную скамью у «Локомотива» и полистать не-реализованный товар. Может, я что-то упустил? Может, в этом шрифте заключены важные для меня вещи?

Купающиеся на пляже – заражены водой. Бросаются в неё, бултыхаются, норовят плавать.

Солнце катится к Кировскому району. Скоро оно коснётся телевышки. И тогда я буду встречать закат над Волгой. Долго ещё после него алые разводы в облаках очень красиво переливаются при ветре. Потом проглотит месяц...

**...Сердце залито водой,
Но ещё тихонько светится.
Над полярною звездой
Святовит плывёт на месяце.**

**С лёгкой удочкой в руках
Над земными берегинями
Ходят карпы в облаках
И зовут его по имени.**

Надо возвращаться домой. Иду по аллее и цепко оглядываю кусты вокруг себя. Когда же я, наконец, найду дипломат с деньгами? Он должен лежать именно на моём пути и конкретно здесь! Ну, может быть, чуть подальше.

Я даже знаю, как он выглядит. Немного потёртый. Со сломанной ручкой. Из дорогой кожи. Чёрный с двумя царапинами слева. Прячущийся в опавшей листве, но выглядывающий из неё для меня. Сколько я уже хожу по этой дороге – а его всё нет.

Размышления прерывает истеричный визг останавливающегося состава. Я прохожу вокзал. Из сачка вспархивает буква «в»...

**В ремя дням накручивает цену,
В няв старинной ноевой привычке,
В сех собрав для следующей сцены,
В темноту швыряет электрички...**

В агон, в окзал – определённо «в» – буква железнодорожная...

Уже у самого моста поперёк дороги стоит машина с включёнными фарами. Любовь прекрасна во всех своих проявлениях. И даже на заднем сидении.

А строчки слетаются на свет и бьются о стекло...

**...Гляди, танцует бабочка фокстрот.
Что испечёт печаль тебе твоя?
Она сама, как время, истечёт,
Саму себя от господы тая.**

Пересекаю железнодорожные пути и выхожу на набережную Казанки. Иду мимо цирка к Кремлю. Скоро я буду дома.

Спасибо тебе, Алексей. День был светлым и добрым, как ты и твоя поэзия. Мы ведь не прощаемся?

**Давай никогда, никогда не умрём,
Я дам тебе дудочку
для вдохновенья.
Ты будешь рассказывать
стихотворенья
И чёрным, и светлым,
и радужным днём.**

**Давай не расстанемся,
даже простясь,
Пройдёмся по выставшим с ночи
проспектам,
И будет у нас неизвестная секта,
Одна на двоих неразрывная связь.**

Автобус Филиппа Пираева

Еду в другой город. Уезжаю. Бегу от смертей. От неустроенного быта в полуразвалившейся квартире. От затхлости и никчёмности каждого нового дня. Убегаю от бывшего себя. Успеть бы на автобус, а там...

**Не протирай окно, не суетись! –
не всё ль равно, куда бежит автобус?
Закрой глаза и выцветшую высь
окрась мечтой, поэту уподобясь...**

Автобус бежит верной дорогой. Единственной. Несёт меня в своём хромированном теле навстречу однотипным

многоэтажкам и изрыгнёт из себя через шесть часов, так и не переварив. Потому что в венах моих сегодня – вместо крови – текут стихи. Такие же солоноватые. Загустевшие. Пронзительно шепчущие о любви к миру, об окружающих меня людях и о той единственной женщине, которая меня непременно спасёт своим добрым и светлым существованием.

Растворится автобус в поэзии Филиппа Пираева. Захлебнётся в волне лиричности и молитвенности слов. Нет, не переварить ему эту музыку. Так пусть он просто катится меж лугов.

**...Давай не знать, что кроется
во мгле,
за ширмою витиеватых линий.
Не гасло б солнце в лобовом стекле –
и пусть на боковых камлает иней.**

Я прикрываю глаза, откидываю голову на сиденье и вслушиваюсь в мерное гудение двигателя. Соседка слева бешено разговаривает по мобильному телефону. Выясняет у абонента-тетери на живом великорусском языке, почему он до сих пор не чешется по поводу каких-то там продаж.

**...и надо рывком бы да так
чтоб оглохла заря
да так чтобы молнией в тучах
копья наконецник
но странная хворь навалилась
на богатыря
но душит и вяжет дурман
карачаровских печек...**

Печки – это актуально. Сидение моё располагается прямо под печкой. Чувствую себя нагретым пассажиром, попавшим в автобусный ад. Поджарка места пониже спины происходит успешно. И я, как дополнительную экзекуцию к основной, принимаю на слух потрескивание сухих поленьев языка очаровательной соседки.

**...молитвою матерной
шар потешая земной
юзя меж холопским ярмом
и державною спесью
всей в тундру неверия лагерем
вмёрзшей страной
кукуем на рынках и стонем
бурлацкую песню...**

Боговодитель, видимо вняв моим молитвам, включает в салоне телевизор. Переводчик голосом Коклюшкина передаёт мне суть высокоинтеллектуального диалога робота-полицейского с афроамериканцем, подторговывающим наркотой. Начало очень захватывающее. На одно слово – по несколько выстрелов, и в заключение – очень даже красочный взрыв. Синема – гейм овер?

...и словно кино из под пляшущих
смотрим бровей
как даже сценарным лобзанием
не удостоив
толкает знамёна и храмы
пахан соловей
за тридцать гринов и довесок
форматных ковбоев...

Под сладкие трели искорёженного механизма на экране проваливаюсь вместе с передним правым колесом автобуса в колдобину сна. Во сне город меня не отпускает. Я опаздываю на троллейбус, чтобы доехать до автобуса. Город хохочет открывающейся и закрывающейся массивной дверью Оперного театра, а киоск Роспечати тонко ей подхихикивает дребезжащими от ветра стёклами. Вся скопившаяся тоска гранитного Владимира Ильича обрушивается на меня.

Сачком циклона накрытый,
желаний лишён мирских,
весь город лежит корытом
под сточной трубой тоски...

Слава тебе, Господи, просыпаюсь... Медленно, ещё не до конца осознавая где я, открываю глаза и вперяю взгляд на спинку сидения перед собой. Взгляд скользит по сеточке, куда удобно поставить бутылки с питьём. Лениво размышляю, достать ли минералку из пакета, и опять на лесном повороте качаюсь в дрему. Но уже приятную.

Резкий толчок. Просыпаюсь уже окончательно.

...мигрень пробужденья от грёз
тяжелее похмелья
и горше полыни над верой
вчерашнею смех
оно бы нехило мессиею или емелей
да жаль виффлемов и шук
не хватает на всех...

Пятиминутная остановка. Можно выйти, покурить. Размять затёкшие члены. Поглазеть на обочину и не рассыпанный по краям дороги гравий. Он так сочно переливается под солнечными лучами, что кажется – какой-то автостроительный олигарх рассыпал изумруды.

Вдоль дороги тянутся поля. Дальше лес. Как же хочется из стальной этой коробки вырваться на волю. Брести по полю к лесу и ни о чём не думать.

...До веры – прочитать лесов
апокриф
и пред неопалимой тишиной
склониться в поле, шляпу сняв
и обувь,
до мудрости дослушаться земной...

Все садятся на свои места. Скольжение по асфальту продолжается. В салоне водителя, чуть выше лобового стекла, мерцают электронные ходики. Если им верить – путь наш продолжается около трёх часов. Но верить не хочется. Потому что катится по дороге вся моя жизнь. Хотя, почему её и не уложить в эти три часа?

Ах, время, время!

...Это – время, расплескавшее
по лицам
сеть морщин – дождями вымытых
каналов.
Это – право быть бесправным,
погрузиться
с летом в Лету, в ретро ветра.
Это – «a la
prima» жизнь – кокетка в зеркале
мольберта –
светофоров гамму влившая
в этюды.
Над гордыней суд,
немыслимость обета
не мечтать и флейты
лёгкая простуда...

Начинает темнеть. Откидываю занавесочку и вглядываюсь в могучие ели, близко-близко мелькающие перед глазами. Дорога стала совсем узкой, тряской. Мы мчимся по лесу. Небо очень ясное. Почти прозрачное. Совсем вдаль, почти у горизонта, плывут две пушинки. Такие осязаемо лёгкие. Ещё

мгновение — и они совсем растворятся в воздухе или осыплются вербной и тополиной ватой.

Перевожу взгляд на противоположное окно. С того края небо начинает тлеть и в несколько минут, раздуваемое ветрами, уже вовсю полыхает.

Раскалённый диск, сделав своё дело, медленно уходит под землю.

**Бьёт закат прямой наводкой
по озёрным зеркалам,
тополям и дачным соткам,
прилепившимся к холмам...**

Вот и пригород Зеленограда. Дачи действительно прижимаются к холмам. Но от закатных лучей им не спастись. А наверху у исчезающего солнца небесные дела принимает месяц. Немножко потёртый, кривой, несуразный. Не проснулся ещё. Сонно потягивается. Озирается. Начинает расплываться. Набухать. И вот это уже и не месяц вовсе – а самая настоящая луна.

Ветер ушёл в ночное.
В паводке тишины,
словно привет от Ноя –
сольный ковчег луны.

Я смотрю на неё и думаю о любви.

мой. Ведь как они похожи: далёкие и родные...

Я бегу от бывшего себя. Уезжаю от одиночества и тоски. Туда – где умеют любить. Где жертвуют собой ради другого. Где совершенно бескорыстно приходят на помощь. Где верят и чувствуют в тысячи раз тоньше и острее. Где знают, что только доброта и любовь спасёт не только весь мир, но прежде всего – самих себя.

Я уезжаю в завтрашний день, где точно будет всё хорошо.

На три октавы выше, чем «люблю»,
щедрей костра, чувствительней,
чем нервы,
чтоб жизнь и боль чужую – как свою,
и поцелуй стотысячный –
как первый!

Сквозь осень и перроны – без гроша,
за парусом и птицами – стихами!
пытливей, чем бессонная душа,
доверчивей, чем детское дыхание.

От красоты пьянее, чем лоза,
по злу – прощеньем;
бури – как удачу.
Скупая на щеке времён слеза...
и на надежду – вечности богаче!

pen
INTERNATIONAL

Всемирные конгрессы писателей: Хельсинки, 1998

На трибуне Всемирного конгресса писателей в Хельсинки президент Татарского ПЕН-центра Туфан Миннуллин. С татарского на английский его выступление переводит Вахит Юнус

В кулуарах Конгресса: Разиль Валеев, Туфан Миннуллин, Талгат Бареев, Белла Ахмадулина, Ахат Мушинский, Набира Гиматдинова

В Финляндию на 65-й Всемирный конгресс писателей поехала самая большая делегация Татарского ПЕН-центра – десять человек.

Это:

Туфан Миннуллин,
Разиль Валеев,
Ахат Мушинский,
Вахит Юнус,
Мусагит Хабибуллин,
Марсель Галеев,
Ркаил Зайдулла,
Марсель Галеев,
Мударис Валеев,
Лия Корнилова

*На открытом воздухе Финляндии:
Карлос Шерман –
член Белорусского ПЕНА,
проживавший в Испании,
Мусагит Хабибуллин, Мударис
Валеев, Вахит Юнус,
Василь Быков – член Белорусского
ПЕНА, проживавший в Германии,
Разиль Валеев, Ахат Мушинский,
Ркаил Зайдулла, Туфан Миннуллин*

*На чаепитии во время приёма в Татарском доме
в Хельсинки*

*Хорошо передохнуть на финляндской
травке: Туфан Миннуллин (справа) и
Ахат Мушинский*

*У озера под Хельсинки: Юкка Малинен, Василь Быков,
Карлос Шерман, Разиль Валеев*

Наводить разрушенные мосты

Тузель
Валеева-Сулейманова

Сегодня под рубрикой «Палитра», как и обещали в прошлом номере, мы представляем казанского живописца Фирината Халикова. Родился художник (1957) в г. Донецке. До Казани в его биографии был ещё г. Киров. Прославился Ф. Халиков живописными полотнами на тему средневековой ханской Казани. Работы эти принесли ему Госпремию РТ им. Г. Тукая. Картины Ф. Халикова хранятся в Русском музее С.-Петербурга, Государственном историческом музее Москвы, музеях Казани, Кирова, Йошкар-Олы, в частных собраниях США, Италии, Японии, Германии... Ф. Халиков – член-корреспондент Российской академии художеств, главный художник Московской соборной мечети. О краеугольном предмете изображения живописца сегодня пишет доктор искусствоведения Г. Валеева-Сулейманова. Однако, надо заметить, что у мастера прекрасны не только исторические полотна, но и портреты, пейзажи, взятые из обыкновенной нашей, современной жизни. Именно на них акцент сегодняшнего номера «КА»

Современная эпоха принесла много нового. Перемены коснулись не только общества, но и каждой личности, особенно творческой, осмысливающей мир сквозь призму духовных ценностей. Возникший демократический импульс, хотя и был обращён в будущее, неожиданно поднял волну переоценки прошлого и нового взгляда на национальную историю. Появилась необходимость в её объективном отражении, в замене однобокой и искажённой трактовки прошлого народов на раскрывающую все перипетии исторического развития. Из-под идеологического запрета вышли целые периоды в истории татарского народа, поднявшие бурный всплеск интереса к ним не только со стороны профессиональных историков, но и деятелей культуры – писателей, композиторов, журналистов.

В этом ряду особое место, в силу образной специфики языка, занимают художники и среди них – живописцы, использующие двухмерную плоскость холста для визуального воспроизведения реальности как в пространстве, так и во времени. И хотя все они пользуются кистями, красками и мастихином, однако у каждого своя творческая страсть, своё призвание в живописи.

К художникам с собственным взглядом на мир и на роль в нём искусства, ставящим цель осмысления многовековой судьбы своего народа, надо отнести Фирината Халикова – нашего современника, крупного живописца, снижавшего популярность масштабными по замыслу полотнами на исторические темы. Вот уже более двадцати лет он

Фиринат Халиков

остаётся верным своему призванию и воплощает в своих произведениях драматические страницы татарской истории, в этом он видит свою миссию как художника и гражданина.

Получив профессиональное живописное образование, он начинал как пейзажист, очарованный неброской красотой природы средней полосы России и всей душой переживающий за её будущее (цикл пейзажей «Умирающая деревня», 1982–1993); писал с натуры портреты.

Работая в жанре пленэрного пейзажа, Халиков связывает своё будущее с традициями отечественной школы реалистической живописи, ставит живую натуру во главу образного концепта своих картин. Постигнув вместе с коллегами по творческому цеху (объединение художников «Москворечье») высокие цели живописи, Халиков переезжает в Казань. Здесь он проходит обучение в мастерской Академии художеств под руководством народного художника СССР Х. Якупова, и здесь происходит становление его мировоззрения как ху-

Фиринат Халиков
с председателем
Духовного
управления
европейской
части России,
шейхом
Равилем
Гайнетдином

дожника со своим предназначением.

В 1990-е годы Казань была в центре движения татарского народа за возрождение культуры, истории, духовных традиций. В авангарде этого движения находились казанские учёные. С одним из них — археологом А.Х. Халиковым художнику довелось профессионально общаться в процессе иллюстрирования его научного труда. Был создан цикл графических работ (акварель, гуашь), посвящённый истории г. Болгара — «Хан Алмуш», «Чёрная палата в Булгаре», «Северный мавзолей», «Иерусалимский овраг» (все — 1993), «Чёртово городище» (1994). Большинство листов этого цикла исполнено в жанре видового архитектурного пейзажа. Это был новый опыт, ставший отправной точкой в эволюции художника в новом для него направлении.

Историческая живопись — один из самых сложных жанров тематической картины. Занятие ею требует не только профессиональной зрелости, но и гражданской ответственности. Во главе её стоят историческая правда и обоснованность авторского замысла. Необходимы глубокое погружение в материал, большая кропотливая, близкая к научной, работа над источниками, освоение их на уровне интуиции и фантазии,

способность из конкретных документальных свидетельств воссоздать достоверный и убедительный образ эпохи. Всё это есть в арсенале Халикова и помогает ему выстроить собственную идейную и художественную концепцию в интерпретации отображаемых им явлений.

Ключевым моментом в творчестве живописца является степень обобщения им исторического образа. Одни выбирают метод типизации и стилизации, создавая образ-символ, образ-идею. Другие идут по пути конкретизации и детализации образа, за которыми часто теряется содержательность идеи. Третьи, к ним надо отнести Халикова, претворяют методы того и другого подходов, что позволяет более правдиво и максимально приближённо к историческим реалиям отразить дух эпохи и в то же время раскрыть идею автора, его творческий замысел.

Вполне закономерно, что Халиков, как и многие исторические живописцы, первоначально пробует свои силы в жанре исторического пейзажа. И сразу же центральной темой своего творчества выбирает Казань — легендарный город периода расцвета в эпоху Казанского ханства. История Казани всегда была особой животрепещущей темой,

С президентом
Российской
академии
художеств
Зурабом
Церетели
в день присвоения
Ф. Халикову
звания
членкора РАХ

229

однако в живописи до него она не нашла соответствующего её масштабу отражения. Особенно это касается ханской Казани и трагических страниц её падения.

Халиков оказался на гребне волны всеобщего интереса к истории этого легендарного города. В республике, да и за её пределами, была развёрнута широкомасштабная работа по определению даты основания Казани, появились новые археологические материалы из раскопок Казанского Кремля, были открыты неизвестные ранее источники, освещающие события завоевания Казани. Это побуждало умы к созданию новых реконструкций, в том числе и живописных. На основе исторических, археологических, литературных и этнографических данных, а также в процессе подготовительной работы – этюды, эскизы, наброски – Халиков приступил к написанию исторических картин, посвящённых средневековой Казани.

Важно отметить, что в своих полотнах он не просто детально фиксирует живописно развёрнутую на холсте панораму города. Он осмысливает образ города в высоком романтическом ключе, создавая поражающее воображение зрелище. Перед нами, как живой слепок ушедшей эпохи, возникает неведомая

ранее ханская Казань с её грандиозной архитектурой мечетей, дворцов, крепостных башен, городским посадом, ярмарками, природными ландшафтами.

Душевный порыв художника нацелен на восстановление связи со своими далёкими предками. Это и ностальгический взгляд, авторская реконструкция ушедшего в небытие идеального, совершенного по облику города. Для любования им Халиков каждый раз выбирает новый ракурс, новую точку высоты «птичьего полёта», время года, события из жизни города, пространственный антураж и стаффаж, старается сохранить эту многоликость города в умах и сердцах соотечественников.

Творческий импульс, заданный видовыми образами возрождённой Казани, поставил перед Халиковым новые амбициозные задачи. Исторический пейзаж становится составной частью более масштабной и гораздо более сложной по творческому замыслу тематической картины. Последняя знаменует собой новый этап в биографии художника. Теперь Халиков ставит перед собой задачу художественного осмысления не только исторического образа города, но и событий, в нём происходивших. Героями его картин становятся горожане, простой народ и великие зна-

менитые личности, сведения о которых сохранились в татарских преданиях и русских летописях.

Халиков создаёт грандиозную живописную панораму, освещая наиболее важные моменты из истории ханской Казани. Художник выбирает сюжеты остро драматические, судьбоносные для татарской истории. Разворачивает их в многофигурных композициях, объединяет в жанровые циклы, тематические серии. Отдельную сюжетную линию представляют полотна, посвящённые событиям, связанным с такими крупными историческими личностями как Улу-Мухаммед, Сююмбика, Шах-Али, Иван Грозный. Самостоятельную группу произведений образуют картины, созданные в качестве этюдов, подготовительных эскизов (рисунки, акварели).

Колоссальная работоспособность и творческая устремлённость Халикова позволили преодолеть интеллектуальные и эмоциональные барьеры, вставшие на пути мастера исторической живописи. Мужественная личность, проросшая композиционная структура картин Халикова с их особым простран-

ством играет важную роль в целостном выражении авторского замысла. Она усиливает не только эмоциональный настрой образов, но также помогает более остро высветить коллизии, характеры персонажей. Яркая восточная и мусульманская фактура бытовой культуры казанских татар, характерные типажи и психология образов вносят национальную самобытность в картины Халикова. В стилистике его полотен особую роль играют светотеневая моделировка формы, усиливающая визуальную объёмность, чёткая и тщательная проработка деталей, богатство колорита, опирающегося на цветовые традиции татарского народного искусства.

Помимо идейно-творческих задач, Халиков решает и задачи воссоздания утерянного звена в цепи материальных свидетельств, характеризующих татарскую городскую культуру. Многие приходится додумывать самому, интерпретировать формы архитектуры, бытовой и художественной культуры корнями.

Халиков своей судьбой управляет сам. Он выбрал благородный созидательный путь – наводить «разрушенные мосты», открывать новые старые миры и покорять новые вершины!

Лия Корнилова
во время
Всемирного
конгресса
писателей
в Хельсинки
(2008)

Лия
Корнилова

из
дневника...

Башня Сююмбеки или Сююмбики?

231

Как-то один выступавший на литературном вечере произнёс название самой известной башни в Казанском Кремле таким образом: башня Сююмбёки. Я сказала ему, правильно будет: башня Сююмбики. На это мой собеседник ответил, что в разных литературных изданиях, в средствах массовой информации, он встречал два вида написания и произношения. И даже три: башня Сююмбике.

Шептаться на вечере было неудобно, и я не смогла объяснить свою точку зрения.

А она такова.

Во-первых это не башня имени татарской царицы, а башня принадлежащая имени царицы. Наподобие собора Петра и Павла, Василия Блаженного... На татарском так и звучит: «Сеембикё манарасы», то есть: «Башня Сююмбики».

Во-вторых, откуда в предпоследнем слове имени взялась буква «е»? Ведь имя-то царицы «Сююмбика». А что такое «бика»? Бика — это окончание многих тюркоязычных имён, означающее «госпожа». С такой концовкой в татарском языке имён немало — Алтынбика, Алмабика, Султанбика, Карабика... Откуда же взялась эта ошибка?

Скорее всего, от мужского имени Сююмбек, где «бек» означает титул должностных или имущих лиц. Практически, то же самое значение имеет окончание «бей»: Алтын-бей, Измаил-бей.

Так что, в татарском языке есть имена, как Сююмбика, так и Сююмбек, как Идельбика, так и Идельбек. Только вот они разного рода. Сююмбика, как мы понимаем, – женского.

Значит, башня чья? Правильно и однозначно – Сююмбики.

И последнее. Не надо ссылаться на публикации в печати, на услышанное в кино, по телевизору или радио. Уровень правильного владения языком с каждым годом всё ниже и ниже. Просто надо задумываться: если видишь, что и так и этак встречается, то как же правильно? А что говорят словари, а что это слово обозначает и раскладывается ли оно на составные и т. д. И если хорошо подумать, проанализировать, то верный ответ не замедлит явиться.

Кстати, в «Татарском энциклопедическом словаре», что на русском языке, я встретила написание «Сююмбике». К сожалению, наши энциклопедисты взамен татарской буквы «ә» в качестве русского аналога выбрали «е», хотя точнее звучит, конечно «а»: *Сююмбика*. Сравните: *Альметьевск*, *Альмандар*, *Ахат...* Не пишем же мы: *Ельметьевск*, *Ельмендер*, *Ехет...*

Блоха прыгает выше, рыба плывёт быстрее...

(эхо Олимпиады)

Минувшие Олимпийские игры в Лондоне показали нам, что мы не самые лучшие не только в спорте, но и в интеллекте, языкознании, вообще – в образовании и воспитании. Это наглядно продемонстрировала нам целая армия

комментаторов Олимпиады по разверзшимся спортивным источникам различных СМИ.

Первенствовал здесь Дмитрий Губерниев. Его зычный, страстный голос не мог заглушить как многочисленных «профессиональных» лексических ошибок, так и своих личных. К «профессиональным» я отношу такие обороты речи, как, например: «Американский пловец Майкл Фелпс выиграл Олимпиаду на дистанции...» Но ведь Олимпиаду, как и чемпионат, как и какое-либо соревнование, выиграть нельзя. Выигрывают в Олимпиаде, в Олимпийских играх какие-то места или медали, а не само соревнование. Но это, повторяю, профессиональное. Так моряки говорят «компас», а прокуроры – «осужденный»...

Но тут Губерниев в своём репортаже переходит на образную речь и говорит об убедительном первом месте пловца-китайца, как о победе в одну калитку. Какую калитку? Вы видели на плавательных дорожках какие-нибудь калитки или ворота? Я тоже – нет. А вот на футбольном поле ворота видела. То есть вполне приемлемую фразу для футбола, хоккея, гандбола... – «победа в одну калитку» – темпераментный комментатор перенёс на водную дорожку пловцов... и сел в лужу. Что поделать, человек законов образного языка не ведаёт!

Почтенный Владимир Молчанов руководил в студии целой когортой спортивных журналистов, профессионально комментировавших для телезрителей события на Олимпийских играх. Я как увидела это в своём телевизоре, так сразу воскликнула: «Откуда он там взялся?» Всю-то жизнь уважаемый Молчанов вёл по ТВ всё, что угодно, кроме спортивных программ. А тут... Сидит, как обычно, потирая свои холёные пальчики, умные слова произносит своим бархатным голосом. И вдруг как-то растерянно спрашивает у близлежащего соседа: «А чем отличается рапира от сабли?» В то время как раз фехтование давали. Я чуть со стула не упала. А

сосед-то в студии тихонечко ему отвечает: «Рапирой колют, а саблей рубят». Комментарии к вопросу седовласого мужчины необходимы? Спрашивается только: или у него настоящего мальчишеского детства не было, или он не читал ни Гоголя, ни Куприна... Так, хоть бы перед Олимпиадой в качестве подготовки толковый словарь раскрыл.

А этого комментатора я видела в первый раз. К моменту телеэфира наши дзюдоисты Арсен Галстян, Мансур Исаев, Тагир Хайбулаев завоевали золотые медали, и наш телекомментатор произнёс, благостно вздохнув: «Это русское дзюдо!» Его коллега усмехнулся: русское дзюдо, мол, звучит примерно так же, как индийское самбо. Неожиданное возражение специалиста. Казалось бы, на поверхности-то было несоответствие «русского дзюдо» с именами борцов-победителей. Но, оказывается, и другое логическое несоответствие имело место.

Заметна была узкая специализация комментаторов. Например, идёт трансляция греко-римской борьбы. Борец побеждает и в порыве радости делает акробатические прыжки. И вот «спец» по борьбе обыкновенное сальто называет то пируэтом, то кульбитом... А что такое кульбит, скажем? Это элементарный кувырок. Шаг влево, шаг вправо в спортивных дисциплинах... и наш узкоспециализированный вещатель уже, как мы говаривали в детстве, «некопёнгаген»!

Как обычно, комментаторская речь была заполнена штампами, то есть готовыми и набившими оскомину фразами. Порой корявыми, но прочно укоренившимися в языке спортивных журналистов. Особенно не продохнуть было от этого «непопадания». Непопадания в тройку призёров, непопадания на пьедестал почёта... Ведь десяток синонимов и образных оборотов можно привести взамен этому несуразному «непопаданию». Во время слабой игры наших ватерполистов ведущий обронил: «Это может стоить нам непопадания в финал». Во-первых, надо

говорить *попадания*. А во-вторых... Да опусти ты это слово, и синонимов-то не надо выискивать. Получилось бы просто и ясно: это может стоить нам финала. И всё. Нет же, без *непопадания* не обойтись!

Немало было откровенных нелепостей. Самая смешная представляла собой фразу «промахнулся мимо мяча (ворот)». Правильно ведь: промахнулся по мячу. А как это «промахнуться мимо»? Это же, если подумать, получается: попасть, куда надо.

Чудили не только спортивные журналисты, но и те, кто, казалось бы, далёк от спорта и Олимпиады. Журналистка и писательница Юлия Латынина, видать, уязвлённая всеобщим вниманием к Олимпийским играм, заявила в одной из радиопередач на «Эхе Москвы» буквально следующее: «Вот там, не знаю, на Олимпиаде, где соревнуются, кто прыгнет выше блохи и проплывёт быстрее рыбы...» Поясню. Ранее она завела разговор о том, что рыба всё равно плавает быстрее человека, а блоха относительно своего роста прыгает выше... «Давайте вот, – резюмирует журналистка, – блоху наградим Олимпийской медалью. И успокоимся. Потому что есть единственная вещь, в которой человек выигрывает, – это то, что у него есть разум. Давайте соревноваться в том, что касается разума...»

Хочется спросить достопочтенную: а как же насчёт игровых видов спорта на Олимпиаде? Блохи-то, хоть и прыгают хорошо, ни в баскетбол, ни в волейбол не играют. «А почему?» – возникает вопрос. Да потому что игра – это по большому счёту абстракция, соревновательное действие по условным правилам. И занимаются этим действием, которое рождено не надобностью «живота», исключительно люди, то есть существа разумные. Да и прыжки у людей, бег, плавание... – всё это соревнование не с другими видами «землян», а между собой, кто из нас сильнее, быстрее, выше... Это, если хотите, и забава, и искусство, и один из элементов познания самого себя, стало быть, – и наука.

волшебный казанок

странички
для детей

Борис Вайнер

Варенье

Варенье удалось на славу. Бабушка зачерпнула из медного тазика полную деревянную ложку, полила из неё на блюдечко и хитро прищурилась.

— Сегодня оно у меня необыкновенное! — сказала она.

Было жарко. О стекло веранды бились, не находя форточки, две глупые осы. Борька отложил кубик-рубик, с которым возился уже минут десять, и посмотрел скучающе:

— А чего в нём такого? Варенье как варенье.

— А вот и нет! Кто его попробует, сразу поумнеет.

Борька хмыкнул.

— Хочешь верь, хочешь проверь, — добавила бабушка.

Борька зевнул. Он жил на свете девятый год и к чудесам относился скептически.

Бабушка накрыла тазик большим полотенцем и вышла.

Осы перестали биться о стекло.

Затем одна из них прожужжала мимо Борькиного носа и приземлилась прямо на блюдце. Борька молча наблюдал, как она старательно набирает в хоботок бабушкиного варенья. Закончив с этим, оса снова прожужжала мимо и вылетела в раскрытую форточку.

А над вареньем уже трудилась другая оса.

Форточку она тоже нашла с первой попытки.

Борька сидел и смотрел.

Через пару минут в форточку влетела целая ватага ос. Они строем спикировали на стол и таким же строем промчались назад, оставив блюдце пустым.

Борька схватил деревянную ложку, набрал из таза и вылил на блюдце.

Осиный рой его даже напугал, хотя осы не обратили на него никакого внимания. Когда они наконец улетели, Борька зачерпнул полную ложку варенья и залпом проглотил.

Он мучил кубик целый час.

Кубик был как заколдованный.

В конце концов Борька его бросил и весь остаток вечера думал о том, как всё-таки скучно в этом мире: ни приви-

дений тебе, ни динозавров, ни инопланетян. И вообще ничего такого.

А за окном жужжали две осы.

— Ну-с, — говорила первая, — а как вы объясните феномен нашего юного друга? С игрушкой не справился!

— Полагаю, это особый случай, — отвечала вторая.

— Слабо развитое пространственное мышление?

— Именно. Тут ложечкой не обойдётся. Вот разве что целую банку...

Люся и правдивое зеркало

(из рассказов про девочку Люсю)

— Ну? — сказала девочка Люся. — И кто на свете всех милее, всех румяней и белее?

— Известно кто, — сказала Правдивое Зеркало. — Царевна.

— А так? — Люся подсветила себя снизу фонариком.

— Царевна же, говорю!

— А так? — Люся дунула на своё отражение из пудреницы.

— Царе.. Кха-кха!.. Царевна!..

— Ты там на двух гвоздиках или на одном? — спросила Люся.

— Тебе что за разница?

— Как же. Вдруг угол зрения не тот. Поправить могу. Кстати, я-то тебе как?

Зеркало задумалось.

— Ты прекрасна, спору нет... — нерешительно сказала оно.

— Ну и?

— Но царевна...

Люся вынула из портфеля молоток.

— Я прямо с домоводства, — пояснила она. — Ну, так что?

Зеркало помолчало.

— Надо же, — сказала оно, — румянец у тебя какой! Я сразу и не заметило. Тебя как звать?

— Люся, — сказала Люся и взвесила молоток в руке. — Устала. Во как руки дрожат. Значит, кто у нас всех милее?

— Ну, если...

— Да?

— Если ты так вопрос ставишь...

— Да?

— Кто ж кроме тебя!..

— Йес! — сказала Люся.

И нажала в портфеле диктофонную кнопку.

— Чего у тебя там? — спросило Зеркало.

— Да так, фигня одна, — сказала Люся. — Пусть попробуют меня теперь на конкурс красоты не послать!

Люся и приведение

Девочка Люся отбилась от экскурсии. Она шла по длинному коридору старинного замка совершенно одна, когда позади неё скрипнула дверь.

Люся оглянулась.

Из двери подул прохладный ветерок, а затем выплыла туманная фигура и, вытянув вперёд руки, двинулась в Люсину сторону.

Когда фигура была уже совсем близко, Люся сказала:

– Как не стыдно!

Фигура остановилась.

– Ты же приведение! – сказала Люся. – Привидение должно являться внезапно! Из стены. А через дверь всякий может! Вот я один раз вошла домой через форточку. Только окном ошиблась. Соседский кот потом неделю из-под дивана не вылезал. Вас что, таким вещам не учили?

Привидение растерянно пожало плечами.

– То-то и оно! – сказала Люся. – А ну, погоди... Стой на месте.

Она нырнула в дверь и исчезла.

Привидение всё ещё глядело ей вслед, когда Люся выпрыгнула на него из люка на потолке. Привидение ойкнуло и отскочило.

– Видало? – сказала отряхиваясь Люся. – И ноу проблем!.. Тебе бы в кино походить. На страшилки. А то совсем от жизни отстанешь.

Привидение вздохнуло.

– А холод где? – Люся посплунявила палец и помахала им. – Пишут же: «Оно явилось, неся с собой могильный холод». Могильный! А у тебя максимум холодильник. Средняя полка.

Привидение потупилось.

– И пятно несмываемое у тебя стирается!.. Вон я в школе на стене портрет Варвары Петровны нарисовала – потом вместе с кирпичами убирала!..

Привидение застонало и двинулось прочь. Оно удирало по коридору, быстро набирая ход. А Люся бежала за ним и кричала:

– Да кто так стонет! Вот я однажды стонала, зуб болел, так «скорая» без вызова примчалась! Хочешь – научу?

236

Рустем Мингалим

Приходи, дождик!

Щёки в каше, уши в саже –
Кого хочешь выбирай.
Мы чумазы, но отважны –
Ну-ка, дождик, поливай!
Щёки, нос, и лоб, и уши
Поскорее всем умой,
Чтобы чистыми по лужам
Добежали мы домой!

Урок

Воронье «Карр!» – не «Как денёк?»
И не стихотворение.
Ворона нам даёт урок –
Урок произношения:
Пусть все её ученики
Немножечко картавят –
Вороне это пустяки,
Ворона всё исправит.
Мы ей в ответ кричим: «Лахмат!»
Мы ей в ответ кричим: «Гахмат!»,
Но знание – это сила,
И мы уже кричим: «Рахмат!»
Спасибо! Научила!»

Перевёл с татарского
Борис Вайнер